

ИГОРЬ ТОЛИЧ

ТЕНЕ НАПИСАНОЕ
Светло

Annotation

Джей потерял любимую женщину, без которой не мыслит жизни. Он решает, что лучший способ забыть её — уехать на далёкий остров и начать писать письмо, которое она вряд ли когда-нибудь прочтёт. Эта история — извечный поиск ответов на главные вопросы: о любви, о сексе, о дружбе, о предательстве, о предназначении. Джей видит мир по-своему, но он старается сделать всё, чтобы постичь истину.

Предисловие от автора

Я долго думал и решал, стоит ли мне публиковать эту книгу. Она слишком личная и слишком значимая для меня. Она ознаменовала собой переходную черту, когда я полностью осознал себя писателем, и окончательно понял, с чем хочу связать свою жизнь. Это не значит, что в произведении описана моя частная жизнь, но совсем без частных, конечно, не обошлось. Разумеется, в целом — это художественная, но для меня — особенная работа. В чём-то интимная. Но я знаю, как многим людям, мужчинам и женщинам, иногда просто необходимо прочесть ровно такое "ненаписанное письмо".

Приятного чтения,

Игорь.

Удивительное дело, дорогая Марта.

Мне не кажется, а точно так и есть. Здесь время имеет другую продолжительность. В минутах те же шестьдесят секунд, но каждая секунда длиннее примерно вдвое. Я не знаю, что именно воздействует на меня: воздух или местная пища, или молекулярный состав здешней воды, но наверняка понимаю, что моё перемещение в пространстве затронуло не только точку на карте, обозначающую меня, но то что мы привыкли осязать как ритм дня. Его не стало и вместе с тем появился новый. Он совсем не похож на тот, каким мы жили в нашей микроскопической квартирке с надтреснутым подоконником. На него было страшно поставить даже кактус, не то что усесться с кофе и книгой и смотреть в окно на глухой серый дождь. Поэтому мы садились за кухонный стол и в последнее время всё больше молчали. Я — о своём, ты — о своём.

Кстати, больше, чем по нашему молчанию, я скучаю по нашей кофеварке. Она осталась с тобой, как почти всё, что у нас было, осталась и, наверное, продолжает тебя радовать по утрам. А я купил себе турку и уже проклял всё на свете. Никаких особых умений эта медная жестянка не предполагала при покупке и досталась мне почти задарма на каком-то развале, собранном, нужно полагать, из ворованных туристических багажей или комиссионных вещей, которые сносят жалкие пьяницы. За такие деньги в ларьке возле бывшего нашим подъезда можно было бы купить коробок спичек, а я ухватил настоящую кофемашину бедуинского образца.

Готовлю я на газу на двухкомфорочной плитке. И после появления в моей жизни упомянутой турки цвет плиты начал меняться день ото дня. Поначалу я с этим боролся, пытаюсь вернуть её в первоначальное состояние. А теперь плюнул и стараюсь долго не горевать, когда в очередной раз прозеваю момент вскипания. Прозевываю я регулярно. Эта ехидная тварь (я сейчас о турке) греется по часу и делает вид, что остается достаточно холодной, чтобы я ушёл в туалет или отвлёкся на книгу. Но как только я отворачиваю взгляд, она мгновенно закипает. Причём очень тихо, и подает сигналы бедствия лишь тогда, когда огненный кофе брызжет по конфорке, по стенам, по полу, а затем и по моим пальцам, когда я пытаюсь то ли спасти его, то ли обезвредить.

Это происходит почти каждое утро. Почти каждое утро я вспоминаю с благодарностью нашу кофеварку, и почти каждое утро эта благодарность немного сильнее, чем сутки назад. Когда-нибудь я поймаю себя на мысли, что то была не кофеварка, а божественный, сакральный дар, недостижимый в теперешней жизни. Так всегда происходит с прошлыми вещами и людьми, и вообще с прошлым, которое не можешь отпустить: постепенно начинаешь видеть его идеальным, чересчур прекрасным, таким, каким оно вовсе не было, но время и память сделали своё дело, довели до максимума сентиментальную горечь и поставили на пьедестал почета. А с учётом того, как много у меня здесь времени, как неторопливо оно течёт, я заново влюблюсь в тебя, дорогая Марта, и затоскую по нашей прошлой жизни гораздо быстрее, чем в краях, где мы когда-то жили с тобой.

Знаешь, теперь у меня полно новых привычек. Вопреки расхожему мнению, я не погряз окончательно в алкогольном забытье и пока не выплюнул лёгкие, хотя мне пришлось их порядочно прокоптить прежде, чем я принял решение, что с меня довольно. Я не стану хвастать тебе, дорогая Марта, что ни дня и ни часа я не поддавался соблазну и не отравлял своё тело и душу в отместку тебе и нашей погибшей любви. Точнее так: лишь благодаря тому, что любовь эта ещё отчасти жива, я нашёл в себе силы остановиться и не топить себя дальше в собственных рвотных массах.

Так уж получилось, что саморазложение и медленное падение на дно жизни в качестве лечебной процедуры от боли в душе изобрели задолго до моего рождения. Я всего лишь проверял лично, насколько действенен этот метод и насколько глубоко смогу пасть я до того, как снова захочу на поверхность.

Подсчитать точное время, угробленное в отупении и пьяном кошмаре, я не могу. Я не засекал его по часам, да и не могу сказать, что горю желанием знать точную цифру. Мне особенно не за что себя корить и потому не за чем искать повод. Что было, то было. Я так много раз раздевался перед тобой, что совсем позабыл стеснение и воздержанность. Воздержусь хотя бы сейчас от перечисления обличительных фактов, которые не делают мне чести, и скажу только, что всё моё имущество теперь помещается в один большой походный рюкзак, и там нет места сигаретам и вину.

Я приучил себя медитировать дважды в день и перед сном не вспоминать треугольный изгиб между твоих бёдер.

Последнее оказалось самым тяжёлым и самым эффективным для того, чтобы нормально засыпать. Именно по части сна я столкнулся с самыми серьёзными проблемами. Часто случалась бессонница, а когда удавалось ненадолго потерять сознание, тут же нападали видения и кошмары. Они били друг другу прямо в моей голове и беспрестанно мелькали — каждая наглее и грязнее предыдущей.

Но тут мне на помощь пришел Крис.

Помню, он сидел мокрый и довольный на песке, закиданном гнилыми водорослями и ветками. К ноге его была пристегнута доска для серфа, один край которой был здорово побит.

Крис посмотрел на меня буйными как море глазами и спросил:

— Как дела, парень?

— Спасибо, — сказал я. — Все замечательно. А как твои дела?

— Будут намного лучше, если у тебя окажутся с собой спички. Я не прочь раздавить косячок и готов с тобой поделиться.

Спички у меня имелись. Целых пять штук. А Крис убедил меня, что после его травы я усну как младенец.

И в тот вечер я впервые по-настоящему не думал о тебе, дорогая Марта, — ни целостной, ни по частям. Не вспоминал влажный запах твоей щели и солоноватый вкус сосков. Мы просто сидели с Крисом у костра, и он в жестах рассказывал мне, каким финтам научился сегодня. Я мял песчинки пальцами ног и тут же отпускал. Волна, огонь и голос Криса переплелись друг с другом и превратились в колыбельную. Мне было впервые хорошо и свободно вдалеке от тебя и без твоего присутствия.

С тех пор я часто встречаю Криса на побережье. Здесь рай для таких как он — молодых, белозубых, лохматых американцев, следящих за сводкой погоды пристальней, чем за политикой. Вообще хватает парней со всех частей света, но я всех зову американцами, потому что Крис — американец.

Он на своей доске рассекает волны как горячее лезвие сливочное масло. Я наблюдаю за ним с берега.

— Эй, парень, хватит глазеть! Полезай в воду! — снимая с уха кусок водоросли, кричит мне Крис.

Его большие исцарапанные мозолистые ноги, покрытые бурым загаром, спокойно ступают даже по острым камням.

Я положил под голову рюкзак и смотрел вдаль.

Минуту назад прошёл дождь, но я чувствовал его новое приближение. Живя в этой глуши, многому учишься поневоле: понимать людей без слов, понимать погоду без термометра. Смотреть на множество обнажённых женщин и не вожделеть их. Смотреть в их лица и не угадывать твоих черт. В сезон дождей с этим немного проще. На некоторых пляжах, таком, например, где я познакомился с Крисом, не осталось ни одного туриста. Только сорвиголовы на серфах и полупарализованные растафареане, которые держат тут множество кофеен и баров. Вечером их бизнес худо-бедно влачит существование, но днём им особенно нечем заняться, кроме курения марихуаны и созерцания моря на лежаках.

— Как дела, парень? — Крис плюхнулся прямо на песок и задрал голову к тучному небу.

Если бы ты видела его, дорогая Марта, ты бы сказала, что он не в твоём вкусе. Крис блондин. У него длинные вьющиеся волосы, которые он завязывает в хвост, но их безнадежно разрывает ветер и вода. На берег он возвращается всегда лохматым и в профиль немного напоминает женщину — такая гладкая кожа у него на лице.

После заката он садится на байк и едет в центр, единственный оживлённый район в этой части суши. Денег у него мало, потому он довольствуется бесплатным флиртом переодетых в женское парней и редкими аудиенциями с голодными, одинокими туристками.

Он рассказывал, как недавно провёл ночь с двумя молоденькими испанками. Меня должен был впечатлить этот рассказ. И он по-своему впечатлил с учётом того, что я сам не был с женщиной с тех пор, как покинул родину. Нашу с тобой родину, Марта.

Всё, что касается похоти, — это отдельная неисчерпаемая вселенная внутри мужчины. Все привыкли думать, что желание просыпается при виде исключительной красоты и умирает при несовершенстве. Что только физически привлекательная женщина способна по-настоящему возбудить мужскую плоть. Но это не так.

Желание застигает наяву и во сне, во время работы и отдыха, в нежности и в агрессии. И порой желание войти в женщину намного больше, чем желание кончить в неё. Но, войдя, уже невозможно остановиться. Ты чувствуешь власть намного более сильную человеческой власти. Это власть природы, неотъемлемой частью которой мы все являемся. И я тоже её часть. Потому даже в самые жестокие ссоры с тобой, дорогая Марта, я не прекращал тебя хотеть.

Я не прекращал тебя хотеть, когда ты толстела и когда худела, когда болела гриппом, когда стряпала на кухне. Была ты голой или в вечернем платье, весела или сердита. Ты могла весь день молчать или же слать непристойные картинки на мою рабочую почту — я вспыхивал при одной лишь мысли о тебе. Но, только ты начинала плакать, желание к тебе умирало мгновенно. А ты так много плакала в последнее время. Ты плакала каждый день. Даже не один раз в день.

Твоё лицо становилось большим, красным и одутловатым как у дворовой алкоголички. Губы покрывались пятнами, ты не могла членораздельно говорить. Слезы твои делались дополнением к любому разговору и любому объяснению, и тогда я переставал быть твоим любовником.

С тех пор, как мы не вместе, я редко вспоминаю то, что нас разорвало, но много думаю о том, что любой намёк на секс стал вызывать во мне чувство столь же двоякое как червивое яблоко — притягательное снаружи и омерзительное внутри. Уйдя из дома, который грел и охранял нас двоих так много времени, я открыл совсем новые формы вожделения. Формы, в которых напрямую не было тебя, Марта, но были твои ипостаси — утрированные, извращённые, больные и неточные.

Обрушенная стена дома, хромая собака, свист электрички или толкнувшая меня на рынке чумазая женщина — любой идиотский казус, малозначительная деталь возбуждали во мне мгновенное чувство пламени. От грудины до паховой зоны прожигало огненным прутом. Я не успевал сглотнуть слюну, как она высыхала у меня во рту.

Так однажды я случайно увидел фотографию толстухи с раскинуты ногами. И хотя меня никогда не привлекали полные женщины, возбуждение наступило враз, когда я ещё не осознал увиденное, тело первым подало сигналы — я ничего не мог поделать с собой, не мог остановить. Я мог только прекратить смотреть и отвернуться в тишину.

Потому я и поехал к морю — при взгляде в бирюзово-синюю тьму морского естества я забывал, что я человек. Я снова был свободен. От любви, от желания, от грусти.

Ты бы сказала, дорогая Марта, ты бы непременно сказала, что грусть — моя вторая натура. Может, ты и права.

Когда я смотрю на Крису, я не замечаю в нём и малейшего следа грусти. Такие мы разные с ним.

Он улыбается, я тоже улыбаюсь. Его улыбка светла. Моя полна горечи. Он рассказывает про тех испанок, как они стояли на коленях перед ним и обрабатывали его поочередно

ртами. А я не могу отделаться от мысли, что у одной из тех женщин твоё лицо. Лицо с открытым ртом и высунутым языком. Это страшно заводит меня, но думать об этом невыносимо.

— Давай прогуляемся вечером, Джей, — говорит мне Крис.

Я понимаю, на что он намекает. Он уже достал косяк и туго скручивает один кончик, тянет мне. После его травы ставится легче — я уже проверял пару раз. И кроме того, всё-таки снова собрался дождь.

— Джей, не тупи.

— Да, конечно. Извини, — я затягиваюсь и смотрю на море. — Где твой байк?

— У Сэма на стоянке, — Крис кивнул растаману, что валялся позади нас без движения.

Но, к большому удивлению моему, он сразу откликнулся на жест Криса — растопырил указательный и средний пальцы в воздухе, что-то промычал.

Крис снова посмотрел на меня:

— Едем?

Если бы я хотел немного облагородить себя в твоих глазах, Марта, я бы написал здесь, что никуда не поехал или, на худой конец, заявил, что Крис меня вынудил долгими уговорами. Но Крис даже не думал меня уговаривать. Скажи я нет — он тотчас помчал бы один. Адреналина и марихуанового кайфа в нём было предостаточно, чтобы испустить всё это добро на ночной кутёж. Я же обрадовался его предложению. И мы поехали.

Высадились в самом эпицентре местного разврата и пустились наугад. Знаешь, про таких парней, как мы, незнакомые девушки говорят в спину: «Эй! Смотри, какие!», а потом глядят беззлобно, но плотоядно, примеряясь, по зубам ли добыча.

— Да мы с тобой как чёртов Ривз и Суэйзи! — отвесил Крис, когда мы выбирались через главное шоссе, проходящее вдоль моря к центральной улице.

— Да, только я на сёрфе не катаюсь, — сказал я.

— Ерунда! Завтра же встанешь!

Длинноволосые травести с оперированными грудями, многие из которых были действительно хороши собой, обступили нас моментально. Криса я едва слышал и впервые видел его одетым: он нацепил безразмерную гавайскую рубашу и шлёпал сланцами по вонючим от мочи, пива и сигарет дождевым лужам. Толпа гудела несносно, и всё движение вокруг напоминало сумасшедший муравейник — пёстрый, шумный и озабоченный. Каждый миллиметр вокруг был пропитан сексом и музыкой. Весь месяц, проведённый на острове, я старался обходить стороной этот район. Не потому что я брюзга и пуританин, а потому что ехал сюда за иным. Но сегодня вечером, дорогая Марта, моё сознание несколько раз взрывалось фейерверками над чёрной гладью успокоенного моря, и мне не хватало времени и сил оценить, что сделал для меня Крис и его волшебная трава.

А, может, наконец пришло время перейти на новую ступень расставания с тобой.

Я слишком долго не верил окончательно, что это навсегда. Мы так часто повторяли друг другу, будто стали единым целым, что, даже купив билет в один конец и сев в самолёт, я не исключал возвращения. Не исключал, не позволял себе думать, что оставляю под крылом дом, страну, тебя — и больше не увижу. Я так любил тебя, когда не выдерживал и звонил с разных номеров, молчал, злился на себя, но любил ещё сильнее. Я так привык именно к твоим рукам на моей спине. Допустить обратное, допустить к себе не-тебя было выше моих сил.

Однако в тот день я внезапно решился.

Несколько пар рук уже непроизвольно обнимали меня. Крис заблудился между двух красоток, которые были выше его на целую голову. Из одежды на обеих, как это часто бывает, — только ободранные гусиные перья, несколько слоёв косметики и каблуки. Одна из них просунула ладонь Криса к себе в лифчик. Он, смеясь, пощупал её упругую грудь и пошёл дальше. Он уже заработал себе эрекцию, но впереди было ещё много планов, чтобы останавливаться тут же и спускать десятку или две баксов на шорт (так здесь называют минет) за углом.

По удачному стечению обстоятельств, ни я, ни Крис не тяготели к спиртному, хотя не опьянеть здесь почти невозможно. Пьяные женщины, пьяные мужчины, пьяные подростки, мальчики и девочки, проститутки и сутенёры — тут всё было перенасыщено алкоголем, огнями и улыбками, но я не уставал восхищаться тем, насколько гармонично переплетались

друг с другом терпеливая духовность с зовом плоти.

Еще у дороги я заметил маленький уличный алтарь. Одна из ночных бабочек подошла к нему, чтобы зажечь благовоние и помолиться. После короткой молитвы она присела тут же по нужде, а затем вернулась к подругам. Я быстро потерял их из виду в толпе, потому что следил только за Крисом.

Мы выбрали один из бесчисленных баров. Крис заказал две коки. Он так славно произносил это слово, что я не стал отказываться. Нам подали ледяную колу.

Я никогда такую не любил, а ты, дорогая Марта, намораживала в жару целую морозильную камеру кусочков льда, кидала их всюду — в суп, в чай, в вино. Ты протирала маленькими прозрачными кубиками своё лицо и говорила, что этим женским секретом поделилась с тобой твоя мама. Помнишь, ты даже пробовала умыть и меня таким странным способом.

Я лежал в ванной. Ты принесла миску со льдом и поместила один кусочек мне в центр лба, стала возить им по лицу туда-сюда. Я морщился, а ты смеялась.

— Это полезно, Джет! Не капризничай! Будешь самым красивым!

— Я и так нормальный! Марта, прекрати!

Но ты не прекращала. Ты продолжала издеваться и хохотать. И под конец я даже смирился с ролью твоей куклы, потому что радость от твоих прикосновений заставляла меня забывать о том, что я плохо спал или ругался с кем-то на работе. Я ненавидел, когда коллеги-женщины бесцеремонно хватали меня под локоть с таким видом, словно я должен быть благодарен им за этот жест. Но тебе, Марта, можно было всё.

Залезть ко мне в воду и тыкать в меня замороженной льдинкой. Потом достать мою зубную щётку и воткнуть мне в рот. Ты намазала мне волосы какой-то пахучей слизью и вертела из них рога, которые тут же падали и разбрызгивали слизь по всей ванной комнате. Ты решила меня побрить, но взамен пообещала сделать массаж, зная, что меня можно просить, о чём угодно, пока моя спина в твоей власти. Но не успел я расслабиться, ты снова достала лед.

— Ай!

— Я легонько. Потерпи. Это будет приятно. Обещаю.

— Не надо, не надо, не надо... — умолял я, когда обмороженный кубик скользил по моему позвоночнику от шеи к крестцу, оставляя тонкую влажную полоску.

Ты прошлась по ягодицам и потащила лед вниз...

— Ай! — я выругался изо всех сил, потому что кусок льда с каплями колы ухнул мне прямо в промежность на светлые шорты.

Какая-то девица так активно виляла бедрами на барной стойке и поочередно расшвыривалась ногами в блестящих босоножках, что зацепила мой бокал.

Пока я пробовал утереться салфетками и ворчал на стриптизершу, Крис ржал как конь и подкалывал:

— Так тебе и надо, мечтатель! Сколько вокруг девчонок, а он в облаках витает!

— И что ты предлагаешь? Сидеть здесь и пялиться на них?

— Нет, — серьёзно заявил Крис. — Иди познакомься с кем-нибудь и мне заодно притащи.

— Это ты у нас спец по обольщению.

Он расплылся в бравой американской улыбке точно отдавал честь под флагштоком на эсминце.

— Хочешь пари? — сказал Крис. — Сейчас найдём двух или трёх подруг. Сначала к ним подойду я. Потом ты. Посмотрим, за кем они пойдут.

Крису удалось ненароком и пожуричь, и оскорбить меня. А мужчины, ты ведь знаешь, Марта, мужчины не терпят таких вызовов. Конечно, он не знал, что последней женщиной, с кем я знакомился и за кем ухаживал, была ты. И было это три года назад.

Перед работой я зашёл в кофейню. Туда я часто заходил в ранние часы и никогда ни с кем обыкновенно не сталкивался, что уже почти решил для себя будто этот парень — бариста с моряцкими руками и наколкой-якорем под левым веком — открыл свой кофейный уголок ради меня одного. По правде сказать, больше двух посетителей там с трудом перемещались, и всё это было огромной удачей: спокойно заглядывать в урочный час, спокойно дожидаться, когда Фил приготовит кофе, спокойно цедить горько-пряные капли эспрессо в одиночестве, поглядывая в одну из газет, которые Фил всегда оставлял на стойке.

И вот в то утро вбежала ты. Я даже не уверен, что ты сама это помнишь, Марта, — так стремительно ты вбежала.

Ты не попросила, а скорее потребовала:

— Кофе! С собой! — да-да, именно так ты и заявила с покрасневшимся от спешки лицом.

Фил повернулся так же медленно, как делал это всегда, и вежливо попросил подождать.

— Почему?! — ерепенилась ты. — Я спешу!

— Потому что я уже делаю кофе для гостя.

Только тогда ты заметила меня, будто я телепортировался по сигналу Фила, а прежде находился где-то в другом месте и объявился лишь затем, чтобы тебя раздражать.

— Пропустите меня! — выпалила ты.

— Не пропущу, — шутки ради ответил я.

— С какой стати?!

— С такой, что я пришёл первым. И хочу первым получить свой кофе.

Если бы ты знала, дорогая Марта, какое удовольствие мне доставляла эта милая перепалка с тобой, сколько грёз во мне ты всколыхнула своим появлением, ты бы, возможно, осталась и продолжила ругаться.

Но вместо этого ты выплюнула мне в лицо: «Идиот!», схватилась за дверную ручку, и через секунду эта дверь плясала на петлях громким, возмущённым эхо, а тебя уже и след простыл.

Фил поставил передо мной чашку и блюдце с готовым кофе.

— Фил, ты не мог бы перелить в стакан? — попросил я.

Фил лениво выполнил мою просьбу. Я поблагодарил его, схватил кофе и впервые не стал его пить здесь же.

Я спешил. Спешил, чтобы догнать тебя. К счастью, мне это удалось.

Ты металась по улице в поисках другой кофейни, а я подошёл к тебе и протянул стакан.

— Ваш кофе готов.

Ты посмотрела на меня с недоумением и злобой.

— Пейте. Иначе он совсем остынет. А дожидаться, пока Фил приготовит новый, с вашей выдержкой вы не сможете.

— Что вам нужно? — покрывая меня искрами из глаз, негодовала ты.

— Хочу, чтобы вы попробовали лучший кофе в этом квартале. Насколько я могу судить, все прочие заведения здесь на порядок ниже.

Ты взяла стаканчик и принялась, как осторожное животное принимается, когда ему протягивает лакомство незнакомец.

— Вы туда что-нибудь подсыпали?

— Щепотку корицы.

— Ненавижу корицу.

— Я так и подумал. Поэтому в последний момент решил иначе и принёс вам без всяких добавок.

Наконец, ты улыбнулась.

С этого момента наш роман развивался в геометрической прогрессии. Так что, если я попытаюсь восстановить хронологию событий последующей недели, рискую исписать всю имеющуюся в моём распоряжении бумагу.

Почти всё время мы проводили вместе, влюблённые в одну лишь мысль друг о друге. Я никогда не говорил тебе, дорогая Марта, что прежде не осмеливался знакомиться с женщинами подобным наглым образом. А ты не уставала повторять, что я наверняка собрал недюжинную коллекцию различных имён и цифр телефонов. Но на самом деле моя записная книжка, если и содержала женские имена, то принадлежали они коллегам, родственницам или кому-то из сферы услуг (и вовсе не той сферы, о которой ты могла бы подумать).

Например, Ани из парикмахерской, у которой я обыкновенно стригся примерно раз в две или три недели, я назвал «Ани Парикмахер». А Софи из цветочного, куда первым делом помчал, назначив тебе свидание, была записана как «Софи Цветы». Во всех этих именах не было хитростей и двойных значений.

В нужный момент я просто отправлял звонок по одному из номеров и просто говорил:

— Ани, как насчёт семи часов?

Она говорила что-то вроде:

— Не вопрос, Джей! Приходи! — и смеялась в трубку.

А ты, заслышав её тонкий голосок, непременно спрашивала:

— И кто она?

— Мой парикмахер.

— Стрижка будет интимной?

— Как всегда, — шутил я, и ты смеялась.

И хотя в нашу первую встречу я открыл в тебе лишь вспыльчивость и трепетное отношение к кофе, полюбить я тебя смог благодаря твоей улыбке.

Сейчас я вспоминал её теплом.

И ни одна из незнакомок в нынешних обстоятельствах не могла превзойти по красоте эту улыбку, несмотря на то, что улыбались нам с Крисом старательно и отовсюду — выбор был богат как россыпь кофейных зерен, которыми были украшены стены в кофейне Фила.

— Не знаю, что ты задумал, но я согласен, — преисполнившись уверенности из прошлых воспоминаний, сказал я Крису. — Но выбирать всё равно будешь ты.

— Это легко, — сказал Крис. — Вон те двое через дорогу.

Он кивнул, указывая на направлении.

По переулку между баром, где мы обосновались, и противоположной частью рядов заведений пестрой канвой текли люди. У края условного тротуара прибились тележки с уличной едой: мороженое, блинчики, хрустящие, жареные закуски. Дым от них стоял коромыслом над головами ожидающих в очереди. Я разглядел двух девушек. По виду напоминали местных — узкие глаза, короткие ноги в драных шортах, выстриженных из старых джинсов, осветлённые неоднократно волосы с желтоватым отливом, напоминавшим хну, которой мастерицы украшали руки туристов на пляжах всего за пару долларов.

Девушки ели сатай — острые шашлычки на шпажках — и запивали их лимонадами из мягких прозрачных пакетов через воткнутые трубочки. Обе живо переговаривались и кидали быстрые взгляды в толпу. Ладони у них были маленькие и квадратные. Они вполне могли оказаться массажистками после смены в салоне или косоплётками, готовыми в любой момент заплести всё, что только пожелается, за умеренную плату.

Я повернулся к Крису:

— Ты обкурился? Это же дети.

— Они один черт зарабатывают на любой возможности.

— Хочешь их купить? Не легче тогда взять обыкновенную шляху?

Крис пригнулся ко мне, хотя нас никто не слушал:

— В другой раз снимем катоя на двоих, если захочешь, — он подмигнул левым глазом будто филин и сказал, понизив голос до шепота: — Но сегодня погуляем бесплатно.

— Нет уж. Гиблое дело, — решил я.

Крис надулся по-ребячески. Ему самому не многими годами раньше стукнуло двадцать. Для американца — детский возраст. Но благодаря соли и загару он выглядел старше, да и тело его — тело удалого здоровяка — было налито внушительными мышцами и тестостероном, который ощущался даже в ярде от него. Все это создавало впечатление сильного, молодого мужчины, только прогуляться рядом с которым было запредельной мечтой любой местной девчушки.

— Не думал, что ты такой моралист, — попытался меня поддеть Крис. — Окей. Твои предложения?

— Знаешь что, ты собирался идти первым. Вот ты и иди, — я грохнул пустым стаканом о стойку и нахмурился.

Настроение мое ухудшилось, неизвестно почему.

А Крис напротив развеселился:

— Парень, ты же хотел попробовать! Не дрейфь! — он потрепал меня за плечо как собачонку.

Но я уперто продолжал вертеть головой.

— Ладно, — сжалился Крис. — Я схожу, а ты здесь подежуришь. Идёт? Не кинеш меня?

— Не кину, — процедил я сквозь зубы.

— Ну, смотри мне! Я пошёл! — и Крис правда собрался уходить.

— Иди.

Мы стукнулись кулаками, скрепляя уговор.

— Иди, мать твою, — я шутливо пихнул его в зад.

Крис, смеясь, направился к девушкам.

Будь я тогда в полной темноте и тиши, как уже привык, в своей комнате, я бы думал о тебе, Марта, и снова наверняка мучился бессонницей. Горел и болел неуправляемым желанием, и ждал поскорее рассвет, чтобы выйти к морю, вдохнуть его свежести.

Жилище моё находилось на расстоянии от берега, в паре ярдов от автомобильной трассы. Машин на острове мало, но езда на байках не прекращается круглые сутки. Потому чаще, чем море, по ночам я слышу рычание скутеров и скрежет привязанных к ним тележек.

Сейчас же, несмотря на ночь и близость пляжа, было светло и шумно, а кроме машин, бесконечно рокотала людская толпа. Я обратил на это особое внимание, когда Крис оставил меня одного у бара. Я вмиг почувствовал себя неудобно. Но было в этом положении и кое-что хорошее: плотское желание немного стихло, видимо, засмущавшись чужаков вокруг.

Я думал только о том, что мне придётся идти следующим за Крисом — мы так договорились, а мне этого, по правде говоря, не хотелось.

Однако Крис вернулся не с пустыми руками. По обе стороны от него, обнимаемые мощными американскими мышцами, шли те самые девушки.

— Извини, парень, — Крис выставил мне огромные, как у кита, зубы, изображая

растерянность напололам с хвастовством, — я правда не думал, что мне так повезёт!

Единственное, чего не думал я, так это верить ему на слово. Крис — ещё тот щёголь. Ты бы ему точно влепила, дорогая Марта, влепила бы по лицу, хотя на самом деле была бы не прочь ударить промеж ног. Женщины обожают и ненавидят таких, как Крис. А мне от его присутствия делалось легко. Моя неуверенность и стеснение молчаливо отодвигались на задний план, когда он в очередной раз искрил своей неутомимой энергетикой.

Девушек, которых он притащил, звали Нок и Мали. Ещё разглядывая их издалека, я готов был поклясться, что они ужасно похожи. Но вблизи Нок оказалась заметно суше и стройнее Мали, да и выше на целую раскрытую ладонь. Такое впечатление их похожести создавалось благодаря почти идентичной одежде. Даже футболки на них были с одинаковым рисунком лилии, но различались цветами: у Нок — белая, у Мали — жёлтая.

Дорогая Марта, увидев этих девочек, ты наверняка бы растрогалась и подала им милостыню, как ты часто делала на заправках — отдавала заправщикам всю наличную мелочь и потом ещё просила у меня.

— Мне их жалко, — говорила ты. — Здесь плохо пахнет и ужасный шум.

То, как пахло и шумело на этой улице, я тебе не передам. Запах был даже громче, чем орущая музыка и голоса. Но я почти привык. Я даже ощутил отдельный запах духов, когда Мали взяла меня под руку.

Она едва изъяснялась на английском. Нок болтала сносно и попросила угостить их коктейлями. Девушки повели нас в бар для европейцев — туда, куда им был заказан путь без нашего сопровождения. Цены там оказались заметно выше, зато на сцене показывали огненное шоу: это было очень захватывающе, особенно с тем учётом, что ни машин скорой помощи, ни просто медиков рядом я не нашёл. Артисты играли с огнём в самом прямом смысле, но все остались целы.

Во время представления Нок и Мали хватали друг друга и нас с Крисом за руки. Он зубасто ухмылялся и смолил сигарету. Мне тоже захотелось курить. Но я не хотел просить сигареты у Криса, ведь я сказал ему уже, что не курю табака. Так оно в общем-то и было до сегодняшней ночи, пока Мали не стала тянуть на себя мою рубашку. При этом она смотрела на сцену и кричала что-то вроде: «О-о-о!» и «А-а-а-и-и!», закрывала глаза и тут же их открывала.

— Сколько тебе лет, Мали? — спросил я.

Она показала на пальцах: «Девятнадцать. А тебе?».

Я призадумался, сколько раз мне надо раскрыть перед ней обе ладони, чтобы насчитать свой возраст, и решил скостить себе пяток лет.

«Тридцать» — так же, как до этого Мали, сказал я руками.

На самом же деле, когда мне было тридцать, я был не здесь и не с теми людьми. Я был женат, по утрам выгуливал собачку Дору на поводке и был уверен, что проживу так остаток жизни.

Когда мне исполнилось тридцать один, Дора умерла, а с женой мы развелись. Все эти факты ты вскоре узнала обо мне, Марта, и часто спрашивала потом: «Почему так вышло?».

А я отвечал, что Дора отравилась чем-то на улице — я не был чересчур внимательным хозяином и безупречным дрессировщиком. Я даже не знал, что подобное может произойти с любой собакой, и уже происходило не раз в нашем городе, на нашей же улице.

Дослушав, ты говорила:

— Мне очень жаль, Джей. Но я сейчас не о собаке.

Тогда я говорил:

— Знаешь, я не был чересчур внимательным супругом и безупречным любовником. Жена подала на развод и вскоре вышла замуж за другого мужчину. Я даже не знал, что подобное может произойти с любой семьей, и уже происходило не раз в нашем городе, на нашей же улице.

Ты понимала, что отчасти я шучу, и переставала спрашивать.

Но я не могу назвать свой шутливый тон безразличием или способом уйти от проблемы. Если бы ты спросила меня сейчас, дорогая Марта, я повторил бы всё слово-в-слово. Потому что я так и не нашёл вразумительных ответов на вопросы о моей непродолжительной семейной жизни. Впрочем, я недолго искал. Я отпустил то своё прошлое достаточно легко, гораздо легче нашего с тобой прошлого.

И теперь уже сам спрашиваю у себя: «Почему так вышло?».

Возможно, весь фокус в том, что тогда я не позволил себе упиваться горем, пропустил момент истинного страдания, а наворачивать муку годы спустя — непомерная глупость. Всё равно что сказать: «Я не буду плакать сегодня на похоронах, потому что завтра у меня важный экзамен. Я поплачу через две недели, когда завершу сессию». Пережить боль можно только здесь и сейчас, в моменте, когда тебе истинно больно. Это нельзя отсрочить и выставить с пульта на паузу как скучный фильм, чтобы пойти покурить или приготовить обед. Ты либо принимаешь своё состояние, отдаёшься ему целиком, либо убиваешь навсегда.

Сейчас я помнил всё до мелочей и скучал по каждому мгновению, прожитому рядом с тобой, Марта. Я не желал забывать нас, пока не переболею, не перегрызу поочередно миг за мигом, клочок за клочком всё, что было между нами. Я вскрывал память как сундук с ворованными сокровищами, на которых не могу нажиться, не могу продать на чёрном рынке или выменять бартером, но могу смотреть, восхищаться и горевать вдоволь: в наших трёх годах скопилось множество редких вещиц — начиная от исступлённого счастья, заканчивая бунтом характеров, когда тряслись стены и земля уходила из-под ног.

И только теперь, когда я переворошил львиную долю нажитого добра, я почувствовал, как стало действительно легче. Той лёгкостью, которая не отбирает сил. Она очищала мои сосуды и ветви бронхов. Ты как будто покидала меня, Марта, изживалась естественным способом — так, как обновляется клетка за клеткой человеческий организм.

И всё же этого было недостаточно.

Увидев Крису, я подумал: человек, вроде него, едва ли болеет остатками чувств, потому что не зарождает их изначально. Он пускается на волю стихий, многократно сильнее него, и на короткий миг чувствует превосходство. Он разрешает себе поверить, что бессмертен и непобедим. Так почему бы и мне не попробовать?

Спорить с судьбой в морской пучине в самый разгар сезона дождей я бы не осмелился, но соорудить добродушное лицо новым знакомым женщинам мне было под силу. Так я и поступал.

Представление закончилось. Нок и Мали пошли танцевать. И мы с Крисом решили не отставать. На танцполе я чувствовал себя расслабленно, совсем не так, как это было впервые с тобой, дорогая Марта.

Мне тогда пришлось включить всё свое мужество, чтобы пригласить тебя на танец, хотя ничего особенного в нём не было. Мы просто обнимали друг друга в полумраке и медленно вращались. Ты что-то говорила, а я кивал, сосредоточенный на том, чтобы не наступить тебе на ногу.

Потом ты сказала:

— Ну что? Идём?

— Да, идём.

И мы пошли ко мне домой.

Теперь же ко мне обращался Крис:

— Ну что? Идём?

— Да, идём.

Я взял за руку Мали. Вчетвером мы вышли из бара.

Рассвет ещё не подобрался к небосклону, но улица немного очистилась, толпа поредела. Мы брели вдоль основного потока, затем свернули в проулок. Здесь было темно и узко. У закрытых дверей жилищ обосновались на ночлег собаки. Одна из них пробудилась в надежде выпросить какой-нибудь еды. Мали погладила псину. Меня это тронуло, но вместе с тем вызвало чувство брезгливости. Мы пошли дальше.

Крис привёл нас к частному дому, где сдавались комнаты. Он знал хозяйку и быстро договорился с ней о цене. Хозяйка проводила нас внутрь своего постоянного двора. Ни в одной из комнат не горел свет, и я решил, что, возможно, мы единственные гости. Но быстро разуверился в этом, когда шагнул через порог: там скопилось не меньше двух десятков пар обуви — от совсем детской до безразмерной и бесполой, похожей на стоптанные лапти крестьян. Нас не просили разуваться, да и желания такого не возникало при виде немытого кафеля как в старой больнице.

Крис и Нок уединились в комнате за кривоватой голубой дверью с огромной щелью понизу. Меня и Мали оставили в каком-то чулане на втором этаже, где потолок срезал пространство покатою крышей, отчего маленькая комната казалась вдвое меньше. При входе стоял умывальник с узкой полоской зеркала, приклеенного на скотч, и холодной водой. Дальше болталась шторка из куска простыни, нанизанная на жёсткую проволоку, а за ней — кровать без ножек, состоящая из одного толстого матраса, набитого сеном и затянутого в брезент.

Я включил свет и огляделся. При входе мне показалось, что плата за ночлег совсем крохотная, но теперь-то я понимал, за что плачу. В комфорт постояльцев здесь не было потрачено ни одной лишней копейки. Если мусорную корзину в углу можно с огромной натяжкой назвать удобством, то она была тем немногим, за чем тут действительно ухаживали — корзина была пуста. Впрочем, при ближайшем рассмотрении, я понял, что и белье на матрасе недавно стирано. Конечно, не было никакой гарантии, что сделали это сразу после последних визитеров, но пахло сносно.

Внезапно меня одолело тяжелейшее смятение.

Силуэт Мали резал серо-синий отсвет ночи так неестественно и гнусно, будто хотел отсечь мне голову. Я вовсе не испытывал неловкость или таинство предвкушения, какие чувствовал, ведя впервые в постель тебя, Марта. И это не было стыдом обнажения и страхом за свои способности, как логично предположить в такой ситуации.

То было нечто другое...

Мужчины и женщины могут говорить, что угодно о сексуальных опытах, но мало для кого секс — настоящая обыденность, если, конечно, речь не идёт о проституции. Даже в многолетнем браке у секса есть вкус, но люди насильно заставляют себя ничего не чувствовать, потому что испытывать наслаждение — это тоже труд. А вот страдать или безразличествовать ничего не стоит.

И дело тут не в любви. Любовь — слишком обширное понятие, им можно объяснить при желании совсем всё.

Я любил тебя, Марта. И люблю до сих пор. Но если бы желание твоего тела и любовь к тебе были одним и тем же, это чувство давно бы изжилося и пропало. Они не были одним. И не существовали по отдельности.

Я помню, как входил в тебя и учился дышать с тобой в такт. Может, я и не был самым феерическим твоим любовником, зато я был твоим. Мне нравились твои руки на моей спине. Нравились следы твоей губной помады на моей шее. Знаю, у многих такие проявления страсти вызывают отчуждение. А я разглядывал их как ордена.

— Куда ты смотришь?

— Ты меня оцарапала.

Ты сидела голая на кровати за моей спиной, я видел тебя в зеркале на шкафу. Ты казалась маленькой и прозрачной, потому что солнце делало светлой всю тебя — волосы, руки, колени. Белое одеяло и белые подушки превратились в дым. Ты купалась в нем с торжествующей небрежностью.

— Ох, прости...

— Ты же не специально.

— А что, если специально?

— Тогда тем более не извиняйся.

Длинные коричневые пятна с чернильным отливом иногда появлялись у меня в тех местах, где ты надолго останавливала поцелуи. Но они светлели и пропадали уже к вечеру, если мы наслаждались друг другом с утра. Или же к утру следующего дня кожа становилась чистой, первозданной и гладкой, если выдавалась нам бессонная ночь.

Чуть свет проснувшись и осмелев, ты поддевала волоски у меня на груди ногтем указательного пальца и спрашивала:

— Давай сбреем?

— Нет, Марта, нет!

Наша квартира была мала, ещё меньше второго этажа дома, где я находился в данный момент, так что сбежать от тебя я не мог, как бы ни пытался. Впрочем, я и не пытался. Только делал вид, что пытаюсь.

Сейчас же я делал вид, что хочу остаться, а в самом деле сбежал бы без оглядки, отвернись Мали всего на секунду.

Она спросила глазами, в чём дело. Я пожал плечами, стал расстёгивать рубашку. Подумал и застегнул все пуговицы обратно. Мали начала недовольно ворчать что-то на своём языке — шутила ли, пыталась ли спорить — я не разобрал. Понял только, чего она хочет, когда, подойдя, она наглым образом обыскала мои карманы.

— Да, да, — успокоил я её. — У меня есть презервативы, — и показал купленную пару часов назад пачку.

Мали улыбнулась и села на матрас в ожидании моих дальнейших действий.

Я почему-то засомневался, что ей действительно есть девятнадцать, но хотя бы не было сомнений в том, что я у неё не первый турист.

Чтобы немного оттянуть момент, я попросил Мали сходить к умывальнику и протереть тело. Никакого неудовольствия это не вызвало. Ушла она скорее с радостью. Наверное, ей показалась естественной просьба о дополнительной гигиене.

Местные девушки часто отираются полотенцами из-за жары, а не по прихоти клиентов.

Они лишь кажутся неотесанными и дикими. Но все несколько сложнее. Европейцы только кличут себя цивилизованными, полагая, что их цивилизация — вершина культуры. На самом же деле, мы по-своему грязнули.

Раз уж на то пошло, мы с тобой, дорогая Марта, нечасто вспоминали в первую очередь о душе и иногда бросались в сладострастие, едва достигнув порога квартиры, а иногда — ещё раньше.

Помню, однажды летом мы преодолевали длинный маршрут по трассе от нашего города к соседнему маленькому городку, где я придумал организовать пикник.

Я открыл все окна в машине. Ветер ухнул в форточки и расшевелил все легкодоступные предметы: мои и твои волосы, короткие рукава рубашки на мне, страницы журнала на заднем сидении, но особенно — твоё платье. Оно завертелось и ожило целиком.

В проёме без рукавов стали проглядывать твои груди, кокетка подпрыгивала к шее, а подол взлетал высоко к талии, будто бы издеваясь над деланным приличием.

Я бросил взгляд на твои бёдра:

— Марта, как это понимать?

— Понимать что? — усмехнулась ты, всё время поджидая такую реакцию.

Ты ведь знала, что я не одобряю, что я вообще думал о тех женщинах, которые позволяют себе подобные шалости. Это же надо! В такой ветер, в такой сквозняк, в открытой у всех на виду машине ты запросто сидела в платье без белья и не помышляла плотно сжать колени, подоткнуть ткань, может, как-то прикрыться — нет.

Ты только игралась моим терпением:

— Да в чём дело, Джет? Скажи, наконец.

— Это негигиенично! — злился, но только больше возбуждался я.

— Неужели? То есть если я попрошу остановить машину и проводить меня чуть подальше от трассы, ты не пойдёшь?

— Ни за что!

— Ну, как хочешь.

Это не было с моей стороны узколобым мешанством и отголосками пуританизма, но было элементарной заботой — хоть о благопристойности, хоть о чистоте твоего тела. Мы быстро перестали смущаться друг друга, надевая одежду, чтобы согреться и чтобы снять её при любом удобном случае. А удобно нам было почти всегда.

Поверила ли ты тогда, что я воистину откажусь от твоего подарка?

У меня сохло во рту от ревности и мысленных уговоров не поддаваться очередному ребячеству, которое ты затеяла. Все твои проделки складывались таким образом, что я не мог не подумать, будто это не впервой, что ты игралась так и прежде. Кое-как я отучал себя думать, с кем и как ты вела себя до моего появления. Но сосредоточиться на управлении автомобилем уже не хватало сил. Особенно, когда я увидел твою ладонь, крадущейся под задираемый подол.

— Ради бога! — воскликнул я. — Это бесчестно!

Наконец, я остановил машину.

Нас никто не мог видеть и упрекнуть: лес у обочины был достаточно густым, до ближайшего селенья — несколько километров, а другие путники, если и тормозили, то вдалеке от нас. Но я всё равно залился краской и в то же время бахвальной гордостью за наш эксперимент. Так чувствует себя подросток, впервые вкусивший плотскую любовь. Но это ощущение сложно повторить.

Направляясь с Крисом на ночную охоту, я надеялся испытать тоже самое — смущённый восторг юнца, перешагнувшего на новую ступень отношений. Ступень, которая помогла бы мне благополучно забыть тебя, дорогая Марта. Забыть тем однозначным образом, когда больше не беспокоят ни сны, ни бессонница, ни странные, но личные ассоциации. Когда человек взаправду свободен и волен пустить себя в расход новому чувству или же полноправно наслаждаться тишиной сердца, непривязанного к чьему-то дорогому имени.

Но все мои надежды оказались тщетой — я понимал это в полной мере ещё до того, как Мали начала раздеваться. Но я её не остановил.

Не остановил и себя. Дело было уже не в надеждах и благоразумии, а в банальном «Зачем?»: для чего мне останавливать начатое, если смысла в нём не больше, чем в любой другой физиологической процедуре.

Ты можешь один раз не почистить зубы. От этого их не покроет немедленно кариес и вряд ли выскочит флюс. Просто до следующего раза придётся жить с ощущением нечистот во рту. Но и к этому скоро привыкнешь, а в вечер возьмёшь зубную щётку, уберёшь остатки пищи, испытаешь короткое облегчение и забудешь через минуту и о том, что было в течение дня, и о том, что минуту назад был условно счастлив.

Потому я ничего не приобрел и ничего не потерял после секса с Мали.

Я только услышал голос Криса за дверью:

— Джей, закругляйся! Нам пора.

Я выкинул использованный презерватив, натянул шорты, подумал и решил оставить Мали немного денег. Она приняла без вопросов.

Я спустился вниз и нашёл Криса уже на улице.

— Как покувыркался?

— Нормально. А ты?

— Скучно, — Крис даже зевнул и потёр глаза. — Как насчёт посмолить на сон грядущий?

Мы направились обратной дорогой к пляжу, где оставили наши байки. Крис не умолкал и выпытывал у меня, как прошло моё свидание.

Никогда не понимал, зачем мужчины пересказывают друг другу любовные приключения. Да, я тоже этим занимался для поддержания разговора. Но не испытывал огромного удовольствия и никогда не становился инициатором. Это было своего рода ритуалом, дружеской практикой, истинного значения которой мне не дано было познать.

Марта, ты, должно быть, помнишь моего приятеля Себастьяна? Башо, как мы его звали шуткой, не раз интересовался тем, какие чудеса происходят наедине между тобой и мной. Признаться, иногда я вступал в эту игру. Но по большей части оттого, что тем самым злил Башо. Ты, верно, нравилась ему, Марта. Ты, верно, сама об этом догадывалась. Ты нравилась многим. И я гордился созданным меж нами таинством.

От зависти и бессилия Башо рычал:

— Джей, ты просто подкаблучник!

Я не пытался его разубедить. А он бил пивной кружкой по столу и продолжал наступление:

— Столько лет прожить с одной женщиной! Столько лет! — он всё пытался скрыть восхищение, но получалось только более красноречиво: — Столько лет! Приятель, сознайся, ходишь налево?

— Нет, — сознавался я, как и требовал Себастьян.

А он ещё резвее пушился и почти проклинал меня:

— Врёшь! Врёшь!!!

— Нет, не вру.

Тогда Башо замолкал и повторял снова:

— Ты подкаблучник! Яиц у тебя нет! А все почему? А потому что они как шашлычки на каблучках пани Марты болтаются!

Его трогательные заботы о содержимом моей мошонки заставляли меня улыбаться и задумываться: что именно люди, мужчины и женщины, принимают за подкаблучничество?

Будет ошибочно думать, что, найдя тебя, моя дорогая Марта, я полностью стёр из своего зрения любых других женщин. Я замечал их, как прежде: рослых и миниатюрных, худых и сочных, обладающих упругими телесами. Их груди, губы, ягодицы остались привлекательны в моих глазах всё в той же степени, что и до тебя. Но я не останавливал на них внимание дольше, чем на пару секунд, и сразу же забывал. Всё это потеряло важность.

Да, меня могли волновать формы, размеры и плотность частей тел других женщин — порой мне казалось, что глаза и эрекция у мужчины связаны напрямую без дополнительных преград и фильтров. Но стоило мне увести взгляд — ничего более не оставалось. Будто подтёки дождя на ветровом стекле: один взмах дворников — и нет их, как не было. Ни душных фантазий, ни мучительных желаний.

Я шёл к тебе, Марта, слепой, держа твой образ в памяти словно икону.

Я баловал тебя как мог. Но в чём состоит этот грех? В том, что иногда не знал меры? Да как о ней помнить, когда влюблён? Как не проживать вдвойне, втройне от начала и до конца, и снова по кругу минуты наслаждения?

Это не значит, что я никогда не был зол на тебя, Марта. Это не значит, что, заигрываясь, ты не причиняла мне настоящую боль. Я сам нёс наказание за то, что очень дорожу тобой. И сам же говорил: «Давай успокоимся. Мы можем все решить».

А ты кричала в ответ:

— Нет! Нет! — ты очень быстро поддавалась панике.

Так же легко, как мгновение назад ты плясала посреди бульвара в цветочном венке, я мог обнаружить тебя в слезах под ближайшим кустом. Оба чувства ты проживала одно за другим, даже несмотря на их вопиющую разницу. Я не мог не радоваться, видя тебя счастливой, но не мог не тревожиться, что вслед за этим маятник твоего настроения прочертит новую резкую дугу, и все обернётся крахом.

Потому я и пытался выстроить для тебя наш спокойный уютный мирок с мягкими стенами и коврами, без острых углов, без хлестких перепадов. И, когда мне это немного удавалось, ты начинала скучать. В глазах окружающих я выглядел подкаблучником, в твоих — занудой.

— Я устал... Чего ты хочешь, Марта?

— Я хочу в Париж.

— В Париж?

— В Париж.

— Хорошо, давай отправимся в Париж.

Ты подсакивала на месте, кружилась, сверкала улыбкой: «Париж! Париж!», держа билеты, которые я принёс, но потом вдруг замолкала и дальше звучал душераздирающий вопль:

— Ты подумал, на что мы туда поедём?! Как можно быть таким безответственным?! Если хочешь — езжай сам в свой Париж! Не держу! Поимей их всех... как их там?.. Ах, да, куртизанок! Так по-парижски зовутся шлюхи?! Ты даже не понимаешь, каково мне!

Ты потеряла работу. Я тебя не винил. Я хотел помочь. Но порой у меня просто раскалывалась голова от того, что твой мир никогда неидеален.

Моя дорогая Марта, где находился край той ответственности, когда заканчивались «мы» и начиналось «каждый сам за себя»? Я просил довериться мне, просил не делать поспешных выводов.

Давясь рыданиями, ты требовала немедленно уйти.

— Ты этого хочешь?

— Хватит! Оставь меня в покое!

— Хорошо, — говорил я и открывал входную дверь, слыша, как ты плачешь ещё громче.

— Уходи!!!

Я уходил и возвращался через десять минут. Ты наскакивала с порога и целовала так горячо, что становилось больно губам.

— Как хорошо, что ты не ушёл! Я этого не хотела...

Если смотреть под таким углом, в этом контексте — что именно я, да, я всегда уступал тебе, всегда первый шёл на мировую — получится, что я и был подкаблучник. Но в таком случае меня это не обижает.

Уступать и мириться должен не тот, кто чувствует больше вины, и не тот, кому нужнее, — нужно было всегда нам двоим. А тот, кто готов именно сейчас решить за двоих и остановить бурю. Ведь я с уверенностью могу сказать, что ты уважала моё мнение, часто советовалась со мной, а я этим дорожил. В некотором смысле я заменил тебе отца, которого ты никогда не знала. Моя забота была тем инструментом, с помощью которого ты смогла ощутить, что не одна в этом мире.

И пусть ты никогда не говорила этого прямо, но я чувствовал твоё презрение к мужчинам, к их слабостям, которых не меньше, на самом деле, чем у женщин, к их общественно принятой силе, которую сложно оспорить. Ты просто не могла свыкнуться с той мыслью, что сильный только по праву рождения, мужчина способен сломаться, и что тебе просто не повезло с первым представителем.

— Неправда, — говорила ты совсем спокойно, подставив кончик носа под тлеющий аромат домашнего кофе, — я знаю, что мой отец — не эталон. Ты просто не была женщиной, Джет. Тебе никогда не отказывали в работе, потому что у тебя есть вагина. Тебя не хватал за задницу пьяный тип в трамвае. Тебя не бросал бойфренд, потому что гинеколог запретил месяц заниматься сексом.

— У мужчин свои проблемы.

— Какие? — ты закатывала глаза, демонстрируя всю бесполезность нашего спора. — Армия? Стояк по утрам? Поверь мне, я с радостью бы пошла хоть на войну, лишь бы не знать всего этого.

— Марта, — говорил я, — ты права в одном — я не был женщиной. Но и ты не была мужчиной.

— Очень зря! — вроде бы шуткой, но без улыбки восклицала ты. — Я бы уж навела порядок!

— Ты хотела бы стать мужчиной?

— А почему нет?

— Потому что тогда мир потерял бы свою самую прекрасную женщину.

На это ты улыбалась, не поверив ни единому моему доводу, ни одному аргументу, но доверившись лично мне, моему стремлению быть с тобой.

Ты бежала ко мне, если кто-то тебя обидел. Плакала и проклинала того человека, даже если это была твоя лучшая подруга. Ночью ты засыпала на моем плече, а просыпалась в другом краю кровати, тем не менее, крепко сжимая мою руку.

Но и этого доверия порой оказывалось мало.

Разнервничавшись, наревевшись, ты гнала по кругу одну и ту же пластинку:

— Я тебе не нужна! Ты однажды свалишь на все четыре стороны, когда надоест! Так лучше уходи сейчас! Не тяни!

Это было жестоко, Марта.

Испытывать на прочность, проверять, где тоньше всего мембрана у моего терпения, поджидать, когда я сорвусь, и в довершении победно выкрикнуть — «Я так и знала!» — это ли было твоей целью?

И, если «да», тогда Башо был прав — я подкаблучник, причём в самом уродливом смысле. Потому что до сих пор не хочу верить в такую версию.

Вопросы, множество вопросов, которые я себе задавал и задаю, — отчасти именно это и побудило меня писать сей длинный текст. Я делаю попытку разобраться, диагностировать произошедший крах и, если не найти причину, то хотя бы отпустить тебя, дорогая Марта. Простил я давно, ушёл — ещё раньше. Но отпущения не случилось. Я всё ещё был связан мысленно и чувственно с тем, что мне уже по факту не принадлежало. А между тем перед моим лицом и дальше простиралось бескрайнее поле жизни, с которым я теперь не знал, что делать.

Новый сексуальный опыт не принёс существенного прогресса. Так может, дело совсем не в сексе? Или же стоило попробовать ещё?

Крис настаивал именно на этой перспективе.

Он уже почти обсох после цирковых кульбитов в волнах и следом за очередным предложением попробовать его учеником решил, что уболтать меня на новую ночную вылазку куда перспективнее и проще.

Мы сидели в кафе у Сэма. Я пил чай. Крис вгрызлся зубами в куриную ногу с таким видом, будто этими же зубами прикончил минуту назад бедняжку.

Немного утолив голод, он спросил:

— Джей, как насчёт сегодня?

— Сегодня? — не понял я его тонкий намёк.

— Ну да. Сегодня. Я говорил. Катой. Один на двоих.

Чтобы ты понимала, Марта, катоями здесь кличут проституток, которые сделали полную или частичную смену пола из мужского в женский. Это ругательное слово. Грубое. Ещё более пренебрежительное, чем «шлюха» — куда более пренебрежительное. Если применимо так говорить, то к женщинам древнейшей профессии здесь относятся спокойно, даже покорно. Катой или ледибой, говоря пристойными словами, — намного меньше почитаемый класс, а для кого-то и вовсе — ущербный.

Я сам, увидев впервые длинноногих, грудастых красоток, был немало шокирован их необычным происхождением. Но со временем моё восприятие перестало бунтовать. Ледибой работают в отелях и в ресторанах, в салонах красоты и, конечно, в сфере развлечений. Обычно они очень приветливые в общении, добрые и учтивые до раболепия, готовые помочь и оказать любую услугу. Зачастую интимного характера — тоже.

Иностранцы терпят многочасовые перелёты и неудобства чартеров иногда с одной лишь целью — побывать с ледибоем. Это вызвало нездоровый ажиотаж и стало отдельной нишей в местном бизнесе. Некоторые ледибойи вовсе не желали перевоплощаться в женщин, но судьба парня-бедняка и в богатой стране незавидна, а уж тут, среди повальной нищеты и голода, у некоторых почти не оставалось выбора: либо — так, либо — смерть.

Один ледибойи вполне может обеспечивать целую деревню, откуда он родом и где у него остались близкие. Это только звучит дико, Марта, на самом же деле мужчины и таким способом готовы взять на себя ответственность за других. Нам это тяжело понять. Мужчины из Восточной Европы часто едут на запад, чтобы работать на стройках, крупных заводах и малых производствах. Здесь нашли такой способ. Вправе ли мы их попрекнуть за это?

Я предпочёл не осуждать никого: ни женщин, ни мужчин, ни тебя, ни себя. У каждого явления в жизни много граней. Я хотел изучить досконально лишь то, что являло собой наши

с тобой отношения. И то, потому что я был их частью. Остальное не поглощало мои мысли, и я не желал быть судиёй никому другому.

Тем временем Крис не отставал и планомерно гнул свою линию:

— Подумай, парень. Это здорово дешевле. Будет, что вспомнить!

К нам подошла официантка. Я бы, может, совсем её не заметил. Она как будто была рождена специально для того, чтобы её не замечали.

В кафе Сэма, как и во многих других кафе, интерьер выполнен из бамбука. Всюду подпирали сухую крышу бамбуковые столбы толщиной с одну руку Криса. И хотя руки у него крепкие, как у гориллы, эта официантка могла бы спрятаться за любым из столбов полностью, что никогда её не увидишь. Рост её был даже для местной маловат. Ты бы приняла её за ребёнка, Марта, — у нас только дети бывают такого роста и редко — взрослые женщины.

Единственное, почему я обратил на неё внимание, — из-за сильного запаха духов. Девушки здесь много декоративной косметики расходуют, любят разные душистые крема, украшения, обмазываются ароматным маслом. Чем плотнее закрашена женщина, тем она более привлекательна, по здешним меркам. Почти всегда это выглядит чересчур, но привыкаешь быстро. Однако официантка смогла поразить меня этим запахом.

Поухаживав за Крисом, она обратилась ко мне, как обращаются к самому дорогому гостю. Спросила, хочу ли я ещё чаю и подчеркнула, что это ничего мне не будет стоить. Я согласился. Пока мы общались, Крис не спускал с неё глаз. Девушка ушла.

И я вернулся к разговору:

— Не знаю, что и сказать... Прости, но это пахнет чем-то гейским. Я не к тому, что не люблю геев. Но мне нравятся женщины.

Крис фыркнул пренебрежительно:

— Мне тоже. Катой — почти женщина. И я не гей, парень. Спятил? Я не гей! Мне нравятся буфера. А у катоев отличные буфера!

— Нет, нет. Ты не понял, — объяснял я. — Даже если ты гей...

— Я не гей!

— Хорошо, хорошо! Я говорю, что, допустим, ты был бы геем. Мне это всё равно. Никаких проблем, парень! Но я не хочу секса с мужчиной.

— Это не мужчины, Джей. Это проститутки. Захочешь — он даже не покажет тебе свои причиндалы, оставит в трусах. Они их там прячут. Я сам видел!

— Не хочу этого знать... — поморщился я.

— Нет, нет, парень! Я серьёзно тебе говорю: берут и вот так подкладывают под жопу... — Крис начал показывать руками перед моим лицом, как именно ледибои прячут свои мужские половые признаки: — Как жвачку сплющивают...

— Все, хватит, Крис! Я понял!

Он наконец убрал руки. Я вздохнул с облегчением.

— Ну, хочешь, ты будешь спереди, а я — сзади, — сделал финальную попытку Крис, которую заготовил, по всей видимости, заранее. — Даже меняться не будем!

В глазах у него было столько убеждённости в собственных словах, столько энтузиазма, что я не выдержал и вздохнул снова.

— Меня не волнуют их причиндалы, Крис. Дело не в этом.

— А в чём? Да они сами себя женщинами чувствуют, иначе не пошли бы на это.

— Не все. Многих заставила жизнь. Они, может, мечтали быть плотниками, моряками,

ещё кем-то... Но пришлось идти на панель, вшивать имплантаты, пить гормоны... Что они там ещё делают?

— Ну, — призадумался с важным видом Крис, — иногда совсем причиндалы отрезают. Они же говорят, что родились с женской душой, понимаешь? Душа у них — женская!

— Если так и бывает, — рассудил я, — то редко. А ты посмотри, сколько их! Сотни! Тысячи! Хочешь сказать, что все эти парни игрались в детстве в кукол и мечтали вырастить у себя груди? Нет, Крис. Они — жертвы бизнеса, а не ошибки природы.

Крис сделал обиженное лицо. Вот уж из кого бы вышла миловидная, пухлогубая девчонка — так это из Криса. Если бы не мощный торс, исполинские плечи, не бычья шея, то его волосы и лицо гармонично вписались бы к женскому телу.

Он молчал с минуту, а затем сказал:

— Окей. Давай я с тобой соглашусь. Пофиг. Но ты же можешь закрыть глаза и представить, что это женщина. Кто тебе нравится? Кэмерон Диаз? Шарлиз Терон? Представь, что это они тебе сосут. Хоть по очереди. Рот-то у всех одинаковый!

— Господи боже, Крис... — я засмеялся и схватился за голову, почти в восторге от его находчивости. — Но это же рот мужчины!

— А чем от женского отличается?!

— Тем, что мужской!

Каким бы не был шутливым тон нашего спора, речь шла о самых что ни есть фундаментальных вещах. История и культура любого народа всегда отталкивались от этих двух сакральных понятий — «мужского» и «женского».

Мудрецы прошлого и современные философы ломали головы над формулами любви и равновесия, вычлняя эссенции двух начал. Порой даже кому-то удавалось разобрать на атомы чувства мужчин и женщин, распределить их в удобные рядки, но снова и снова они смешивались и переплетались, образуя новые формы, где в каждом мужском было хоть немного женского, а во всем женском оставалась частичка мужского.

Однако эта разность всё-таки существует. Как существовали я и ты, моя дорогая Марта.

Глядя на тебя, я учился не только пониманию твоей сложной, неоднозначной натуры, но пониманию женщин в целом — тому, чего не смог постичь за годы жизни с женой. Я был моложе и непродуманнее, чересчур уповал на своё эго и глядел сквозь пальцы на многие вещи, казавшиеся незначительными. С тобой же я обрёл новый взгляд, стал прислушиваться, приравниваться, следить и замечать. Мне казалось, я усвоил многие уроки, вырос, дорос до того, чтобы с уверенностью сказать: «Я познал женщину».

Но и это оказалось иллюзорно и призрачно.

Если раньше я был убеждён, что мужчины и женщины чрезвычайно несхожи, буквально с разных планет, то с тобой, Марта, в какой-то момент произошло полное слияние до той степени, что мы оба буквально потеряли половую принадлежность.

Началось с малого и безобидного — ты стала таскать мои рубашки. Я не запрещал. Мне это даже льстило. К тому же смотрелись они на тебе, хоть и нелепо, но безумно сексуально. Ты примеряла мои брюки, часы, как-то позарилась на галстук. Всё это случилось невинным продолжением твоих проказ.

Однажды ты сказала:

— Сегодня я хочу быть сверху.

И это было незабываемо. Твоя фигура надо мной извивалась языческим божеством в пламенных заревах свеч, расставленных по комнате.

Мы играли без стеснения в любую фантазию, пришедшую в голову. На нас не было ничего, кроме нас самих, а сердца наши трепетали от счастья, покорённые друг другом. Я никогда не умел писать стихов, да и ты тоже, но вместе мы сочиняли настоящую поэзию, которой не требовались иные читатели.

Спустя время наши игры развились в полноценные спектакли. Не знаю, как тебе удалось уговорить меня, но я всё-таки согласился надеть твоё платье. Ты стояла у окна в моем костюме, в моей шляпе, с моей сигарой в зубах и изображала нахального мачо, а я сидел на диване и не знал, куда приткнуть ноги и руки, чувствовал себя ужасно глупо, о чём, конечно же, сообщил тебе.

— Джет, ну, пожалуйста! — выйдя на минуту из роли, взмолилась ты. — Всего один разочек!

— Марта, милая, это черти что!

— Ну же! Не ругайся! Воспитанные леди так не выражаются!

— Извини, но я не леди!

— Тогда молчи. Я всё сделаю сама.

— Господи боже...

Знала бы ты, Марта, что самым счастливым моментом того вечера было снять с себя это платье, эту личину, которой я не мог, не хотел соответствовать. А всё внутри меня изнывало от возмущения и претило начисто даже игривым попыткам придать моей личности женских черт.

Но я должен признать, что бывало ловил себя на мысли, как некоторые «дамские» штучки всё же доставляли мне удовольствие.

Например, когда ты подпиливала и полировала мои ногти, и после они блестели розовым жемчугом, похожие на гладкие лепестки цветов. Когда я варил тебе суп-пюре из картофеля и грибов и потом кормил с ложечки будто заботливая матушка своё дитя.

Каждая такая мелочь делала меня чуточку нежнее. Будто раздвигались границы заданных гендерных ролей, и это только сближало нас.

С тобой я разучился скупиться на нежность. Я перестал её бояться, как иногда бояться некоторые мужчины выглядеть подозрительно хлипкими. Наоборот. Закутывая тебя в одеяло, одевая твои промерзшие стопы в шерстяные носки, я ощущал огромную, чуткую силу, почти всемогущество, сравнимое разве что с силой бога. Хотя это ты была моей богиней.

И я подчинялся твоей воле.

— Джей, можно я покрашу тебе ресницы?

— Нет, Марта. Даже не вздумай.

— Я совсем чуть-чуть! И тут же смоем. Пожалуйста...

— Ладно. Но только один глаз.

Вспоминая это теперь, я спрашиваю себя: для чего ты выдумывала все эти проказы? Чем они были для тебя?

Тоской по матери, с которой, как ни старалась, ты так и не стала близка? Желанием детей, которых я не смог тебе дать? Поиском своего отражения, пусть и в моём небритом лице? Или подспудное влечение к женщинам?

— Скажи, что было бы, измени я тебе с другим мужчиной?

— Я бы ушёл.

— Вот так? Легко? — задавая этот вопрос, ты вскидывала брови и чуть заметно

улыбалась.

— Я не сказал, что это было бы легко. Я только сказал, что люблю тебя.

— Ты не это сказал, — кривилась ты.

— Нет, именно это я и сказал.

— Хорошо, — как будто бы удовлетворенная ответом ты резко переворачивалась на живот, подставляя голую спину и ягодицы солнцу, лившемуся из окон нашей квартиры. — А что, если бы я изменила тебе с женщиной?

— У тебя кто-то есть на примете?

— Не юли. Отвечай.

От твоего тона и близкого ко мне обнаженного тела становилось жарко. Я старался быть серьёзен, но, как ни пытался, представить такое не мог.

— Марта, ты что, лесбиянка?

— Опять ты отвечаешь вопросом на вопрос! — ты встала во весь рост, возмущённая, раздетая и отважная. — Я пытаюсь понять, в чём здесь разница. И ведь она есть!

— Есть, — подтвердил я. — Не могу тебя представить с женщиной.

— Почему?

— Потому что ни одна из них тебя недостойна.

— Ах, ты гадёныш! — весело вскричала ты, падая в мои объятия. — Ведь врёт и не краснеет!

А я не врал.

Шутил, подтрунивал, резвился вместе с тобой и твоей дотошной страстью к экспериментам. Но не врал. И, быть может, сейчас, самым краешком какого-то неопознанного чувства я хотел бы признать, что в своих поисках ты убедила меня в том, что мужчина и женщина различны, но только в социуме, где исполняют определенные роли и выдумывают схемы поведения. Окажись мы на необитаемом острове, эта разница здорово бы поистерлась. Но все-таки, как ни крути, оставалась бы.

И ты стремилась понять, в чём она.

Кажется, сейчас я был близок к разгадке, как никогда.

— Джей, ты страшный зануда, — выпалил Крис, окончательно сдаваясь.

— Это не занудство, парень. Это — физиология.

— Хорошо, — гордо собрался он. — А ты всякий раз отличишь парня от девушки?

— Конечно, — с уверенностью сказал я.

— Ну, посмотрим...

Позади протяжно подвывало море. Я ждал свой чай, Крис тянул сигарету.

В его глазах не было тепла, как и в бушующей волне, но вместе с ними я обретал душевный покой. Если нас с тобой, Марта, когда-то сближали нагие откровения, то с Крисом у нас возникла противоположная близость, основанная на тотальной разнице между нами. Но все, что я знал о жизни наверняка, так это то, что люди боятся почти любой близости, кроме профессиональной. А иные так и вовсе рассматривают всякую близость как ступени карьеры.

Башо однажды рассказал, что переспал с секретаршей на вечеринке, и теперь его факсы отправляются पहले остальных. Он вовсе не был подлецом или настоящим циником. Он был обычным работягой, от которого ушла жена с двумя детьми. Ушла, как раз потому что Башо был обычным — так я рассуждал. Он не умел разговаривать с женщинами о чувствах, не умел разговаривать с мужчинами о футболе. Он умел разговаривать о работе, мы и

сдружились-то с ним только благодаря работе. Башо не был глуп. Он всего лишь боялся близости, раненный одиночеством и отсутствием интересов вне работы.

Уезжая от тебя, дорогая Марта, я более всего спасался от того, чтобы стать таким же Башо. Замкнутое рабочее отупение, в которое я погрузился поначалу, не приносило реального облегчения. Я начал гнить изнутри, начал заливать себя спиртами и выстраивать прочный эмоциональный кокон: «я никому не скажу, как мне больно, я никому не пожалуюсь, я буду просто выполнять свою работу». И тут понял, что вслед за этим обратного пути уже не будет.

Недельную щетину можно сбрить, можно отстирать рвоту от рубашки. Но возродить в себе способность к чувствованию — едва ли. Я стану обычным, очень спокойным и очень одиноким Башо, который после третьего стакана пускает скупую слезу, а после четвёртого пускается в пляс. Но на утро не помнит или же стыдиться и того, и другого. Бреется, скоблит краем ножичка испачканный галстук и идёт на работу к таким же обычным, спокойным и одиноким людям. К людям, которые боятся близости.

Крис был совсем иного поколения, другой породы. Страх к чему бы то ни было у него врождённо отсутствовал. Он приехал относительно недавно и уже успел загореть как чёрт. Может, он, конечно, загорелый прибыл — я этого не знаю. Я только знаю про себя, что сам не так давно потемнел. Или же просто настолько был инертен к своей внешности, что не замечал прежде?

Я глянул на свои руки — они почти сливались цветом с морёной древесиной стола. Этот контраст показался ещё более пугающим, когда рядом очутилась белая чашка. Её принесла официантка вместе с обещанным чаем.

Крис снова бегло оглядел её, проводил глазами в спину, потом спросил:

— Как тебе?

— Что?

— Официантка как тебе?

— Милая... Да, я бы сказал милая, — осторожно ответил я, не совсем понимая, к чему он клонит.

Крис довольно показал мне зубы:

— Спорим на пятерку, что у этой девчонки кое-что имеется? Кое-что не девчачье.

— Не носи чушь.

— А ты проверь, — подначивал Крис с тем молодым усердием, какое прилагают подростки, чтобы вынудить знакомого паиньку на ужасную глупость. — Давай, иди проверь. Предложи ей четвертак — ни за что не откажет. Только если я окажусь прав, ты ещё мне должен останешься. Ну, а если прав ты — и кайфанешь бесплатно, и заработаешь.

— Пятеркой ты меня не соблазнишь, — засмеялся я.

— Она больше не стоит. И так предложил вдвое больше.

— Не пойму, чего ты так печёшься обо мне.

— Не о тебе, Джей. А о нас. Что зря сидеть дожидаться смерти, если ещё не попробовал всего в жизни. Ну, если не хочешь, я сам её спрошу.

— Бога ради, не надо! — я поспешил заткнуть Крису, но он уже драл глотку на всё кафе.

Официантка вернулась с опущенными ресницами. Она работала у Сэма недавно и наверняка боялась, что гость решил её отчитать. К нашему столику она приблизилась, будто бы похудев ещё килограмм на пять.

— Да, сэр? — шепнула она.

— Крис, нет! — я прикрикнул на своего приятеля, а девушка шарахнулась в испуге как от ударной волны.

— Спокойно, парень. Чего ты всех пугаешь?

— Я пугаю?!

— Заткнись.

Навалившись плечом на деревянное ограждение, Крис с ухмылочкой разглядывал официантку, которая покорно сложила ладошки на груди и ждала своей участи. Крис притопывал одной ногой, широко раскинув колени, и девушка непроизвольно останавливала взгляд на том месте, где сходились брючины его шорт, но мгновенно заставляла себя моргнуть и увести глаза в пол. Она краснела как лампочка прикуривателя, а Крис наслаждался её неловким положением.

Затем он спросил:

— Как тебя зовут?

— Пенни.

— Пенни... — потрясая кудрями, Крис внимательно разглядывал тощую фигурку перед собой.

— Крис, довольно, — решительно вмешался я.

— Я ничего не делаю.

— Ты делаешь! Ты ещё как делаешь!

— Сэр, вам что-то не понравилось? — Пенни почти плакала своими маленькими узкими щелочками, в которых мерцали глаза. Она схватилась за стул, на котором я сидел. — Сэр, я могу другой чай принести. Он будет лучше. Очень лучше.

— Нет, Пенни, всё в порядке. Мой друг пошутил. Ты ему просто понравилась.

— Эй, не ври! — Крис выставил указательный и средний палец мне в лоб словно собираясь пристрелить.

Я не обращал на него внимания и разговаривал только с Пенни:

— Чай хороший. Не волнуйся. Всё хорошо.

В этот момент Крис захохотал, а Пенни снова отшатнулась от него. Если бы не мой стул, за который она по-прежнему держалась, её бы, наверное, сдуло тотчас в море. Девушка сделала вялую попытку улыбнуться самой затравленной из всех улыбок. Она почти ускользнула мне за спину, опасаясь Криса, который наводил на неё неподдельный ужас.

— Сэр, если вы что-то хотите... — пробормотала Пенни.

— Тебя он хочет! — крикнул Крис и вновь залился от души.

— Нет, нет, Пенни, не слушай его, — перебил я. — Это ерунда. Мы сейчас уйдем.

Ох, и многое бы я отдал в тот момент, чтобы по-дружески влечь Крису и выволочь его отсюда. А он веселился! Клянусь, он просто веселился! И чем веселее было ему, тем возмутительней было мне. Я чуть стгоряча не швырнул в него солонкой.

Но тут Пенни неожиданно спокойно спросила:

— Вы хотите со мной пойти в кровать, сэр?

— Джей. Меня зовут Джей. Нет, Пенни, это тоже шутка. Крис, уходим, — я встал.

Внезапно Пенни коснулась моего плеча:

— Почему шутка? — кажется, она расстроилась даже больше, чем когда Крис звал её не своим голосом. — Я умею массаж, сэр. Вы любите массаж?

Люблю ли я массаж?..

Марта, дорогая моя Марта, я бы отдал, если не всё, то очень многое, чтобы вновь

окунуться в те бесподобные моменты наших с тобой вечеров, когда тело моё вместе со всем его содержимым становилось твоей добычей и игрушкой. Блаженство — самое мелкое слово, каким я могу описать то, что происходило. У тебя были свои ритуалы, у тебя были сотни способов заставить меня хотеть ещё больше.

Твои душистые руки под кромкой волос на шее... Ловкие движения, в которых я тонул, одурманенный и непригодный больше ни на что...

— Это даже круче, чем секс, — как-то заявил я.

А ты обиделась. Совсем немного обиделась, но заставила тем самым трепетать только больше.

— А шлюхи делают массаж?

— Я не знаю... Я давно не был со шлюхой.

В ярости ты кинула в меня подушкой.

— Вот же мерзавец!

Марта, я даже не понимал тогда, за что именно прошу прощения. За то, что спал только с тобой? За то, что так привязался ко всему, что было между нами? Или за то, что не скрывал от тебя своих чувств?..

Пенни вдруг положила руки мне на голову и мягко провела пальцами. Я сел обратно на стул. Её ладони двигались поочередно, зачесывая волосы назад к затылку. Пряди с чёлки томно извивались и падали обратно на лоб. По всему позвоночнику прошла обжигающая волна. Я замер.

— Смотри, не кончи тут! — расхохотался Крис.

— Закрой рот.

— Ладно. Понял. Молчу.

Но молчал он недолго:

— Ну, и рожа у тебя, приятель!

— Крис, завали хлебало нахрен, — не открывая глаз, сказал я.

Минут пять я пребывал в каком-то вакууме, где от меня осталась лишь часть головы, превратившаяся в эрогенную зону, и чистое наслаждение, которым стало всё остальное.

Когда я открыл глаза, Крис лыбился так, будто застал меня за каким-то страшным блюдом.

— Это было очень хорошо, — сказал я в благодарность.

— А мне так же сделаешь? — тут же поспешил с репликой Крис.

Пенни только возмущённо помотала головой.

— Ну и ладно.

Он облизнул губы и задал вопрос, который, видать, давно держал наготове:

— Но давай, скажи мальчикам, Пенни, ты ледибой или нет? — при этом Крис постукивал указательным пальцем по столу.

Пенни посмотрела сначала на Криса, затем — на меня.

— Да, сэр... — пробормотала она.

— А я что говорил?! А я что говорил?! — взорвался Крис радостными воплями. — На тебе, парень! Выкуси! С тебя пятёрка!

Это маленькое происшествие всколыхнуло меня нешуточно. Крис еще долго припоминал мне его тем вечером, когда мы смолили канабис у моря. Он не мог уgomониться. Для него Пенни в ее шутовском женском обличье была ничем иным как доказательством моей зашоренности. Крис полагал, как и большинство людей, что «женское» и «мужское» — всего лишь атрибуты, которые мы видим на других. Раз я не смог вычислить ледибоя, стало быть, грош цена всем моим аргументам.

Но я просто старался смотреть глубже, не только на оболочку, а в самые истоки человеческой души.

Чтобы ты не подумала, Марта, что я занимаюсь словоблудием, я приведу простой пример.

Если бы Пенни оказалась тогда в мужской одежде, то за кого бы принял ее Крис? Предложил бы он тогда ей «трио»? Или, допустим, родись она действительно женщиной, но женщиной, предпочитающей мужскую работу — строителя или сварщика — что в этом случае? Она осталась бы желанной для секса? Даже с низким голосом и грубыми повадками?

То, кем истинно ощущала себя Пенни, я не знал. При беглом взгляде она и правда была неотличима от девушки. Кроткий взгляд, всегда полусогнутый, покорный стан, сомкнутые губы, боящиеся сказать лишнее, — она вела себя скромно, будто сельская девочка, впервые попавшая в город. А миниатюрные пропорции ее тела никак не походили на мужские.

Но то, что было скрыто у нее под одеждой — физическое и душевное — оставалось для меня загадкой. И я не мог смело констатировать — мужчина она или все-таки женщина. А Крис, не утруждая себя сложными духовными размышлениями, немедленно озвучил ей идею группового секса.

— Нет, — решительно сказала Пенни. — Только этот сэр, — и показала на меня. — Массаж.

— Это любовь! — не без зависти подковырнул Крис.

Мы ушли, расплатившись за чай и ужин. Для Пенни я оставил немного чаевых. Она обрадовалась и спросила, где я живу. Я показал на утес.

Крис был в восторге от самого себя в этот вечер. Юморил и не давал мне слова вставить.

Перед нами растекалось море. Я смотрел вдаль и чувствовал себя невозможно одиноким. Я думал обо всем, что творилось в моей жизни и почему я здесь.

Ночь растоптала наши лица, которые изредка освещались зажженным концом самокрутки. Мы затягивались по очереди. Потом Крис приволок хворосту, мы стали разжигать костер.

Над берегом изогнулась луна, а в растительности возле пляжа зашевелились насекомые. Обычно в это время я был уже в кровати и пытался уснуть. Чаще всего сон игнорировал меня, приходилось подолгу стоять у окна и всматриваться в темноту джунглей. Но сегодня напряжение спадало плавно и само собой. Марихуана не веселила, а успокаивала меня.

Я забылся на какое-то время, пока Крис не спросил:

— Что тебе нравится в женщинах?

— Все, — улыбнулся я неверной наркотической улыбкой.

Он пересел ко мне поближе, отдал последний клочок сигареты.

— Ну а... Там, внизу все нравится?

— Не понимаю.

— Что ты не понимаешь, парень? Ты странный, ей-богу! Знаешь, когда ты сверху, там все понятно. Особо не видишь ничего, и всем хорошо. А ты пробовал разглядывать?

— Крис, сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

Я усмехнулся невесело:

— В твоём возрасте пора бы изучить анатомию.

— Да пошел ты, — обиделся он. Но ненадолго. — Ты, дубина, я не о том спрашиваю.

— Я знаю, о чем ты спросил. У тебя была девушка?

— У меня было много, много девушек!

— А любимая?

Крис призадумался и ответил:

— Нет, не было.

После этих слов я наконец понял, в чем именно состояла столь невозможная разница между мной и Крисом: он просто никогда не влюблялся. По крайней мере, до той степени, чтобы свободно признаться в этом случайному приятелю. Но я полагаю, он не соврал.

Понимаешь, Марта, произнеси то же самое женщина, я бы решил, что она лукавит. Она имеет ввиду что-то вроде: «Да было пару раз, но все они оказались такими козлами!». То есть отрицается не сам факт влюбленности, а лишь подчеркивается, что те истории не имели радостного финала. Женщина пробует таким образом забыть свое ошибочное чувство, когда полюбила не того, и это ранило.

Точно так же, как с постелью, говоря о которой некоторые мужчины обожают преувеличивать число связей, а женщины — преуменьшать, в отношении чувств существует закономерность, где женщины часто стирают значимость прошлого. А мужчина, если действительно почувствовал, если действительно осознал всю серьезность своего положения, вряд ли скажет потом: «Нет, я не любил». В худшем случае, он либо промолчит, либо сменит тему. Если же мужчина ответит: «Я не любил», то скорее всего так и было.

Крис никого не любил. Ему было некого забывать, боготворить и проклинать. Он мог нашептывать девушкам что угодно, но сам никогда не погружался в чувственный мир настолько, чтобы назвать это любовью. Его не терзали жар и холод, не ломало о камни невозможности найти понимание с дорогим человеком. Он наслаждался жизнью в том искрометном великолепии, что подбрасывала ему судьба. А свобода от любви подарила ему свободу взглядов, но притупила многие нюансы, из которых соткано бытие.

Пока я погружался в одного единственного человека, в одну единственную женщину, пока я погружался во вселенную, названную твоим именем, дорогая Марта, Крис проносился вихрем сквозь лица и тела подобно тому, как он скачет по волнам на доске — не заплывая далеко в море, не интересуясь дном, но стараясь удержаться на гребне как можно дольше. Это и было его философией. Философией человека, который ни разу не тонул.

— Ну, и что с того? — нахмурился Крис. — Да мне просто интересно, делал ты это или нет.

— Делал.

— Окей. Я тоже. Но мне не понравилось. В чем кайф-то? Может, ты мне объяснишь мечтатель?

То, о чем мы вели речь, никогда не было удобной темой для разговора, даже являлось неким табу среди всего, что могут свободно обсуждать люди, тем более — мужчины. Но я не стеснялся Криса, а он — меня. Может, как раз потому, что мы были друг другу никем. Чужаки из разных стран и эпох, встретившиеся по воле случая на пустынном пляже. Однако так происходят множество знакомств. Так и мы познакомились, Марта. И все-таки не каждая внезапная встреча дарует нам друзей и любимых.

Я проникся к Крису за его простоту и абсолютную прозрачность. Может, встретить я его десятилетием позже, ни за что не узнаю. Он отрастит живот, подстрижет волосы, оставит в дальнем углу гаража серферскую доску и станет показывать мне фотографии в бумажнике, на которых светловолосая жена и не менее светловолосые дети будут улыбаться ему всякий раз, когда он оплачивает чек в супермаркете за кукурузный завтрак и туалетную бумагу. Это будет все еще молодой и по-прежнему достаточно привлекательный Кристиан, с которым, тем не менее, я не смогу больше раскуривать косяки и обсуждать куннилингус.

Он слушал, на удивление, внимательно. Мой английский местами хромал по части особых выражений, но Крис метко подсказывал. Похоже, и его доверие ко мне имело серьезный вес. Я чувствовал себя старшим товарищем.

Забавно, что в этом вопросе я и сам был не так давно учеником. А поучала меня ты, Марта. Поучала скрупулезно и беспристрастно, будто бы вовсе не с тобой я должен буду держать экзамен.

— Да, вот так. Немного выше... Нет, так высоко. Да-да, здесь. Хорошо... Продолжай...

Я старательно выводил языком вензеля, поначалу плохо понимая, что именно и зачем делаю. Я понимал только то, что доставляю удовольствие тебе. Сам же при этом испытывал скорее неловкость, которая позже сменилась спокойной уверенностью.

И лишь потом я стал ощущать нечто совершенное новое внутри себя.

Я бы описал это как азарт вступившего в покерную схватку игрока. Не денежный приз, а только возможная победа выводила меня на кураж, застилая глаза. Но и это со временем прошло. Осталось лишь чувство.

Маленькое, живое, настоящее, иступляющее чувство. Оно ставило меня в один ряд, пусть с самыми сомнительными, но очень желанными достижениями, которые обычно празднуют втихомолку. О таком не похващаешь, запивая пятничный разговор пивом в баре с Башо или с другим коллегой.

Тот факт, что твоя женщина достигает верха экстаза, пока ты в нее даже не входил, поднимает самомнение на значительную, но невидимую для остальных высоту. Тем не менее, окружающие это как-то чувствуют, и близко не представляя, чем ты так горд. Молчание в некоторой степени оказывает медвежью услугу, формируя не самые приятные стереотипы. Но, ломая их внутри себя, выходишь на новый уровень близости.

Так и случилось с нами, дорогая Марта: наша близость достигла максимальной плотности из всех известных мне отношений.

— Ну, а любовь тут причем? — перебил меня Крис.

— Наверное, пока не полюбишь, не поймешь.

— Э, нет, приятель. Затираешь ты умело, но я не ведусь на болтовню. Что это вообще значит — новый уровень?

Мне было, что ему ответить, но я не был уверен, что он поймет меня правильно.

Я бы сказал, что любовь умеет обострять все чувства — и телесные, и духовные. Если бы не одно «но»: любовь вовсе не является гарантом изумительного секса.

Какой бы драматургией не наделяли первую страсть влюбленных, ей суждено умереть, как всему живому и подлинному. Взамен человек должен получить то, что зовут стабильностью, надежным тылом и надеждой на будущее. Однако это тоже тлен, если углубляться в инстинкты, которые руководят нами. Пробуждая эти инстинкты, мы становимся по-настоящему живыми. Я вовсе не хочу сказать, что человек погибнет без страсти и вожделения. Я хочу сказать, что только этот пыл способен затмить самые властные структуры.

Он существует в нас всегда — влюблены мы или разочарованы, видимо или незримо, и может открыться случайно или же как продолжение духовного притяжения. Только вот появление страсти крайне неустойчиво. И многие почему-то с удовольствием поверили, что все исправит любовь.

На деле любовь ничего не исправляет. Более того: ее тоже можно уничтожить и изжить. Любовь смертна. И все-таки влюбленному легче раствориться в чувственности, поддаться телесному и ощутить полный спектр эротических красок. Она, как внезапно активизировавшееся периферическое зрение: ты уже зряч, ты уже способен увидеть многое, но, расширив угол обзора, есть шанс рассмотреть вдвое больше.

Ты спросишь меня, дорогая Марта, испытывал ли я нечто подобное рядом с женой? Ведь я любил ее?

Да, я ее любил. И тем тяжелее мне найти ту вопиющую разницу между моими любимыми женщинами.

Я отвечу так, что, будучи женатым и упакованным в семью, я почти перестал искать в себе силы и для страсти, и для любви. Все это автоматически включалось в список моих должностных обязанностей мужа, с которым я не спорил, радуясь, что уже добрался до стабильности и надежного тыла. Разумеется, я не стану упорствовать и давить на то, что вскоре разлюбил жену и перестал ее желать. Связь между нами существовала от первого часа до последнего, но постепенно блекла, а вовсе не загоралась новыми красками.

До твоего появления, Марта, я так и думал, что все это нормально и закономерно. Что поиски нового заканчиваются на моменте, когда двое принимают решение быть вместе. Ты доказала, что это не так, что конец наступит не тогда, когда эти двое разлюбят и прекратят заниматься сексом, а тогда, когда перестанут изучать друг друга. Дело будет не в сексе и не в любви, а в чем-то существенно ином.

Так или иначе, я смог отыскать в себе отголоски наслаждения от того, что наслаждается другой человек, лишь благодаря тебе, дорогая моя Марта. Смог, потому что мы оба не бросили поиски: пробовали, ошибались и вновь прислушивались друг к другу, опираясь на нашу любовь.

— И что, без любви никак? — спросил Крис.

Я пожал плечами.

— Думаю, можно и без любви, — решил я. — Просто смысл ведь не только в том, чтобы кончить, но и в том, чтобы насладиться партнером.

— Да не, — фыркнул Крис. — Кончить всегда интересно.

— Не спорю. Но ведь для чего-то же ты используешь живого человека, а не руку.

Крис призадумался.

— Ощущения другие.

Я одобрительно кивнул.

— Верно. Вот и у твоей партнерши другие ощущения, когда ты ее трахаешь не членом, а

ЯЗЫКОМ.

— Когда членом, хорошо всем. А так — только ей.

— Ну а минет? Так получаешь наслаждение только ты.

Крис прищурился, наклонил голову и улыбнулся на один бок:

— Думаешь, им не нравится?

— Думаю, бывает по-разному. Кому-то — нравится, кому-то — не очень.

Крис взял в руки палку и стал бесцельно ковырять ею песок.

— Я читал, что у женщин во рту что-то вроде эрогенной зоны. Так что им типа всегда нравится.

— Да? — с сомнением переспросил я. — В таком случае, чем женский рот отличается от мужского? А?

На миг запнувшись, Крис посмотрел на меня и вдруг рассмеялся.

— Один-ноль, парень! Подколол!

Той ночью я засыпал почти счастливый. Или скорее пустой до той степени, что перестал испытывать какие-либо чувства к окружающей среде. Это и осчастливило меня. Засыпая, я что-то напевал. Потом стих. Потом была темнота.

Я открыл глаза и увидел чудесную золотисто-светлую дымку, похожую на то, что я видел сквозь твои волосы, Марта, когда ты лежала затылком к окну.

Отдельные волоски выпадали тонкими струями и образовывали что-то вроде паутины. Мне нравилось всматриваться в их невесомый хаос, угадывать очертания предметов, едва-едва видимых сквозь них. Ты вздыхала и встряхивала головой, убирая лицо глубже в подушку, в мою руку, которая онемела за всю ночь. Я продолжал искать глазами то таинственное сочетание света, волос и фантазии, пока не сталкивался с тобой взглядами.

— Давно не спишь?

— Не очень.

— Давай еще полежим, — ты делала вид, что вновь уснула, но не выдерживала и нескольких минут.

Я достаточно легко распознавал эту симуляцию, когда опускал ладонь к твоим бедрам и прижимался ею к волосам на лобке. Они уже были слегка влажными, но стоило быть чуть более настойчивым, и вот уже кончики пальцев погружались в теплый, густой, тягучий секрет, который мгновенно обволакивал их, и я больше не мог думать ни о каком сне.

Сегодня утром сон развеяло почти так же быстро. Еще не вполне понимая, что чахну от жары и прямого солнца, которое билось в незастеленное с ночи окно, меня затомило желанием. Было гораздо легче поддаться ему и сбросить самым тривиальным способом, чем искать причину, почему я не должен этого делать.

Потом я завтракал с кофе и мюсли, читал почту и работал.

С тех пор, как я очутился здесь, мне пришлось ступить на зыбкий путь фрилансового работника, хотя я сам всегда говорил, что вести дела с такими партнерами ненадежно, и старался обходить их как мог. Мне казалось, что нет ничего проще, как уйти от ответственности перед тем, кого ты ни разу не видел. Но большинство моих нынешних клиентов понятия не имели, кто я — сколько мне лет, брюнет я или блондин, какого я роста и даже каков мой голос. Все коммуникации я наладил в письмах, коротких, деловых, всегда одинаково подписанных: «Best regards, JR» — и все. Ни улыбок, ни личных данных, ни других контактов.

По большому счету, никому не было бы даже интересно знать, как меня зовут, если бы не обязательство платить за мои услуги по имени и номеру карты. Если эти данные можно считать личностью, то для всех, с кем я сотрудничал в данный момент, моя личность укладывалась всего в двадцать четыре символа — шестнадцать цифр и восемь букв.

И мне понравилось это чувство. Оно было новым, точным и безопасным. Например, никто не мог отчитать меня из-за своего дурного настроения, прицепившись к какой-то несуразной мелочи, потому что цепляться было не к чему. Я был призраком, профессиональной машиной, в которую загружали начальные данные, и точно в срок машина выдавала конечный результат. За него мне платили строго по прайсу и тоже в срок — так выглядели мои идеальные отношения с коллегами. И я не скажу, что очень скучал по разговорам в курилке и за ланчем, возможно, потому лишь, что мне самому нечего было

рассказать, а рассказы о чужих детях, кошках и тещах утомили меня сразу, как только я стал одинок.

За свои услуги я брал умеренно, можно сказать, дешево. Я мог себе это позволить, потому что почти не тратился сейчас, а того, что получал, с лихвой хватало на мое ветхое жильё, кокосы, рис, бесперебойный интернет, а кое-что оставалось сверху. Я экономил и старался жить скромно. Я даже не стал покупать себе вентилятор, когда обнаружил, что имеющийся в доме поломан. Я его починил. И теперь он обдувал мне спину, пока я загружал файлы в письмо и прислушивался, когда закипит чайник.

Была еще одна причина, почему любопытство у моих клиентов в отношении меня никогда не превышало чисто профессиональный уровень. Дело касалось налогов. Пользователи моих услуг частично или полностью вели теневой бизнес. А людям, живущим в тени, мне в том числе, волей-неволей приходится довольствоваться малым. Я извлекал из этого максимальную выгоду. Впрочем, я никогда не жил на широкую ногу.

Я не гнался ни за деньгами, ни за славой, ни за громким эпатажем. Иногда мне кажется, что отчасти это разлучило нас, дорогая Марта. Нет, ты не требовала дорогих духов, нескончаемых поездок на море и шикарных ресторанов каждый вечер. Но тебе нравились красивые вещи, красивые места и красивые люди. Ты умела ценить красоту во всем, как умела ее найти и сберечь. А для меня воплощением красоты была ты.

— Ты очень красивая, — сказал я, когда мы сидели в кино, и свет от большого экрана падал тебе на щеки цветными яркими пятнами.

— Тс-с-с! Джей, мы не можем сейчас говорить! — шепнула ты, но улыбнулась.

Выходя из дверей кинотеатра, ты резко остановила меня.

— Знаешь, что я думаю?

Я подумал, ты хочешь высказаться о фильме.

— Нет, не о фильме, — ты повернула ко мне серьезное лицо. — Я скажу это раз и больше не буду. Потому что мужчина не должен этого знать. Но я все равно скажу. Это ты очень красивый.

— Я?

— Да, ты. А теперь поговорим о фильме.

Я обогнал тебя на два шага и встал точно напротив.

— погоди. Выходит, ты познакомилась со мной, не потому что я галантно предложил тебе кофе, а потому что я красивый?

— Что в этом оскорбительного? Ты тоже познакомился со мной, не потому что хотел угостить меня кофе.

Получается, ты всегда осознавала свою красоту и была уверена, что в первую очередь я проникся к ней. Но все было не совсем так.

Твоя внешность, Марта, — овал лица, руки, губы, живот, пальцы на ногах, колени, позвонки, мочки ушей, соски, ногти, кончик носа — отличалась деталями, каждую из которых я любил и замечал. Но роднила и сближала нас не только красота и гармония в постели, но и то, что было за пределами физического. Ты мне не поверишь, конечно, но я едва запомнил твое лицо при первой почти мгновенной встрече, чтобы потом опознать его среди прохожих. Меня зацепил твой образ целиком. Именно за ним я помчался со стаканом кофе. Будь ты менее хамлива и не ударь со всей силы ту несчастную дверь, я, может, полюбовался бы тобой и только.

Чтобы влюбиться в тебя потребовалось всего мгновение, но в этом мгновении каждый

шприх был невероятно важен.

Теперь мне отчаянно не хватало и твоей красоты, и твоей раздражительности, и твоего умения безрассудно смеяться по пустякам. Я пытался заполнить дыры внутри сердца красочностью окружающего мира. Потому что не мог отыскать ничего другого, столь же многогранного и непредсказуемого, под стать тебе, кроме самой природы.

Погода мне благоволила. Я оделся, чтобы прогуляться на рынок и к морю.

Помню, еще недавно мы ходили за покупками вместе, Марта. Я скорее не любил эти вылазки, воспринимал их как необходимость, чтобы ты не таскала в одиночку тяжелые сумки.

Больше всего меня раздражало то, что ты никогда не умела сосредоточиться на запланированных вещах. Идя в отдел с колбасами, ты могла неожиданно свернуть в галантерею и легко провести там полчаса, перебирая перчатки и заколки для волос. После чего о колбасе ты напрочь забывала и вспоминала только дома.

— Джей, а где салями?

— Салями?

— Да, салями. Мне нужна была салями для пиццы. Помнишь, я говорила?

— Помню.

— Тогда почему ты не напомнил мне об этом в магазине?

— Марта, но я ведь напомнил перед тем, как ты пошла выбирать перчатки.

— А после почему не напомнил?

— Наверное, забыл.

— Вечно ты все забываешь, — ворчала ты и потом нежно просила меня немедленно сбежать в гастроном.

Тогда наступала моя очередь ворчать, что пора бы научиться писать список покупок перед походом в магазин.

Как-то под Рождество мы пригласили друзей на ужин. Ты придумала десяток блюд, а я записал по порядку все необходимые продукты и вручил листок тебе.

С важным видом ты демонстративно погрузила его в свою сумочку, чтобы я это видел. Мы сели в машину, и я еще раз переспросил, у тебя ли список.

Ты взорвалась:

— Я по-твоему совсем безответственная?! — возмущенно потрясая листочком перед моим лицом, ты готова была выцарапать мне глаза.

Мы добрались до магазина, оставили машину на парковке, взяли тележку побольше и пошли по торговым рядам.

— Доставай список, — сказал я.

Ты невинно улыбнулась:

— Какой список?

— Который мы написали, а ты положила его в сумку.

— Ах, этот, — засмеялась ты. — Так он до сих пор в сумке. А сумку я оставила в машине, чтобы не таскаться с ней.

Полагаю, такого хохота этот магазин еще не слышал. Я буквально не мог остановиться, пока не начал болеть живот. А ты и смеялась, и недоумевала, что меня так пробрало, ведь ты при мне положила сумку в багажник, а я не обратил на это внимание, потому выходит, что это я опять невнимателен и рассеян, но вовсе не ты.

Вспоминая сейчас те дни, я больше не смеюсь. Нежность стала ассоциироваться у меня

с болью и покалеченной душой. Я был бы даже немного рад, приди вместо теплоты ощущение расчётливого холода. Но я с большим усилием вычленил плюсы нашего расставания и покорно радовался тому, что провел на рынке всего тридцать минут взамен двум часам, что были бы мне уготованы, если бы ты, Марта, оказалась со мной.

Как распорядиться свободным временем, я не знал. Отправился на пляж и просто читал книгу, заедая голод ананасом со специями. Это такая закуска, которой торгуют прямо на улицах. Я не сразу проникся интересом к подобной пище, но, распробовав, пристрастился всерьез.

Вдруг мне пришло в голову, что ты бы тоже наверняка оценила это невозможное сочетание сладости и остроты. Ты по сути такой и была — жгучей до горечи и приторной до тошноты.

Осознав это, я отложил свой обед. Есть мне перехотелось.

Зато вспомнился Крис. Я поехал на тот пляж, где он обычно катался, надеясь повидаться с ним. Но море сегодня было почти милосердно. Две незнакомые девушки загорали под пальмами. Я поздоровался с ними и пошел к Сэму.

Старый растаман вышел меня встретить. О том, куда подевался Крис, он, конечно, не знал. Сэм продал мне четверть унции травы и напоил чаем за счет заведения. Я отправился домой. Я еще ни разу не курил без Криса и в этот раз не стал. Отложил свою покупку, чтобы потом угостить приятеля.

Прошло несколько дней.

Крис исчез, и я понятия не имел, что с ним стало. Надеялся лишь на то, что его не сожрали акулы и не забрали в рабство проститутки. Но найти его я никак не мог.

Я не знал его фамилии, не знал, где он живет, даже не знал, собирается ли он уезжать. За три недели нашего знакомства мы никогда не заговаривали об этом, и теперь я корил себя за пробелы в общении. Не желая посвящать кого бы ни было в тонкости своего мироустройства, я намеренно избегал вопросов о прошлом — моего или чужого, не интересовался настоящим, кроме необходимых для поверхностной беседы данных.

Меня настигла новая потеря. И я ни за что бы не предсказал заранее, насколько сильно она травмирует меня. Общение с Крисом складывалось обрывочно и непринужденно. У нас было не так много общего из того, что мы все-таки успели выяснить друг о друге. Но, судя по всему, одиночество довело меня до того, что я стал привязываться даже к малознакомым людям.

Все эти дни я думал над тем, как именно возникают взаимосвязи, что стоит в их основании и откуда на самом деле растут корни. И, кажется, я стал понимать, почему существует повальное одиночество там, где людей больше всего — в крупных городах и в мегаполисах.

Я вывел формулу, по которой ценность каждого человека была обратно пропорциональна количеству людей рядом. Получалось, что один и тот же человек в малочисленной деревне и в миллионнике занимал совершенно разную иерархию важности. Крис, наши редкие разговоры и совместный досуг имели для меня огромное значение лишь потому, что я был здесь совершенно один.

Такой вывод немного успокоил меня. Но вскоре я в нем засомневался.

Засомневался только потому, что одновременно скучал и по тебе, Марта. А мы жили с тобой отнюдь не в деревне. Нас окружали сотни и тысячи людей. Ни по кому из них я не скучал. Может, оттого что с тобой проводил больше всего времени? Нет. В будние дни я и Себастьян общались помногу и плотно. Как я уже говорил, в основном о работе. Но я не скучал по Башо, сколько бы времени мы не провели вместе. А когда он всплывал в памяти, ничего не щемило и не подвывало в моей душе.

В то же время в отношении Криса произошла совсем иная картина. Я скучал. Скучал сильно и глубоко. Не так, как по тебе, дорогая Марта, не так, как по нашей квартире, кофеварке и твоей стряпне, но чувство это, тем не менее, было настоящим.

Сначала я пытался относиться к этому нейтрально: забивал голову книгами, моей писаниной и работой, которой, как назло, стало меньше.

Но через неделю сдался.

Я отыскал припрятанный сверток с марихуаной, открыл окно и смотрел на деревья, вытягивая из самокрутки всю дурь и скапливая ее своих легких. Так я просидел час.

Поняв, что начинаю ненавидеть весь мир — тебя и Крису в частности — я собрался и пошел в магазин. Один работал до поздней ночи, я смог приобрести пачку сигарет, бутылку вина и вместе с покупками направился к морю.

По берегу шатались несколько компаний. Вечер был погожий и сухой. Я расположился на песке, вскрыл пачку и бутылку.

Поскольку я почти два месяца не прикасался ни к спиртному, ни к сигаретам, а до этого нашиговался травой как дорвавшийся до запретных веществ подросток, никотин и вино быстро прибрали меня к рукам. Рассудок помутился, хотя мне казалось наоборот: теперь я видел полнейшую безобразность всего, что со мной случилось. Я уже не просто ненавидел, мне хотелось уничтожить в пыль каждое событие до этого момента.

Свою бывшую жену.

Тебя, Марта.

Разумеется, Крису.

Работу, которая отнимала столько сил.

Всех женщин, с которыми когда-либо спал.

Всех мужчин, с которыми когда-либо дружил.

Единственным светлым пятном мне тогда виделась только моя собака — Дора. Ее писклявый лай как наяву стоял у меня в ушах, что захотелось сию секунду разрыдаться и броситься в море.

Пока я не понял, что это лает чей-то чужой пес.

Я не выдержал и поплелся домой. По пути снова заскочил в магазин и купил новую бутылку, потому что прежнюю я уже осушил.

Придя, я первым делом хлебнул из горла, поджег сигарету. И только тогда заметил, что крепко сжимаю в ладони свою старую зажигалку. Откуда она оказалась у меня в руках, я не понял, потому что в магазине брал обычную, дешевую, пластиковую, а эта была металлической, тяжелой с именной гравировкой. Ее подарила мне ты, Марта. На нашу годовщину. На нашу с тобой первую годовщину встречи.

Я прочел вьевшиеся в металл мелкие буквы: «Лучшему мужчине, который пахнет кофе и табаком, от женщины, которая пахнет его любовью».

В ярости я швырнул зажигалку, не глядя, за спину. И тут же раздался истошный треск битого стекла.

Собирая осколки по полу голыми руками, я неоднократно поранился. Кровь текла по ладоням, по мелким кусочкам, которые секунду назад были целиковым окном, по полу. Моя боль в душе наконец вылилась в физическое страдание, и, как ни странно, я почувствовал облегчение.

Я кое-как прибрался в комнате, не слишком тщательно, и даже не помнил, как заснул. Впрочем, ничего удивительного в этом не было с учетом того, сколько я выпил и скурил.

Очнулся я все на том же полу среди россыпи стекол. То ли я не сумел добраться до кровати, то ли вернулся сюда посреди ночи, чтобы закончить уборку, — неизвестно.

Руки были изуродованы и полностью вымазаны кровью, и только сейчас я смог оценить, что натворил: зажигалка полетела прямиком в окно, которое я прикрыл, уходя. Хорошо, что по ту сторону находился задний двор дома, и обычно там никто не ходил, тем более ночью.

Кстати, зажигалку я так и не нашел. Еще неизвестно, существовала ли она вообще или просто померещилась моему больному сознанию. Я был убежден, что точно видел ее в своих руках, но примерно с той же убежденностью припоминал, что выкинул ее сразу после нашего расставания.

Я осмотрел и перебинтовал раны. Только одна оказалась довольно глубокой — рядом с большим пальцем левой руки. В остальном я отделался царапинами.

Помимо рук, меня беспокоило страшное похмелье, каких я давненько не испытывал. Наверное, лишь в студенческие годы я знал нечто подобное. И то, тогда организм был явно свежее, а сейчас же я был настолько разбит, что едва перемещался от комнаты до туалета. Меня тошнило и рвало невыносимо, каждые полчаса. Я бы просто упал в кровать и умер тут же, но вынужденно двигался, продолжал жить. И эта жизнь совсем не радовала.

Помню, как однажды я здорово приложился к алкоголю на корпоративной вечеринке, незадолго до нашего с тобой расставания, Марта.

Стоял февраль. Мы праздновали десятилетие фирмы. Тогда напились все, включая меня, Башо и остальных коллег. По такому случаю «развязался» даже наш директор. Такой, лысый и ужасно неприятный — Марта, ты должна его помнить. Но и этот гад мне тогда показался довольно милым. Все-таки чудесными свойствами обладает виски! Из вышколенных педантов он создает развратников, из тихонь — заводил, из благородных дам — распутных девок, а из строгих руководителей — веселых парней, которые умеют отплясывать не хуже Мариуса Петипа.

Я вернулся домой к полуночи, рассказал тебе, как все прошло. Я вещал с таким азартом, что не сразу заметил твое непримиримое, мрачное лицо. Ты молча дослушала, а затем вlepила такую пощечину, что я аж протрезвел.

— Марта, за что?.. — ставя на место челюсть, спросил я.

— А ты не знаешь?!

— Нет...

— Кто она?! — заорала ты.

— Кто... она?.. — с тупым видом повторил я.

— Кто эта мразь, с кем ты танцевал?!

— Елена?.. — с трудом припомнил я.

— Елена?.. — ты будто бы восторженно подняла брови, но ни о каком восторге, ясное дело, речи не шло. — Елена, значит? Та самая Елена, которая приперлась к вам месяц назад в короткой юбке? Эта шлюха?

Месяц назад в нашем коллективе действительно случилось пополнение. И об этом я тебе тоже рассказывал еще раньше. Рассказывал, как мы хохотали над короткой юбкой новой секретарши. Да-да, именно с ней в итоге переспал Башо.

— Нет, — кое-как объяснил я, покуда ты снова меня не ударила. — Нет же! Я танцевал с Еленой из бухгалтерии. Марта, ей пятьдесят три. Она замужем! О чем ты?!

— Ты только что сказал!..

— Бога ради, я сказал, что танцевал с Еленой!

— Надо было сразу уточнить, — отчеканила ты и даже не извинилась.

Полагаю, ты не поверила мне тогда. И только одного не понимаю — почему?

Ни разу не случалось такого, чтобы ты, дорогая Марта, уличила меня во лжи. Я, конечно, не претендую на святость и вполне способен на ложь, если того требуют обстоятельства. Так что мучаясь похмельем, чтобы отвлечь мозг, я пытался отыскать какой-то момент, где я тебе соврал.

Ах, да, вспомнил.

Я врал, что бросил курить. Врал совершенно скотски. Но, удивительная штука, я ведь сам доподлинно верил, что говорю правду. Например, я выкуривал не целую пачку, как раньше, а только пять сигарет. После чего заявлял: «Да, я бросил».

— И совсем не курил?

— Совсем. Только чуть-чуть.

— Джей, ты же обещал!

— Да-да, я стараюсь. Я очень стараюсь.

Но распрощаться с никотином при тебе оказалось невозможным. Наверное, я не относился к этому достаточно серьезно. Это было тем обещанием, которое дают, скрестив пальцы за спиной: не буду больше есть сладкое на ночь, больше не буду материться, не буду смотреть телевизор, а буду читать книги, буду бегать по утрам, буду звонить маме раз в три дня, не буду больше вспоминать этого человека...

И все равно соблазняешься на кусочек торта, ругательства вырываются сами собой, телевизор гипнотизирует, а на звонки никогда нет времени. Да и человека забыть не получается на одном честном слове. Не получается, и все тут.

Я улегся в кровать и ненадолго заснул. Что-то снилось нехорошее. Я просыпался, вздрагивая, и вновь засыпал. До вечера мой несчастный желудок выворачивало наизнанку неоднократно. Я пил воду и силой мысли пытался унять боль в голове. Буддисты верят, что все покоряется силе мысли. Видимо, у моей мысли было недостаточно сил.

Я смог более-менее твердо стоять на ногах, когда уже смеркалось. Нужно было что-то поесть. Но та еда, которая у меня имелась, либо предполагала длительную готовку (на что я был явно неспособен), либо была мне противопоказана (свежие фрукты, скорее всего, полетели бы обратно — ярко и со вкусом).

Я отправился к Сэму.

Его в кафе не было, но была Пенни, которая узнала меня и тут же принялась причитать на своем наречии, откуда я разобрал только, что хреново выгляжу, и то — благодаря интонации.

— Пенни, пожалуйста, принеси мне рис. Самый простой. Вареный. Без специй.

— Ох, сэр! Ох, сэр! Вы желаете пиво? Пиво, сэр?

— Нет, Пенни, — я уже начинал раздражаться. — Я не хочу пиво.

— Пиво. Том-ям. Пиво и том-ям. Вы почувствуете лучше, сэр.

— Пенни... — сдался я и уронил голову на стол, потому что стесняться было уже нечего. — Господи боже...

Она погладила меня по голове.

— Не надо, — заныл я. — Просто принеси мне еды.

Ее шуршащая одежда сделала вокруг стола еще несколько беспокойных кругов и отдалилась, свидетельствуя о том, что Пенни все-таки ушла выполнять заказ.

Конечно, она принесла пиво. И том-ям тоже принесла, и целую большую пиалу риса. Я

ел как контуженный слон — медленно-медленно поднося палочки ко рту, затем медленно-медленно пережевывая. А Пенни все это время стояла рядом и смотрела. Других гостей в кафе не было, а мне было настолько тяжело разговаривать, что я ее не гнал.

Каким-то чудом я справился с рисовыми зернами, голод был утолен, а тошнота перестала то и дело подкатывать к горлу, улеглась и прислушивалась к полученной пище.

Я отдал Пенни тарелку, но, отлучившись на минуту, Пенни сразу вернулась и стала настойчиво подталкивать ко мне острый суп. Я боролся с ней и пытался объяснить, что и в лучшем своем состоянии недолюбиваю том-ям. Однако Пенни была непреклонна. Я зачерпнул пару ложек для ее успокоения, но от пива отказался наотрез.

Когда я решил уходить, Пенни все порывалась проводить меня. Ее горячая забота могла бы доставить мне радость, не будь я настолько разбит. Но, не чувствуя почти ничего, кроме раздражения, я даже прикрикнул на Пенни и уплелся домой.

Уже закрывая калитку, мне почудилось, что за мной кто-то наблюдает. И в тот же момент я споткнулся о хозяйскую курицу, которая пыталась проскочить у меня между ног и удрать на свободу. Я схватил птицу, выругался на нее, швырнул во двор и полез в свою берлогу, чтобы уснуть больным, тревожным сном.

Мне снился ливень. Густой, сине-серый, он полосовал меня ледяными до жгучести каплями, а я куда-то шел, я что-то искал. Мне было страшно и холодно, но я продолжал идти. И вдруг я понял, что оказался в той ночи, когда погибла мама.

Шел точно такой же беспросветный дождь. Автобус, в котором она возвращалась с работы, выехал на встречную полосу. Я хотел ее встретить и нес еще один зонт к остановке, но она так и не приехала.

С тех пор мы с отцом жили вдвоем. Он не пытался приводить новых женщин. Я даже не знаю, была ли у него подруга. Наверное, он решил, что мне ни к чему новая мать, а может, просто слишком уставал на работе, и было уже не до романов.

О своей родной матери я забыл практически все. И я даже никогда не рассказывал о ней ни бывшей жене, ни тебе, Марта. Мне было нечего рассказать. Возможно, именно тогда я приучил свою память моментально уничтожать воспоминания о женщинах, которых больше нет в моей жизни. Так было с мамой, с бывшими любовницами, с женой. Со всеми, кто пытался оставить свой отпечаток в моей душе, но оставил лишь пробел. Не получилось только с тобой, моя дорогая Марта.

Я силой выволок себя из сна и заставил проснуться. Как я и предполагал, в реальности погода тоже разладилась. Впрочем, для сезона дождей в этом не было ничего удивительного. Ливень колотил по крыше и врвался в разбитое окно. Странно, что до сих пор не появился хозяин жилья, которое я снимал. Он с женой обитал в сарайчике на другом конце двора и иногда уезжал на несколько дней в город. Видимо, и теперь уехал, а у меня появился шанс исправить свое злоключение с окном без его ведома.

Я варил кофе и прикидывал, куда могу обратиться с этим вопросом, когда в дверь постучали.

Я заранее расстроился, что мой план рухнул, что сейчас мне придется оправдываться перед хозяевами, которые, скорее всего, запросят вдвое больше за стекляшку, чем она того стоит. Но на пороге стоял совсем другой человек.

— Доброе утро, сэр.

— Пенни?.. — я аж отшатнулся от двери, узнав голос.

Пенни была в обычной крестьянской одежде, без макияжа и привычной официантской туники. Теперь она мало походила на девушку, скорее на женственного юношу, которого природа обделила мускулами и волевыми чертами лица. Тоненькие ручки и ножки торчали из-под невзрачной серой рубахи и черных брюк. Лишь присутствие маникюра на пальцах выдавало в ней ледибоя.

— Я чувствую себя хорошо, Пенни. Спасибо. Что ты здесь делаешь?

Она (или теперь нужно было бы сказать — он?) зашла в мою комнату и огляделась.

— Сэр, вам нужна жена?

— Что?..

— Жена, сэр. На один месяц.

Я поначалу сам не разобрал, что говорит Пенни. Затем вспомнил, что слово «жена» здесь имеет намного более широкое значение, чем то, к которому привыкли европейцы.

Есть такое понятие «GFE» — «A girlfriend experience», что дословно обозначает «опытная подруга». Таких «подруг» приезжие мужчины покупают на всю длительность

путешествия и проводят с ними время, как с обычными девушками: ходят по магазинам, развлекаются, едят и живут вместе. Разумеется, сексом они тоже занимаются. То есть ведут себя как самые заурядные, но очень счастливые муж и жена. Однако их отношения подходят к концу по истечении отпуска.

Действительно опытные GFE ведут расписание «мужей» на много месяцев вперед собирая обширную базу из предыдущих клиентов. Ведь романтика — это их работа. Это как первоклассный отель, куда ты поедешь снова и снова, не желая экспериментировать с другими незнакомыми отелями, потому что здесь тебя уже ждут, знают, даже немного любят и сделают все, чтобы отдых был действительно расслабляющим.

«Жена» — это не вещь и не услуга. Это гарантированное хорошее настроение, регулярный оргазм, сытная еда, любой интересующий досуг и никаких приступов ревности или плохого самочувствия. Это то, что, по сути, желают получить все люди, вступая в брак или хотя бы отправляясь в отпуск. Это идеал близости, идеал отношений, пусть коротких, пусть оплачиваемых, но отношений, которые доставляют настоящую радость.

Кому-то такое явление может показаться иллюзорным и пошлым. Однако тем, кто достаточно настрадался в повседневной жизни, не жалко потратить пару сотен на простые радости бытия. В конце концов, мы платим за фильмы, за вкусную еду, даже за секс, так почему нельзя приобрести любовь и заботу — гарантировано и на условленный срок?

Пенни предложила стать моей женой на месяц. Предложила, потому что я ей нравился, и потому что ей нужны были деньги. А потом она еще долго объясняла, что с ней это впервые и что я могу получить презентацию прямо сейчас, всего за восемь долларов.

— Почему восемь, Пенни?

Она поглядела на меня удивленно, наверное, подумав, что я торгуюсь, и ответила очень серьезно:

— Мне нужно семь долларов для моей комнаты и один доллар для моего ужина.

Я достал из кармана десятку и отдал ей.

— Иди, Пенни. Мне не нужна жена. Мне нужен кофе. Извини.

Я вернулся к плите. Кофе мой совсем выкипел, а конфорки вновь залило пеной и крупинками зерен.

Пенни все так же стояла позади с купюрой в руках и не двигалась. Потом она вдруг подлетела ко мне, стала извиняться, отнимать у меня грязную турку и суетиться над моим небогатым имуществом. Я уступил.

Она хотела отплатить хоть чем-нибудь, раз уж я отказался от демонстрации ее тела и умений. Через полчаса у меня был новый кофе, завтрак из яичницы и тостов, а так же очень говорливый собеседник — уходить Пенни не намеревалась.

Разговаривали мы долго. Она рассказала о том, что с раннего детства ее учили быть девочкой — ухаживать, заботиться, готовить еду и прибираться по дому. Все это было естественно в семье, где уже имелось семь старших братьев, а Пхонпан (так звали Пенни в официальных документах) родился восьмым, маленьким и щуплым как веточка молодого бамбука. Родители это поняли еще при рождении и имя выбрали соответствующее: Пхонпан означало что-то вроде «девочка в красивой одежде».

— Тебе нравятся мужчины? — спросил я.

— Да.

— И ты считаешь, что ты — женщина?

— Да.

— А женщины тебе нравятся?

Пенни рассматривала свои ногти и улыбалась довольной, сестринской улыбкой.

— Да, — сказала она и засмеялась. — Мне нравятся люди. Белые и большие. Ты мне нравишься, сэр.

— Говори, пожалуйста, Джей.

— Хорошо, Джей.

Я глядел на нее и пробовал представить, каким человеком вырос бы Пхонпан, если бы родился не восьмым, а пятым? Или первым? Какая часть судьбы достается нам по рождению, а что мы обретаем с воспитанием, с жизненным опытом? Что прививают нам, а что мы выбираем сами?

Можно ли сказать, что родители Пхонпана нарочно предопределили его склонность к гомосексуализму? Или же Пенни — в самом деле девушка, заточенная в не самом мужественном, но все же мужском теле?

Невооруженным глазом было видно, что Пенни чрезвычайно старается сесть ко мне поближе, коснуться хоть слегка, что буквально из кожи вон лезет, дабы показать, какая добрая и послушная из нее выйдет жена. Она все еще надеялась, что я передумаю. Уж не знаю, что больше сыграло в ней роль — ее личная симпатия или денежные трудности. Но для меня этот вопрос был решен безоговорочно. Я не хотел даже пробовать вступать в эти отношения. Не потому что жалел денег (названная сумма была мне вполне по карману), и, как ни странно, не потому что у Пенни не было груди и других женских признаков (я уже почти готов был согласиться с Крисом, что рот у всех одинаковый).

А потому что я не был готов ни с кем жить.

Пенни бы наверняка ответила на это, что мы можем встречаться лишь тогда, когда я позову. Но и в этом случае я ответил бы твердое «нет».

Нет. Я не готов к регулярным встречам. Я не готов к другому человеку. Я не готов просто взять и признаться себе: «Да, теперь все иначе. Да, теперь я могу обнимать и целовать других людей. Да, теперь для них есть место в моей жизни, в моем сердце».

Потому что сердце мое было занято. И занято оно тобой, дорогая Марта, и только тобой.

— Джей...

— Да, Пенни?

Она смотрела на меня лучистыми, слезящимися глазами, где я читал искренность и преданность дворовой собаки.

— Может, массаж?

— Ладно, — я все-таки дал себя уговорить. — Массаж. Голова у меня и правда до сих пор раскалывается.

С того дня у меня появился новый друг. Если, конечно, можно назвать дружбой часовые массажные сессии за пару долларов и ни к чему не обязывающие попытки пообщаться после на языке, неродном для обоих собеседников.

Пенни приходила едва ли не каждый день. Если бы не работа у Сэма, которую ей все так же приходилось выполнять согласно установленному графику, она бы с удовольствием не отпускала меня ни на шаг.

Она была одинока, как и я. Но я держал дистанцию, намеренно и подконтрольно. Пенни скорее забавляла меня, а ее чудесные руки нравились моему телу, изголодавшемуся по женской ласке.

Впрочем, мне было сложно до конца воспринять Пенни женщиной. Она настаивала на этом, но внутри меня продолжал жить мощный блок.

Ты спросишь меня, дорогая Марта, почему же в таком случае я согласился на это общение, даже дружбу?

Если прикинуть, в среднем на острове через каждые сто метров находился минимум один массажный салон, а в местах наибольшего скопления туристов их концентрация достигала какой-то невероятной плотности, что можно только диву даваться — как они вообще выживают при столь низких ценах и невероятной конкуренции? Ответ, и на этот вопрос, и на предыдущий прост: почти каждая массажистка готова была предложить так же интимные услуги, которые стоили уже значительно дороже.

Так что в этом плане Пенни мало чем отличалась от всех остальных. Потому я не видел смысла выискивать ближайший салон, до которого от моего поселка было минимум пару километров по дороге вдоль побережья, раз уж Пенни согласно приходила ко мне домой и выполняла все, о чем я просил, и даже иногда то, о чем не просил, — прибиралась, мыла посуду, стирала вещи. Казалось, все это доставляет ей натуральное удовольствие.

Я смотрел на нее и думал, в чем секрет этой вопиющей покорности?

Когда мы жили с тобой вдвоем, Марта, многие работы по дому мы делили пополам. Я не гнушался готовкой или уборкой, не стремился взвалить на тебя все хозяйство целиком, а ты не стремилась стать домохозяйкой. До того момента, пока не потеряла работу.

Все произошло спонтанно, хоть и ожидаемо. С приходом нового управляющего многие работники твоей компании уволились добровольно. Тебя держались из-за большого стажа и опыта, но в итоге и это не спасло, когда новоиспеченному руководителю взбрело в голову учредить свои порядки, которые зачастую пахивали банальным самодурством.

Ты называла его «гребаным импотентом», и я склонен скорее верить в такую версию, потому что к тебе, насколько я знаю, он никогда не приставал как мужчина, но регулярно давил своим начальничьим положением.

— Представляешь, этот гребаный импотент заявил, что все должны быть в офисе за полчаса до официального начала рабочего дня! И что будет проверять лично!

— Он приезжает раньше всех?

— Нет! — полыхала ты еще сильнее. — Он звонит в офис и устраивает переключку по телефону!

— Тогда вы можете договариваться, кто из работников в какой день придет за полчаса и скажет, что все на месте.

— Мы так и делаем, — важно усмехнулась ты. — Все равно этот козел ни за что не поднимет свои булки, чтобы приехать в такую рань.

Тебя уволили после того, как ты сообщила по телефону, что все сотрудники явились вовремя, но в этот раз «гребаный импотент» захотел услышать каждого работника лично. И, конечно, подделать голоса всех двенадцати человек ты бы не смогла.

Уволили тебя в тот же день. Фактически без оплаты, которая полностью ушла на штрафы за несоблюдение рабочих предписаний. Нашлись и свидетели, которых ты, Марта, покрывала, но свидетельствовали они отныне против тебя.

Ты плакала и не могла понять эту человеческую подлость, не могла найти оправдания жестокости, бессмысленности, полному отсутствию логики. Да я и сам не знал, как объяснить все это, и еще больше не знал, как утешить тебя. Я только мог убеждать, убеждать и еще раз убеждать, что катастрофы не случилось, что все наладится со временем, а ты обязательно найдешь лучшее место в другой компании.

К сожалению, поиски затянулись, и это сказывалось на твоем самолюбии и настроении. Я со своей стороны предпринял все возможные меры, чтобы увеличить свой доход. Я не был богат, и судьба не грозила мне внезапным наследством, но я всегда считал деньги просто инструментом, ресурсом для чего-то более важного. Сами по себе банкноты не представляли для меня ценности. Зато ценным оказывалось то, что я мог на них купить.

Как те билеты в Париж.

Ты помнишь их, Марта? Помнишь два картонных прямоугольника с шифрами имен и дат под ламинированной поверхностью? Помнишь, сколько радости и горя они принесли нам?

Мы поссорились в тот вечер. Ты рыдала, билась в агонии и твердила, что никуда не поедешь. Я не знал, кого мне больше жалеть: тебя, истекающую слезами и ругательствами, или же себя, проторчавшего в офисе десятки сверхурочных часов, чтобы заработать на эти билеты. В любом случае, я совершил ошибку и не мог себя простить.

Билеты оказались невозвратными. Жилье в Париже стоило баснословных сумм, а ты говорила, что я дурак, потому что не посоветовался с тобой. Но только лишь по этой причине я был дураком?

Я поймал в курилке Башо и припер его к стене, пока он не сдал мне номер телефона своего какого-то то ли кузена, то ли племянника, которым Себастьян однажды хвастал, что тот поступил в Парижский университет. Так я смог найти маленькую квартиру-студию в предместье Парижа, в юго-восточной части. Несмотря на дальность расположения, добраться туда можно было на двух электричках за сорок минут из центра. Я разузнал о магазинах и кафе, прикинул бюджет и осторожно пересказал тебе все подсчеты.

— Это слишком дорого, — отозвалась ты, когда я смолк. — Мы не можем себе этого позволить.

— Марта, послушай...

— Не хочу ничего слушать! Мне отказали уже на пятнадцатом собеседовании! Когда это уже все кончится?!

— Милая, — я попытался взять тебя за руку, но ты вырвалась. — Ну, погоди ты. Этот месяц как-нибудь протянем. Потом съездим в Париж, отдохнем. И ты с новыми силами будешь искать работу.

— Как я могу отдыхать, когда не знаю, чем платить следующий месяц за квартиру?!

— Я найду деньги. Время еще есть...

— Ты так спокоен, потому что квартира записана на меня! Потому что в крайнем случае ты...

— Марта! — рассердился я и прикрикнул.

А ты ударила по столу и побежала плакать в ванную.

Вот так мы и порешили, что вскоре отправимся в самый романтичный город на земле.

Я старался изо всех сил, чтобы понять страхи и горечь, которые рвали тебя на части, и лишний раз не заикаться о том, как тяжело мне. Не могу сказать, что я по-настоящему страдал, но и не стану отрицать, что тогда неоднократно представлял наше расставание.

Это были мысли не всерьез, скорее страшные сны, в которые я погружался добровольно, чтобы ответить себе, в чем истинная причина этих невзгод.

В деньгах? Их хватало. На самое необходимое, но хватало.

В уничтоженной карьере? Я знал наверняка, что поиски рано или поздно приведут к успеху — иначе быть не могло.

Или же все-таки причина состояла в том, что мы с тобой, дорогая Марта, изжили наши отношения и надоели друг другу?..

— Давай заведем собаку.

— Что? — я отвлекся от книги, чтобы посмотреть на тебя.

Ты сидела на полу в одном тонком свитере, даже белья на тебе не было. Ты часто так одевалась, не взирая на мои протесты.

— Собаку. У тебя ведь была собака. И у меня была. В детстве. Я притащила домой уличного пса. Мама сначала хотела его выставить. Но потом сжалилась. И он остался у нас жить на какое-то время. Но еще через время она отдала его другим людям. Сказала, что там ему будет лучше. Она почти не появлялась дома, потому что работала на трех работах. А я была еще маленькая, чтобы самостоятельно заботиться о нем. Он был довольно большой пес. Его звали Джек.

— Джек... — пробубнил я в задумчивости. — Марта, но ведь я тоже почти каждый день на работе.

— Я все равно дома сижу.

— Хорошо. А что будет, когда ты выйдешь на работу?

Ты передернула плечами:

— Тогда и посмотрим.

— Марта, пойми, я люблю собак. Но мы не можем относиться к собаке как к игрушке.

— Это ведь не дети...

По твоему потерянному взгляду я начал догадываться, о чем ты на самом деле печалилась в тот момент.

Я вздохнул:

— В каком-то смысле это дети. Причем дети, которых и ты, и я скорее всего переживем.

— Ты скучаешь по Доре?

— Скучаю, — помолчав, признался я.

— А я скучаю по Джеку.

Скучаешь ли ты теперь по мне, Марта? Я не был твоим псом, но я был предан тебе не хуже стаффордширского терьера. Но раз за разом увязал в одной и той же беспощадной мысли: без меня тебе будет лучше. Ведь я не мог подарить тебе собаку, как и детей. И, возможно, сейчас ты намного счастливее и смеешься еще чаще? Сейчас, когда меня уже нет рядом...

— Джей!

Пенни ворвалась в комнату, запыхавшаяся, прямо в грязных от дождя сандалиях и тут же

принялась оправдываться, что сейчас все уберет.

Честно говоря, я ее не ждал. Не ждал до такой степени, что погрузился в работу с головой и не слышал, как она поднималась по ступеням ко мне на второй этаж.

Смеркалось, и дул влажный бриз со стороны моря. Я дышал им в полные легкие будто бы в первый раз. Я сегодня не выходил из дому, ничего не ел. Весь день просидел за компьютером лицом к окну, которое снова было целиковым, и больше ничто не напоминало о той злополучной ночи, когда я едва не прикончил себя.

Пенни готовила еду из продуктов, принесенных с собой: какую-то похлебку из рыбьих голов и лимонграсса, рисовую лапшу и зеленые стручки. Благодаря ей моя плита вновь выглядела сносно. Кажется, даже лучше, чем когда я сюда только въехал.

Комната быстро наполнилась ароматами приготовляемых блюд. Это немного помогло мне вернуться в реальность — настолько сильные запахи не были свойственны нашему дому, Марта, куда я мысленно отправлялся каждый раз, приступая к своим заметкам. Твоя еда всегда была простой и по-домашнему вкусной. А экзотические пряности отрезвляли мою душу и обжигали желудок.

Впрочем, я почти освоился даже с самой острой местной пищей, а уж к стряпне Пенни привык давно — она учитывала мои географические корни, потому щадила перец и меня заодно.

— Пенни, — спросил я, взглянув на часы и поняв, что ее смена закончилась всего двадцать минут назад, — а где ты взяла продукты?

Она улыбнулась мелкими как рисовые зернышки зубами:

— У Сэма.

— У Сэма? А Сэм не был против?

Пенни призадумалась и ответила:

— Нет.

— А Сэм знает, что ты взяла продукты?

Она снова улыбнулась на тот же манер:

— Нет.

— Пенни, тебя уволят.

— Нет, — сказала она легко и добавила: — Не беспокойся. Ешь.

Мы просидели до позднего вечера. Пенни делала мне массаж — тщательно разминала плечи, шею, лопатки — и напевала что-то заунывное. У меня начали слипаться глаза. Она поняла это и вскоре оставила меня одного.

Сытый, расслабленный и убаюканный народной песней, я решил покурить напоследок, грезя о будущем спокойном сне, похожем на теплое домашнее одеяло. В теле и в сердце благоухала томная легкость, сравнимая разве что лёгкостью после яркого оргазма.

Я скрутил сигарету и неторопливо обстукивал ее о подоконник, трамбуя крошево листьев канабиса, затем поджег кончик и сладостно затаился. Самокрутка зашипела, унося плененный разум в далекий космос.

Внезапно в прорехе пальмовых крон напротив моего окна вспыхнул яркий прямоугольник света. Я знал, что на соседнем участке, буквально в пяти метрах от моего находится другой дом. Там давно никто не жил, но комната на втором этаже сдавалась, как и моя, — я заглядывал туда, когда искал себе жилище. Меня не устроил ценник, по видимому, как и многих, кто смотрел эту комнату. Там не было плиты и холодильника. Только грубый матрас на полу и гамак, подвешенный на столбах. Такое жилье подошло бы одинокому

парню-серферу, который не умел или не хотел заниматься готовкой дома, исключительно для ночлега. Но, вопреки ожиданиям, в световом окне появился совсем не мужской силуэт.

Я стоял как гвоздями прибитый, не мог оторвать взгляд. Понимал, что поступаю как последний засранец, но я об этом не думал. Я вообще прекратил думать на несколько минут. Сигарета тлела в пальцах, веки замерли без движения.

Девушка в окне ходила по комнате голой. Совсем без ничего. Только желтые трусики из хлопка целомудренно обтягивали бедра.

Марта, ты бы точно покрутила у виска.

— Ты что, сисек не видел?

— Что? — я повернулся к тебе.

Мы стояли в торговой галерее, где шел показ летних бикини. Я ненароком засмотрелся на одну модель в полупрозрачном купальнике, а ты дернула меня за рукав.

— Джей, хватит пялиться!

— Я вовсе не пялюсь, с чего ты взяла?

— А то я не вижу, — огрызнулась ты. — Вот скажи, чего вам, мужикам, не хватает? Понимаю, если б я была страшной, толстой, с отвисшим пузом...

— Марта, прекрати. Я всегда говорил и говорю, что для меня ты самая красивая в мире.

— Тогда чего же ты жрешь глазами эту девку?!

— Неправда.

— Правда!

— Хорошо, — сдался я, наконец. — Да, я действительно смотрел на нее. Точнее на купальник. Представлял, как бы он сидел на тебе.

Ты улыбнулась и покачала головой.

— Что ты врешь, Джей? Ты изучал ее сиськи. И не говори, что это не так.

Я покраснел и отвернулся и от тебя, и от сцены.

Как я мог объяснить тебе, чем обусловлена моя такая реакция на женскую наготу? Как я мог вдолбить тебе, что и с отвисшими сиськами любил бы только тебя? И одно другого никак не исключает.

— Джей?..

— Что?

— Она тебе нравится? — спокойно, но будто бы со сдавленным горлом спросила ты.

Я снова повернулся к вышагивающим по подиуму длинноногим моделям.

— Да.

Я сделал вдох и смог впервые моргнуть. Глаза защипало от попавшего в них дыма, даже проступили слезы. Я вытер их локтем и стал дальше смотреть.

Девушка в окне беспечно прогуливалась нагишом. В ее движениях не было той безупречности, что у девушек на сцене, но это притягивало куда больше.

Она то потягивалась во весь рост, то чесала поясницу или шею. Потом достала крем после загара и стала натираться им. Совсем не так, как это обычно показывают в эротических фильмах. Все, что она делала, было лишено привычной сексуальности, но возбуждало неотвратимое, бешеное желание.

Мне стало стыдно за себя, но и тогда я не поступил благоразумно. Забыв о воспитании и чувстве такта, я продолжал подглядывать, пока в конце концов девушка не погасила свет.

Еще час я промучился в кровати, пока враз не утихомирил естество известным подручным средством, и только тогда уснул.

О ком я думал, изливаясь похотью, — о тебе, дорогая Марта, или о незнакомке в окне? Я не могу ответить точно. В любом случае, я не фантазировал о тихой нежности, долгих прелюдиях и о тающем вкусе солоноватой кожи на губах во время поцелуев.

Я должен признать, что некоторые процессы в теле срабатывают механически. Это совсем не то, что приводит к восторгу и влюбляет нас в жизнь. Иногда желание плоти подобно ядовитому воспаленному фурункулу, который нужно срочно вскрыть и прижечь спиртом. Других красок в такой желаний почти нет.

Так что выплеснув из себя назойливое вождление, я забылся долгожданным сном и крепко проспал до самого полудня.

Днем меня ждали несколько рабочих писем. Анализируя почту и отвечая на вопросы клиентов, я то и дело бросал взгляды в окно, но пейзаж там ничем не отличался от давно привычного мне — безлюдного и зеленого.

В обед я сходил на пляж, искупался, зашел к Сэму, поел и поехал в город. Нужно было купить еще один жесткий диск, а такие вещи продавались только в крупных торговых центрах. Вечер у меня был совершенно свободен, и я думал, как им распорядиться. Зашел в палатку с DVD-дисками и приобрел несколько фильмов.

Местный выбор синематографа был настолько широк, что находились почти любые фильмы — старые и новинки, с почти любым переводом — английским, немецким, французским, испанским, русским, с дубляжем или с субтитрами.

Я пристрастился к итальянскому кино. В сравнении с ним современный Голливуд выглядел жалким и напыщенным. Мне казалось, даже в индийских фильмах намного больше искренности, чем в точеных американских блокбастерах.

Ты, Марта, помнится, тоже любила не самые популярные картины. Часто водила меня на маленькие, полузакрытые показы. Вначале я только нос ворочал, но терпел в угоду тебе. Однако вскоре проникся неподражаемым шармом ретро и артхауса, тончайшей филигранью искусства «не для всех». Нам было что обсудить, из-за чего поспорить и в чем согласиться. Признаю, я так и не стал безупречным ценителем и знатоком шедевров мировой киноиндустрии, оставшись, по сути, всеядным, но ты привила мне тягу к искусной простоте и невидимым подтекстам. И сейчас я находил утешение в таком досуге и, наверное, даже где-то считал это более достойной альтернативой скитанию по барам и массажным салонам.

Возвращаясь знакомой дорогой, я думал о том, не заглянуть ли мне в магазин за продовольствием, но потом решил, что перебыюсь и тем, что осталось в холодильнике.

А еще я подспудно мечтал, чтобы вечером в окне напротив, так же как вчера, зажегся свет. Ничего конкретного я не планировал предпринимать. Я бы снова стоял, затаившись у оконной рамы, и молча наблюдал. Мне было немного совестно от собственных мыслей, совсем чуть-чуть, но что я мог поделаться со своим взбудораженным воображением? Запретить себе мечтать? Для чего? Если даже в самом своем укромном уголке — в своих интимных фантазиях — мы запрещаем себе желать тех или иных вещей, то для чего тогда вообще существует такая возможность в голове?

Подавленные желания и чувства — это такая же травма, как сломанная кость, вывих, удар в болевую точку. Для большинства из нас возможность фантазировать зачастую является единственной возможностью на реализацию потайных криков души. Иногда они могут быть действительно пугающими. Но степень их откровенности никогда не может быть ниже по сравнению с тем, на что мы отваживаемся в реальной жизни.

Болезненная жестокость, разврат, скрытые амбиции — все это становится почвой для воображения. Воображения, над которым властен лишь сам воображающий. В этом и заключается та огромная, скрытая сила, которой можно распорядиться в настоящей жизни. Она может стать мощным топливом в достижении целей или же погубить человека не только умственно, но и физически.

Но, так или иначе, насиловать собственный ум еще более бесчестно, чем топить только что родившихся слепых котят. И если уж на то пошло, я считаю, этим как раз и занимаются

люди, убившие свои желания: потопив свой внутренний мир, они мстят тем, кто оказался слабее на их пути, мстят втихомолку и вновь мучаясь совестью. Мир, где никто не боится признаваться себе в желаемом, был бы куда чище и мягче. Но это, к сожалению, лишь теория. Вряд ли ее когда-нибудь удастся проверить, потому что политика, религии и подкрепляемая суевериями мораль еще долго будут довлеть над свободным разумом, чтобы контролировать и подчинять его на радость властимущим.

Я давно отучился запрещать себе свободно плавать в мыслепотоках, и в этом тоже отчасти помогла мне ты, Марта.

Ты будто бы родилась специально для того, чтобы каждый день открывать новые грани жизни и чувственности. Я любил это твое свойство, подчас пугался его, но превозмочь любопытство не смел. Отчасти лишь потому, что любил, отчасти потому, что доверял. Однако, по большому счету, я сам того желал и шел добровольно на то, что ты предлагала.

Однажды мы ехали в плотно забитом автобусе. Вокруг толпились незнакомые люди, стояла осень, я был в длинном пальто. Мы возвращались с прогулки немного хмельные и веселые. Вдруг ты скользнула рукой в щель между застёгнутыми бортами моей верхней одежды, нащупала пряжку брючного ремня.

— Марта, — шепнул я, оторопевший, — ты что делаешь?

Ты прислонила указательный палец к губам и улыбнулась хитрыми, туманными глазами.

— Господи боже... Не надо, — я поймал тебя за кисть, но ты не поддавалась, шла напролом, уже добралась до молнии на штанах.

Я побледнел и залился краской одновременно. Не знаю, как называется эта эмоция. Мне было неловко, страшно, дико, а еще волнительно и азартно.

— Я прижмусь к тебе, — тихонько сказала ты, — и никто ничего не заметит.

— Это безумие... — я задохнулся от собственных слов, уже всецело ощущая, как кровь устремилась в промежность. — Я прошу, давай потерпим до дома...

— Тс-с-с!..

Ты обняла меня и прижала спиной к стене автобуса. Нам оставалось ехать всего две остановки. Толпа монотонно кряхтела, уничтожая кислород в салоне. Я закрыл глаза и отдался нахлынувшему чувству.

Я не стану лукавить, что то был наш лучший опыт любви, но дерзость, с которой мы ворвались в людское общество, нарушили установленные правила и остались при этом незамеченными, имела особый привкус — привкус сговора, тайны, одного на двоих преступления, что связывало нас еще крепче, еще туже, еще интимней, чем даже сам секс.

Научиться заново радоваться, научиться воспринимать других людей, научиться тяготеть к ним — к другим, не к тебе, Марта, — все еще казалось мне непостижимой задачей. Я, честно сказать, больше удивлялся тому живому интересу, возникшему у меня к абсолютно незнакомой девушке. Я не знал о ней ничего, кроме точеного силуэта фигуры и волнистой россыпи каштановых волос по спине, я даже лица ее не разглядел.

Но узнал мгновенно, в ту же секунду, когда подъехал к воротам своего жилища. Она сидела посреди дороги на корточках и осматривала колесо байка. Я притормозил в метре от нее, заглушил мотор.

Она подняла голову:

— Привет.

— Привет.

— Разбираешься в этих штуках? — она стряхнула кофейные пряди с щеки и уставилась на меня вызывающе.

— Немного, — я подошел и стал смотреть туда, куда и она. — Что случилось?

— А ты не видишь? Он не едет!

Я обошел байк по кругу:

— Ты заправила его?

— Я что, совсем дура, по-твоему? — она толкнула меня плечом. — Я его только взяла.

Он полный. Видишь индикатор?

— Вижу.

— Счастливого пути, мастер.

Она тут же отвернулась от меня и принялась что-то щелкать, дергать, трясти бедный аппарат. Но байк игнорировал любые попытки завестись.

Не спрашивая разрешения, я поднял сидение и стал выкручивать затычку из бензинового бака.

— Слышь! — крикнула девушка. — Ну-ка, руки убрал! Сейчас еще что-нибудь сломаешь! А мне потом платить! Ты чего, не понял?! — она с агрессивным лицом устремилась ко мне, выдрала из моих рук затычку. — Я же говорю — до свидания! Помощь не требуется!

— Он пустой.

— Чего?

— Он пустой, — повторил я и показал на бак. — Бензин закончился. А датчик у тебя сломан, — я постучал по прибору.

Девушка рассеяно глядела то на приборную панель, то на меня, то в сухой бак. Пока она пыталась осознать, какого черта здесь произошло, я сходил к себе во двор и принес бутылку бензина.

Да, здесь бензин продают в бутылках — обычных, пластиковых, из-под газированный напитков навряде «Колы». Конечно, это не отвечает правилам безопасности, но на них всем плевать, если основная часть заправочных станций прекращают свою работу в шесть или в семь вечера, а тебе необходимо проехать через весь остров на крутую дискотеку. Я же со своей стороны давно понял, что бутылка бензина в хозяйстве лишней никогда не будет. Это не раз выручало меня. Выручило и теперь.

— Твою же мать!.. — выругалась с досады девушка. — А мне еще обещали, что все исправно! Клялись!

— Так все исправно, — я завел байк, проверил свет и тормоза — они поддались без проблем.

— Да как это все?! А датчик?!

— Это мелочи, — я отряхнул руки и ушел к своему агрегату, чтобы отвезти его во двор.

Девушка поглядывала на меня с чуть меньшей агрессией, чем прежде, но ласковым ее лицо все же трудно было назвать.

Когда я уже закрывал ворота, она вдруг спросила:

— Мы что, соседи?

Я улыбнулся, не стал отвечать, закрыл створку до конца и через несколько секунд услышал по ту сторону ограждения:

— Спасибо, сосед!

Я утер ладонью взмокшее лицо, сплюнул и пошел восвояси.

Дома я не нашел покоя.

Бродил по комнате, зачем-то все время подходил к окну, возвращался за стол и снова вскакивал. Смотреть кино мне перехотелось — я заранее чувствовал, что ни один, даже самый великолепный фильм, не проберет меня сегодня.

Мне срочно нужно было вновь увидеть ее. Эту девушку. Немедленно. Иначе бы я сошел с ума. Я уже сходил, сам не понимая, почему, и метался как зверь по клетке.

Я решил — если не встречу ее, возьму проститутку. Любую.

Я догадывался, что дело скорее не в этой длинноносой европейке, похожей то ли на гречанку, то ли на итальянку, дело в том, что мне просто требовалось женское общение, даже без интима. Хотя что я вру?! Интима мне хотелось еще больше. А всему виной эти дурацкие желтые трусы, дьявол бы их побрал!..

Я проверил наличность в кармане, покурил на дорожку и поехал в город, в тот район, где месяц назад мы были с Крисом. Я немного переживал о том, что стану делать, если встречу там Нок и Мали, но заранее условился, что делать ничего не буду. Поздороваясь и пойду дальше. А может, и здороваться не стану, потому как вряд ли они так сходу опознают меня. Впрочем, натолкнуться в тех местах на кого-то знакомого шансов было не больше, чем выбить трехочковый, не глядя. Но я очень хотел найти ее — девушку в желтых трусах из окна напротив, мою соседку.

Я рассуждал банально: куда может отправиться на ночь глядя только что приехавшая молодая, одинокая туристка? Конечно, в эпицентр разгульной жизни. Там проще всего скоротать время, найти компанию и любое развлечение — хоть лобстера на ужин, хоть случайный секс.

Я провел рейд по главной улице, все такой же шумной и безобразно пьяной. Я заглядывал в кафе и бары, искал среди сотен лиц и спин, но, конечно, ничего не нашел.

После двухчасовых поисков я сдался. Забрел в первую попавшуюся харчевню и ел без аппетита жареный рис с креветками. Потом спустился к морю и без проблем наткнулся на целую шеренгу девиц. Я долго не выбирал. Ткнул в первую попавшуюся, которая показалась чуть менее противной остальных.

Что-то умерло во мне в тот вечер, и на месте умершего молниеносно возникла тупая, животная ярость.

Не помню, спросил ли я, как звали ту девушку. Наверное, не спросил. Я только поинтересовался у нее, где здесь в шаговой доступности комнаты попроще. Она показала куда-то вглубь переулка, мы пошли в ту сторону. И пока брели, я позабыл даже, как зовут меня самого, стер из памяти все имена, глаза и губы, которыми когда-либо дорожил.

И тебя стер, Марта. Как мне показалось, навсегда.

Настолько сильна и слепа была эта ярость, огромна, бесчеловечна, что я взял ту девчонку вообще без вступлений. Она еще пыталась изобразить удовольствие, а я просто попыхтел над ней от силы минуты две, кинул наличность и ушел. Раздавленный и шальной как черное полотно моря, безоружное перед жестоким штормом.

Проснулся я в тумане и бесконтрольной разрозненности чувств, не ощущая толком ни конечностей, ни туловища, ни головы. Тело было совершенно ватным, пришибленным к простыне будто тяжелая ноша с оторванными ручками.

Я пролистнул память, вспомнил покоруженное лицо ночной проститутки, и меня самого враз передернуло.

Господи боже...

Я спустил ноги на пол и порадовался его прохладе — твердой и незыблемой, дающей чувство опоры.

Я вернулся к себе. Я не потерял себя. Я снова был собой.

И в этом, казалось бы, счастливом осознании, первой воспрянула тоска по тебе, дорогая Марта.

Я даже не буду искать оправданий своим действиям и выдумывать того, чего не было. Я просто слишком понадеялся на то, что прошиб наконец кокон, в котором умирал от любви к тебе. А вместо этого в очередной раз станцевал танго самоубийцы. Быть может, и правда единственным окончанием этих мытарств может стать только моя физическая смерть?

Переделав все рабочие задания, я стремглав помчался в кафе к Сэму. Его пропитанный канабисом уголок еще вселял какую-то крошечную надежду на беспечность.

Сэм беззаботно курил на веранде глиняную трубку и, конечно, счастлив был видеть меня так же, как любого другого гостя.

— А, дружище!

— Привет, Сэм.

— Привет!

Он раскачивался в гамаке, короткий и сухой как стручок ванили. И цветом такой же черный, почти угольный. Лишь белые редкие зубы и белки глаз светились на лице. Сэм пригласил присоседиться к его извечной сиесте.

Прибежала Пенни и с бесконечным энтузиазмом ухаживала за нами. В динамиках играл Боб Марли, море плескалось игриво.

Я скурил добрых полтора косяка и поплыл в сонную, тягучую субстанцию кайфа.

— Как поживаешь, братишка? Нашел друга? — спросил Сэм.

— Друга? — я вытащил глаза из завораживающей прибрежной полосы.

— Американец. Белый.

— А, Крис... — я отдал Сэму трубку и улегся поудобнее на большой мягкий пуф. — Нет. Я не знаю, где он.

— Окей. Не волнуйся. Приплывет, — смеялся растафарианин хриловатым старческим смехом, раскачиваясь в гамаке.

— Приплывет? — зацепился я за это слово как за спасительный канат. — Когда?

Сэм улыбнулся морю:

— Когда придет время.

Мне взгрустнулось после этих слов. Душу обожгло словно каким-то предчувствием. Мне было неизвестно, что творилось в голове у этого старика, но обрывочные воспоминания о Крисе, о котором он напомнил, не придавали мне сил. Он исчез почти месяц назад, но мне до сих пор его не хватало.

А Сэм меж тем продолжал допрос:

— Ты нашел женщину?

— Какую женщину, Сэм?

— Ту, которая тебя укусила в глаз! — он снова хохотал как отбойный молоток.

Только вот мне было не смешно.

Появилась Пенни, поставила на столик чай.

— Пенни, — задержал я ее, — у меня что-то с глазами?

Она присмотрелась внимательно и озадаченно.

— Да, сэр.

— И что с ними?

— Они красные.

И Пенни, и Сэм покатались со смеху одновременно. Я, наверное, и рад был бы с ними нахохотаться вдоволь, от души, но смеялся все-таки неискренне.

Глаза у меня действительно были будто у крысеныша-альбиноса — чахлые, усталые, с полопавшимися сосудами. Бессонница, марихуана и частая работа за компьютером никак не могли благотворно повлиять на них. Я всегда знал, что глаза — мое слабое место. Я любил глазами, ненавидел глазами и желал тоже глазами. А прошедшей ночью, они едва не полопались от ярости, и это при том, что я позволил себе все, не перечил ни единому позыву, что называется, «сорвался с цепи» и начхал на весь свой внутренний уклад, на все свое воспитание, принципы, надежды.

Наверное, в каком-то смысле этой ночью я перестал быть человеком. И виной тому было не виски и не наркота, а то, что я окончательно забыл, для чего живу. Будь рядом Крис, у него обязательно нашелся бы простой, подходящий ответ. Но Криса не было. А общество Сэма и Пенни мне уже порядком наскучило.

Я поблагодарил за чай и решил, что неплохо было бы запастись провизией на пару дней. Это значит, предстоял маршрут на рынок. Туда я и отправился.

Чтобы ты представляла, Марта, рынок — это такое место, где торгуют совершенно всем: от сувениров из ракушек и китайских дрянных носков до живых кур и подержанных байков. Лотки с продуктами стоят особняком и работают только часов до пяти, а то и раньше сворачиваются. Можно, конечно, пойти в супермаркет, но выбор там ниже, цены дороже, а качество не всегда высокое. Особенно, что касается овощей и фруктов — их лучше брать у уличных торговцев. Там же, где торгуют готовой едой, очередь обычно стоит самая длинная, и разбирают ее живо: жареный рис, спринг роллы, карри на кокосовом молоке с различными наполнителями, а также рисовые рулетики в черной водоросли с овощами и сурими — и местные, и туристы сметают все.

До появления в моей жизни Пенни я тоже нечасто ел дома. Ограничивался в основном лапшой и вареными яйцами, иногда обедал у Сэма и в других кафе. Я старался максимально опустить все бытовые нужды, не привязываться ни к месту, ни к людям, но, как бы то ни было, за два летних месяца я не только загорел и похудел до неузнаваемости, но и обжился так, словно переехал сюда до конца дней своих.

С одной стороны, мой новый мир бесконечно радовал меня, с другой пугал — что я стану делать, когда наступит время уезжать? А такой момент непременно наступит: мне не смогут бесконечно продлевать визу, и хотя бы этой причине я должен буду оставить свой новый дом.

Дом?..

Когда-то этим словом я называл нашу стобой квартиру, Марта. Съемную, довольно плохонькую, но очень любимую квартиру, в которую мы покупали общие вещи и создавали уют на двоих. Но мебель, обстановка и уклад жизни были важны в гораздо меньшей степени, чем внутреннее ощущение, которое они давали только в совокупности с тобой, моя дорогая Марта. Это и называлось домом.

Что же сейчас я вкладывал в это понятие? Мою выдавшую виды турку, газовую плиту и кровать? Или несколько квадратных метров пляжа, где я обычно отдыхал? Или же кафе Сэма, случайных знакомых, буддистские храмы, километры дорог и частые ливни?

Моим домом была надежда. Но озвучить ее в словах я пытался вот уже не один десяток листов, и все без толку.

Я протискивался в людской массе и задыхался сырой агонией утопленника. То ли из-за жары, то ли из-за чрезмерной влажности, то ли из-за скуренной ганжи я тяжело дышал.

Я остановился, чтобы купить бутылку воды.

— Привет, сосед.

Я повернулся и увидел ее.

Ту самую девушку, которая расхаживала в желтом лоскутке на бедрах в окне напротив. Уж не знаю, какого цвета было на ней белье сейчас, но выглядела она, как и многие туристки здесь: сверху — бикини от купальника, снизу — джинсовые шорты, которые ты, Марта, обозвала бы «шлюшными» и еще долго бы кривилась ей вслед.

Ты терпеть не могла чересчур откровенную одежду на девушках. Но не потому, что она доставляла дискомфорт лично тебе, а потому что тебе казалось, будто я их замечаю первее тебя и глаз оторвать не могу.

Впрочем, подумай ты так сейчас, ты бы не ошиблась.

— Привет.

— Что, дивная ночка была? — девушка кивнула на бутылку воды в моих руках и засмеялась.

— Обычная.

— Понятно, — она оглядела меня с ног до головы. — А ты всегда такой неразговорчивый?

— По-разному.

— Ну, тогда, может, пару коктейлей тебя разговорят? Я ведь твоя должница.

— Я не пью алкоголь.

— А-а-а, вот оно что! А я все думаю, чего ты такой странный! Так ты из этих, как их, «анонимных алкоголиков»? Приехал попуститься на свежем воздухе?

— Считаю, что так.

— Понятно, — она хмыкнула нагло и провела кончиком языка по нижним деснам. — А чем тебя можно угостить?

— Колой.

— Колой?

— Колой.

— Ты любишь эту дрянь?

— Не особо.

— Тогда будет тебе кола.

Ее звали Саша. И приехала она сюда, как я предположил ранее, одна. Саша оказалась моей соотечественницей. Она бранилась не в пример воспитанной девице, курила как

станционный грузчик и, что называется, лояльно относилась к выпивке.

Едва подойдя к барной стойке, она смело заказала себе два «Джека» и колу для меня.

— Почему два? — спросил я.

— Вдруг, ты захочешь присоединиться? — она засмеялась и толкнула меня в бок. —

Шучу! На твой священный обет покушаться не стану! Но мне-то расслабиться можно?

— Можно.

— Ну, а тебя как зовут?

— Джет.

— Дурацкое имечко. Сам придумал?

— Не хуже твоего. Но можешь звать меня Джей.

— Джей... — она как будто распробовала мое имя во рту. — Да, так лучше. Ну что, Джей, давно ты тут?

— Относительно.

— От жены сбежал?

— А ты от парня?

— Пошел ты! — Саша подтолкнула ко мне стакан. — Пей свою колу и рассказывай, что хочешь. Я всему поверю.

Виски улетучивался из ее бокала еще быстрее, чем она успевала покурить сигарету, а курила Саша одну за одной. О себе она поведала, что занимается фотографией, учится в гуманитарном лицее, здесь впервые. Из этих небогатых сведений сложно было составить ее полный портрет, но о большем распространяться она явно не собиралась. Можно сказать, такая позиция меня вполне устраивала. Я лишь попытался узнать ее возраст.

— Зачем тебе? — переспросила Саша на мой вопрос.

— Хочу быть уверен, что тебе законно продавать виски.

Она расхохоталась.

— Не волнуйся, мальчик. Моя мама давно не против.

— Почему?

Саша скосила на меня глаза, поджигая очередную сигарету и низко наклонившись над барной стойкой.

— Потому что умерла, — сказала она и помолчала. А потом добавила: — Но тебе не обязательно мне сочувствовать.

Сочувствовать я не стал, но понял, что это, возможно, единственное, что она рассказала о себе откровенно.

Помню, как нам с тобой, Марта, было непросто первое время посвящать друг друга в прошлое, сколько ревности, негодования, обид это вызывало. Ранило скорее не то, что какие-то вещи случались с нами раньше, а то, что все это происходило друг без друга, до нашего знакомства. Как будто мы были вольны не ошибаться и оставаться незапятнанными до нашей встречи.

Доверие сердечное появлялось в нас постепенно и росло гораздо медленнее доверия в постели. Почему-то людям чуть менее сложно скинуть с себя одежду, чем приоткрыть тайну, скажем, пятилетней давности. И ведь что удивительно: чем старше эта тайна, тем плотнее вокруг нее занавес. Например, признаться в том, что воровал деньги из материнского кошелька в восемь лет гораздо труднее, чем выложить, что стащил с работы упаковку бумаги для принтера, хотя по стоимости обе кражи эквивалентны, а спрос со взрослого обычно выше по сравнению с ребенком.

Я полагаю, все объясняется тем, насколько глубоко пронзило нас то или иное событие. А события из детства зачастую сакральны, основополагающи для наших личностей. Оттого нам не хочется лишний раз касаться их. И больше всего тревожит не отношение собеседника к услышанному, а то, что подумают о нас теперешних.

Ты долго не рассказывала об отце. Отнекивалась, уходила от расспросов, юлила и превращала в шутку. Но, чем дольше я не имел представления об этой части твоей жизни, тем сильнее понимал, как много она значит для тебя. И что бы ты не говорила в последствии, я знал, какая боль сопровождала все твои игривые реплики.

— Представляешь, однажды я получу письмо об огромном наследстве! — шутила ты. — Мой папаша-старикан помрет, а я останусь единственной наследницей!

— Я бы не слишком рассчитывал на это.

— Ты прав. Этот козел наверняка успел состряпать еще несколько детишек. Что ему стоит!

— Ты бы обрадовалась, узнав, что у тебя есть братья или сестры?

— Еще чего! — кипела ты. — Они в любом случае мне не сестры и не братья!

— Но ты ведь говорила, что хотела в детстве сестру.

— Да что за глупости?! Никогда я такого не говорила! Это просто детские причуды! — ты тотчас отворачивалась и заводила иную тему, далекую от семейных проблем.

И я не смел заново возвращаться к болезненным обсуждениям.

А в случае с Сашей болезненным для нее было буквально все, что хоть сколько-то затрагивало ее личность.

Так что к концу третьего часа общения я не знал о ней ровным счетом ничего, зато успел пересказать свои познания об острове, а она успела напиться в хлам.

Я отвез ее домой на своем байке. Допускать ее за руль было опасно и для нее, и для окружающих.

Саша кое-как перешагнула сиденье, держась за мое плечо, и трянула головой, которая, по всей видимости, здорово кружилась.

— Твою мать... Почему ты меня не остановил? — раздосадовано ворчала она.

— А ты бы послушала? — усмехнулся я, провожая ее к дому, где она жила.

— Тебе хорошо, Джей. Ты не пьешь.

— А зачем пьешь ты?

Она посмотрела на меня лукаво и улыбнулась.

Мы почти доплелись до лестницы, по которой ей предстояло забраться к себе наверх. Хотя я за нее не переживал: для человека, выпившего не менее трехсот грамм виски она выглядела сносно, я только слегка направлял ее за локоть и контролировал, чтобы никуда не сбежала, потому как Саша уже порывалась отправиться погулять в город.

— Ты зайдешь? — спросила она, когда мы остановились.

— Зачем?

— Как это «зачем»? Ты что, не хочешь меня трахнуть?

— Хочу.

Она засмеялась и поцеловала меня в губы.

Давненько я не целовался с настолько пьяной женщиной, но ее поцелуй, хоть и смердел табаком и виски, пленил меня в момент первого же соприкосновения. Я не устоял и ответил на него.

Саша мгновенно отстранилась.

— А я тебя обломаю, понял? — она ткнула пальцем мне в грудь, но секунду спустя снова заключила в объятия.

На этот раз я отошел первым, не в силах еще раз вытерпеть отказ.

— Иди спать.

— Не пойдешь ко мне? — она закусила губу. — Ну же, давай, мальчик, попроси.

— Только если ты попросишь.

— Придурок! — разозлилась Саша и рванула к лестнице.

Она преодолела ступени с такой скоростью, что я даже позавидовал ее алкогольной закалке — ни разу не споткнулась и дверью хлопнула, как настоящая оскорбленная женщина.

Я постоял внизу еще некоторое время. Ждал, когда она включит свет. Но свет не загорался. Я решил, что девушка уже вырубилась, и собрался уходить.

Внезапно дверь снова приоткрылась.

Саша стояла на пороге в том же образе, как я увидел ее впервые, — обнаженная грудь, желтые трусики. Стояла и смотрела на меня вполне осознанным взглядом, пытливым и гипнотизирующим.

— Ты еще здесь? — она облокотилась на бамбуковый поручень так, что соски коснулись предплечий. — Вроде бы пьяная из нас только я, а плохо соображаешь ты.

Я не отвечал, ждал, что она выдаст еще. И ждал не зря.

После короткого, но пристального осмотра моего лица в световом пятне лампочки,

болтающейся над лестницей, Саша проговорила:

— Что стоишь? Подымайся.

Я сделал шаг. Еще.

Честно говоря, перестраховывался, чтобы она не спихнула меня с лестницы — поручни на ней хоть и бамбуковые, но ступени из какой-то шершавой, твердой смеси навряд ли бетона или асфальта. Грохнуть на такую поверхность с высоты двух метров посреди чужого пустого двора — участь незавидная. Но Саша стояла, не шевелясь.

Я наконец забрался на самый верх, обнял ее за талию.

Мы долго целовались, затем она потянула меня спиной в комнату. Насколько я успел заметить, обстановка ничуть не поменялась с тех пор, как я заходил сюда в первый и единственный раз. Но больше меня, разумеется, интересовало расположение того самого матраса. Было бы обидно промахнуться в такой ответственный момент. Но я сориентировался идеально: повалил Сашу на кровать, содрал ненавистную желтую тряпочку, которая уже двое суток не давала мне спокойно жить.

Сашины стоны заполнили мой мозг. Стонала она не как матерая проститутка, но и совсем не как робкая девочка. Она все время зачем-то закусывала кулак, вжималась лбом в мои ключицы, затем откидывала голову назад, отчего ее волосы разбивались о постель и казались живыми, уползающими по кровати змеями.

Ей нравилось произносить мое имя:

— Джей... Джей... Только не кончай сейчас... Еще немножко, Джей...

Впервые обладая женщиной (я имею в виду женщиной, которая тебе действительно нравится), каждый мужчина старается показать себя с лучшей стороны, но выходит почти всегда неважно. Волнение, долгие прелюдии в виде череды свиданий, в конце концов, воздержание — все это буквально выводит на финишную прямую еще задолго до того, как ты снимешь штаны и наденешь презерватив.

Никогда не забуду, как оплошал впервые перед тобой, Марта. Конечно, и ты, и я сделали вид, что все в порядке, но изнутри меня грызло ощущение собственной ничтожности, а вдобавок ко всему — страх, что ты не захочешь попробовать еще. Поэтому, на всякий случай, я не стал тянуть со второй попыткой. В итоге и она была очень далека от той феерии, что случалась с нами в последствии, но все искупила моя нежность и твоя любовь. Я смотрел в твои глаза и не мог налюбоваться: сколько невысказанной красоты они прятали в глубинах зрачков. Никакого безумства и исступления я в них еще не видел, но чувствовал, что тебе хорошо только потому, что я рядом. А большее вскоре пришло.

Однако сейчас у меня не было шансов на вторую попытку. Но, быть может, из-за того, что Саша была сильно моложе и еще сильнее пьяна, я чувствовал безусловное превосходство — пьянящее, восторженное чувство, которое откидывает далеко на задний план лишние элементы эротической драмы под названием «мужчина и женщина».

— Господи... — Саша сцепила зубы и прекратила дышать.

Ее кулак прошелся по моей спине между лопаток. Я поцеловал ее в шею, а она отвернулась и еще долго смотрела пьяными пустыми глазами куда-то в стену.

И я не видел, как они закрылись, потому что сам уснул.

Наутро сон потеснила рано пробудившаяся природа, которая подала свои сигналы тогда, когда разум еще пребывал в дремоте, но снизу живота уже началась активная деятельность. Короче говоря, проснулся я от желания. Ему благоволило лежащее рядом обнаженное молодое женское тело, и я стал ласкать его, не открывая глаз.

— М-м-м... Что ты делаешь? — кряхтела Саша неразборчиво. — Блин, прекрати...

Я пробирался ладонями по ее позвонкам, нащупал пальцами ямочки на пояснице, прижался губами к расслабленной дуге плеч. Кожа пахла амброй, согретой теплом землей и редкими пряностями. Я вдыхал этот аромат, и сознание медленно восставало заодно с уже воспрявшей частью моего тела.

— Джей, я еще пьяная, уйди...

Я наконец разлепил глаза и уложил Сашу на спину. Она попробовала меня отстранить слабыми руками.

— Извращенец... Хочешь потрахаться, хотя бы не буди...

Я принялся ласкать ее грудь языком и ладонями. Когда попробовал поцеловать в губы, она отвернула лицо, и я ухватился за мочку уха.

Саша поморщилась:

— Ты издеваешься... — она приподняла веки. — У меня нет сил, мальчик. Сделай все сам по-быстрому.

Но мне не хотелось по-быстрому. Мне хотелось, чтобы она кончила.

И я пополз вниз, оставляя поцелуи то здесь, то там. Я спускался, не торопясь. Рассвет уже прокатился над островом, и солнце жарило мне спину из открытого окна. Птицы затянули утренние песни. А у меня имелось предостаточно сил и времени, чтобы завлечь Сашу в отрезвляющую пытку.

Я устроился между ее ног и осторожно, постепенно, медленно изучал языком ее чувствительность. Через некоторое время появились первые внятные реакции. Она зашевелилась и начала понемногу оживать. Спустя еще несколько минут — застонала в голос. И чем громче доносились до меня звуки, тем жестче становились ласки.

Под конец я вошел в нее, но только чтобы сбросить собственное напряжение, которое уже отдавалось болью в паху и требовало выхода. Саша дрожала подо мной. В ее глазах стояли слезы.

— Чокнутый, — произнесла она первое слово после долгой тишины, но впервые обращалась ко мне с настоящей нежностью. — Ты чокнутый.

Я лежал щекой на ее длинных волосах как на пледе и желал оставаться в таком положении как можно дольше.

— Ты тоже, — ответил я. — Чокнутая.

Стоит ли говорить, что с этой минуты моя жизнь переменилась? Нет, мне не отшибло память, и утраченная на большой земле часть меня продолжала отдавать болью, но ее заглушали новые впечатления. Потому что у двоих чокнутых в два раза больше шансов заблудиться в иллюзорном счастье и свободе, чем поодиночке.

Сколько могу вспомнить, за две грядущие недели мы почти не расставались с Сашей. Ее бешенная энергетика увлекла меня с головой, что я стал меньше посвящать времени работе и пару раз ошибся при отправке готовых файлов клиентам, чего за мной никогда замечено не было. К счастью, обошлось без серьезных конфузов, а ошибки я исправил в оперативном порядке и не подмочил свою репутацию.

Конечно, мне стоило бы задуматься наперед, чем может грозить подобная расхлябанность, но я, как и в ранние времена с тобой, Марта, ничего не замечал. Мужчина тоже склонен попасть в романтическую эйфорию и потерять голову, особенно, если долго сидел на строгой «диете», состоящей из глухого одиночества и случайных связей с продажными особами. В моем случае «рацион» так же состоял из бесконечных терзаний, мученичества и химических веществ разной степени тяжести.

Проведя с Сашей всего одну ночь, я подсел на совершенно новое, вопиюще притягательное вещество, которое вызывало зависимость с первого раза. И какой бы горечью не обернулась эта зависимость в будущем (а любые зависимости, какими бы безобидными не казались, рано или поздно приводят к негативным последствиям), я был благодарен ей хотя бы за то, что у моей жизни заново появился вкус. Обескураживающе терпкий и безусловно сексуальный вкус страсти, приключений и молодости.

Да, это звучит странно и даже пугающе, но в свои тридцать пять я давно привык ощущать себя взрослым солидным мужчиной. В то время, как Саша фонтанировала юношеством. В ней было что-то от Криса — бесстрашие, тяга к неизведанному, азарт. На байке мы исколесили все побережье, забирались вглубь острова в заповедные джунгли, посетили все храмы, которые нашли, и пообедали на всех пляжах. И каждая наша вылазка не была похожа на все предыдущие и будущие, потому что мы сами каждый день становились немножечко другими.

В один из вечеров мы валялись на пляже, глядя в дымчатый от плотных туч закат. Саша поднесла к губам тлеющую самокрутку, затянулась и отдала мне. Она лежала на моих коленях так же, как когда-то ты, моя дорогая Марта, но, признаю, во время свиданий с Сашей я едва вспоминал о тебе. И в этом отсутствии тебя созревало новое сознание, новый я.

Внезапно Саша заговорила:

— Живи в моем отсутствии, как в доме. Огромен этот дом — отсутствие мое. В него сквозь стены можешь ты войти И в воздухе развешивать картины...

— Что это? — спросил я.

— Стихи.

— Твои?

— Нет, — она засмеялась и закашлялась одновременно. — Чилийского поэта Пабло Неруды.

Я уставился в пустоту, глаза перестали видеть.

Я читал тебе стихи, Марта. Ты любила стихи...

— Что-то не так? — Саша приподняла голову.

Я уложил ее обратно.

— Сэм в этот раз подсунул что-то очень забористое.

Она снова смеялась, а я привыкал к ее смеху. Летучему, пушистому смеху,

выражающему беззаботность и крошечное отчаяние.

Мне было еще далеко до полного перевоплощения, но я уже с трудом узнавал себя. Надо мной по-прежнему незримо порхали фантомы прошлого. Однако теперь я гнал их, чтобы не растерять то небольшое, что уже приобрел в этой своей жизни.

— Джей?..

— М?

— Почему ты не ушел сразу?

— Не ушел?.. Я всегда уходил сразу и первым. Забывал, прятался, перерубал все ниточки. А от тебя не смог уйти, Марта. Не в тот вечер...

— Джей! — крикнула Саша.

Я очнулся. Я все еще находился на пляже, одурманенный марихуаной и воспоминаниями.

— Чего ты тупишь?

— Прости, — я потер глаза. — Жестко накрыло.

— Так почему ты не ушел утром после того, как мы переспали?

— А я должен был уйти?

Саша дернула плечами.

— Не знаю... Мне так показалось, что я проснусь, а тебя уже не будет.

— И что бы ты делала тогда?

— Ничего. Нашла бы другого. Потом третьего...

— Таков был план?

— У меня не было плана, — на редкость серьезно заявила Саша. — Планы — это вообще не мое, — она тут же перестроилась на шутливые интонации: — Пойдем лучше куда-нибудь пожрем! Вот это отличный план!

Окунаться в суету сейчас не хотелось, и мы отправились все к тому же Сэму. Как-то так получилось, что я у него в гостях стал появляться значительно реже, заезжал, только чтобы пополнить запасы травы. А меж тем кормили там прилично, и вид на пустынное побережье настраивал на медитативный лад.

Сэм встретил нас как родных. Мы расположились за лучшим столиком, который очень кстати был свободен. Подошла Пенни. Я глянул на нее мельком, поздоровался, но ее приветствие показалось мне чересчур холодным. Пока мы с Сашей думали, что заказать, Пенни исчезла.

— Пенни! — позвал я.

Она вернулась не сразу. А когда вернулась, лицо у нее было абсолютно каменным.

— Пенни, что сегодня на кухне вкусное?

— Все, — ответила Пенни ледяным голосом.

— Тогда принеси нам Пад Тай с тофу и орехами и Кунг Массамам.

Пенни, ни слова не сказав, развернулась, чтобы снова уйти.

— Пенни!

Она остановилась в полуобороте.

— И еще зеленый салат с базиликом принеси, пожалуйста. Мы очень голодные.

Я переключился на Сашу, которая улыбалась от уха до уха и ни на что кругом не обращала внимания.

Я задумался: отчего нельзя на всю жизнь сохранить это состояние окрыленности? Почему хмуриться и грустить для большинства людей становится привычнее, чем

улыбаться? Чем мы заслуживаем эту маску непрестанной хандры?

Там, откуда я родом, улыбки носят либо шуты, либо душевнобольные. Счастье в глазах воспринимается как болезнь. И в большинстве случаев она вполне излечима. Растущие цены, эпидемии гриппа, на экранах телевизоров с упоением смакуются самые страшные события. Сводка новостей, как правило, — это карусель ужасов, заканчивающаяся тогда, когда включается прогноз погоды. Наверное, поэтому туда берут исключительно красивых длинноногих девиц в мини-юбках, чтобы рассказанные кошмары переживались вдвойне, втройне тяжелее на контрасте с ненастоящими улыбками ненастоящих женщин.

Ты бы знала, Марта, сколько улыбаются тут. Несмотря на природные катаклизмы, несмотря на повальную бедность, заставить местного человека в дурном настроении почти невозможно. Быть может, все решает близость к морю?

— Даже ночью оно красивое, — сказала Саша. — Интересно, быстро привыкаешь к этому?

Я поднес Саше зажигалку, она закурила.

— Не знаю, — ответил я. — Я сначала не мог никак привыкнуть. А теперь не хочу привыкать.

— Почему?

— Потому что привычки делают нас слабее.

Буддисты говорят, что высшая цель в жизни — избавление от привязанностей. Чтобы стать Буддой, нужно отказаться от земных сцепок, разорвать паутину из желаний, привязанностей, требований к себе и к другим. Ты несвободен, пока еще о чем-то мечтаешь. Ты несвободен, если имеешь планы, амбиции и цели. Ты несвободен, когда любишь, ненавидишь и чувствуешь. Только возвратившись к абсолютному нулю, к центру всех средин, к началу изначального, ты прекращаешь человеческое бытие и вступаешь в бытие духовное. Но и стремление к этому — тоже желание. А Будда не хочет ничего, даже быть Буддой. Он просто существует, потому что такова его истина.

Но я не хотел быть Буддой.

— Значит, ты уже на пути, — Саша с улыбкой воткнула палочки в свежую зелень салата. — У не-хотящего шансов обрести больше, чем у того, кто рвет пупок из последних сил.

— Это очень относительно, — сказал я. — Земной жизни это точно не касается.

— Но Будда жил на земле.

— И да, и нет.

— Иногда я хочу проткнуть этими палочками твои глаза.

Я засмеялся.

Тут подошла Пенни, как всегда, бесшумно словно призрак. Она молча положила на стол папку со счетом и ликвидировалась.

Я позвал ее:

— Пенни! Мы еще хотели чай заказать! Ты поторопилась!

Через пять минут она громыхнула перед моим лицом глиняным чайником и бросила сверху новый рукописный листок с его стоимостью.

— Пенни, в чем дело?

— Кафе закрывается.

— Я знаю, Пенни. Но мы ведь можем еще посидеть? Мы все уберем за собой.

Пенни резко отвернулась и кинулась со всех ног к бару. Она скрылась на заднем дворе, а

я ровным счетом ничего не понимал. Будь она биологической женщиной, подумал бы, что определенный день месяца так на нее повлиял. Но я прежде никогда не замечал за Пенни таких резких скачков настроения.

Я извинился перед Сашей, попросил подождать меня, а сам пошел к заднему двору, где располагались туалет и кухня.

Я нашел Пенни возле мойки. Она сидела на корточках, вдавив голову в колени, и рыдала.

— Пенни?.. — я присел рядом, положил ладонь ей на плечо. — Пенни, что с тобой?

Она ревела истошно, захлебывалась и не могла ничего ответить. Потом кинулась мне на шею и продолжала изливаться слезами в мою футболку.

— Пенни... Господи боже... — от бессилия и потерянности я закрыл глаза.

Рыдания не прекращались еще долго. Я не знал, как ее успокоить. Просто дождался, когда буря понемногу стихнет, еще раз обнял, поцеловал в лоб и пошел к Саше.

Мог ли я предположить, чем обернется моя такая поверхностная дружба с Пенни? Можно ли вообще заранее прогнозировать эти вещи?

Часто люди страдают по большей части из-за того, что кто-то другой не ответил взаимными чувствами на их чувство. Досадуют, что никто не возьмет на себя ответственность за чужое разбитое сердце. Но правда в том, что нет никаких законов, по которым один человек обязуется любить другого человека за один факт его любви. Как бы не было обидно, никто не в ответе за то, что чувствует друг, знакомый или родственник.

Давление на жалость, шантаж, различные манипуляции — все это призывает к чувству вины, но с любовью у этого чувства мало общего. Мы отвечаем лишь за собственные поступки, а с Пенни я был честен: не просил, не давил, не скрывал реального положения вещей. Она все это видела, понимала, но... продолжала надеяться. Я не был виновен в этой надежде, и все же вина неприятно царапнула мое сердце, когда я увидел ее, убитую горем.

Мне не нужно было объяснять, подчеркивать и приводить доводы — она увидела все своими глазами: наши отношения никогда не переступили бы порог дружбы. На то была масса причин, и каждый из нас об этом знал заранее.

Я не мог и не хотел брать на себя ее боль так же, как не мог и не хотел винить тебя, дорогая Марта, в том, что несколько месяцев не находил себе места. Как не мог обвинять Криса в том, что скучал по нему. Все, за что я имел право предъявить ему претензии, так это за факт исчезновения — Крис наверняка был в состоянии как-нибудь предупредить или отправить весточку позже. Но он этого не сделал. Потому я его винил — за его действия, но не за свои чувства. Здесь заключается глобальная разница во взгляде на взаимоотношения, которые, как ни крути, накладывают обязательства. Однако здесь речь об обязательствах перед деяниями, общением, честностью, но не перед возникающими в последствии субъективными ощущениями.

Когда ты, Марта, ругалась на то, что скучаешь дома в то время, как я иду на вечеринку с коллегами, у меня не хватило аргументов объяснить тебе, что дело не в веселье, а в том, что мне нужна эта работа. Нам двоим нужна. И вечеринка — не столько развлечение, сколько часть этой работы. Не пойдешь ты туда, и поползли бы гадкие слухи. Я должен был оставаться в среде коллег, хотел я этого или не хотел.

А ты бранилась и жаловалась на пустоту в твоей жизни. Вещи, купленные на мои деньги для тебя, не приносили тебе должного удовлетворения. Тебе хотелось заработать самой, как ты привыкла. Тогда я воспринимал подобную позицию как некий каприз. Сейчас же

пересмотрел свое видение и где-то сожалел, что не понял раньше. Но, так или иначе, ты не должна была обвинять меня в своей скуке, делать виноватым, шантажировать моим относительным успехом на фоне твоих неудач.

Я не бросал тебя. Я заботился о тебе. Но я не мог нести ответственность за твои чувства — тогда, как и ты за мои — сейчас. Я только благодарил судьбу, что когда-то наши чувства друг к другу были взаимны до мельчайшей частицы, до крошечного атома. Такой дар находят далеко не все. Пенни не нашла. Девчонки, влюблявшиеся в голубоглазого Криса, не нашли. А мы с тобой, Марта, не просто нашли, но и сумели сохранить. На какое-то время.

— Кто она? — задала вопрос Саша, когда мы вошли в мою комнату.

Я догадался, что она спрашивает о Пенни.

— Моя массажистка.

— Это переодетый парень?

— Да.

— У вас с ним был секс?

— Нет.

— Почему? — Саша стянула футболку и улеглась на кровать спиной, широко расставив колени — я наблюдал ее лицо между ними.

— Потому что я не сплю с парнями.

— И все? Вся причина?

Что-то не нравилось мне в ее интонациях. Говорила она знакомым шутливым голосом, и, тем не менее, присутствовали нотки какого-то иного, скрытого смысла. Однако на сегодня мне было достаточно загадок. Я запретил себе обращать на это внимание и занялся кофе.

Саша бродила по дому, брала некоторые вещи, рассматривала, ничего не ища, но с любопытством, присущим кошке, которая впервые попала в новое жилище. До этого мы проводили время только у Саши. Сегодня она настояла заглянуть ко мне.

— Ты минималист, — заметила Саша.

— Возможно.

— Я ничего о тебе не знаю.

— Как и я о тебе.

Она загадочно улыбнулась.

— А это что? — спросила она, добравшись до стопки с дисками. — Порнушка?

Саша держала коробку с фильмами Тинто Брасса. На ней красовались женщины в разных фривольных ситуациях: одна ехала на велосипеде с задранной юбкой, другая ласкала себя перед собственным отражением в трюмо.

— Это эротика.

— Ты на это дронишь?

— Иногда. Но теперь реже.

— Почему?

— Потому что появилась ты.

Саша засмеялась, но продолжала рассматривать картинки — они увлекли ее.

— Давай вместе посмотрим.

— В качестве разогрева? — я притянул ее к себе, она ткнула ребром диска мне в солнечное сплетение.

— В качестве просмотра.

— А если я захочу большего?

— Поставим на паузу. Я хочу увидеть, что тебя возбуждает.

— Тогда посмотри в зеркало.

— Вставляй! — смеялась она. — Только не член, а диск, — Саша красноречиво протянула мне коробку.

Впервые что-то подобное я смотрел с тобой, Марта. Другим моим женщинам не приходило мысли посвящать общее время просмотру эротики и уж тем более порнографии. На этой почве даже случались скандалы, особенно с женой, которая однажды случайным образом выяснила, что я иногда живо интересуюсь не самым возвышенным кинематографом. Для нее стало открытием узнать, что женатому мужчине при наличии регулярной близости с супругой изредка хочется заняться самоудовлетворением.

Будь я настолько эксклюзивным, думаю, индустрия порно не обрела бы столь широкий масштаб. Но голая правда состоит в том, что не только одиночки снимают напряжение наедине с собой. Более того, я не имею ввиду исключительно мужчин. У женщин потребность в легких оргазмах ничуть не ниже. Но так уж вышло, что в обществе сольные игры воспринимаются чем-то грязным, вынужденным и неестественным. А уж если дело касается женщины, то и вовсе недопустимым.

И я рад, что в отношениях с тобой, моя дорогая Марта, я сбросил с себя множество предрассудков. Ты первая пошла навстречу. Включила какой-то дешевый ролик и предложила посмотреть вместе.

— Зачем? — у меня тогда глаза на лоб полезли.

— Хочу увидеть твою реакцию.

— Значит, на улице ты бесишься, если я на кого-то вдруг засмотрюсь, причем одетого, а здесь — пожалуйста?

— На улице — это другое. Там живые девушки, которые могут вызвать фантазии. А здесь — актрисы. Они не возбуждают чувств. К тому же я буду рядом. Это честно.

В одном ты была права. Меня наверняка пожелают четвертовать за эту истину, но, отдаваясь просмотру порно, мужчина редко видит перед собой ту девушку, которая находится в данный момент на экране. Образ может быть совершенно любым — любимой женщины, недоступной одноклассницы, случайной прохожей, а может и не быть вовсе: тупая, механическая стимуляция эрогенных зон с целью выпустить пар и расслабиться. Порноактрисы не западают в душу. Это скорее исключение. Никто не рассматривает их лиц и особенностей. Может поразить какая-то деталь: форма половых губ, размер груди, даже пальцы на ногах, но все это без привязки к личности.

И я не знаю, как ты поняла это, Марта, как раскусила. Иногда твоя пронизательность выходила далеко за рамки типичного женского восприятия. Возможно, за это я тебя и полюбил.

— Давай.

— Что?

— Давай, я хочу увидеть, как ты это делаешь, — сказала ты где-то на середине ролика.

— Ты что, с ума сошла?

— Но ты ведь уже изнаиваешь!

— Конечно! Мы же смотрим порно, а не детские мультики!

— Вот и сделай так, как если бы меня рядом не было.

— Но ты здесь, черт возьми, Марта!

— Джей, пожалуйста... Тогда я тебе тоже покажу. Тебе интересно? — ты закусила губу, изображая то ли развратную потаскуху, то ли невинную девочку.

Я не решался ответить.

Потом сказал:

— Интересно.

— Ну вот! — обрадовалась ты. — Давай. Давай, Джей.

Я вытащил диск из коробки и установил в ноутбук. Его я поставил на стул напротив кровати, чтобы было удобно смотреть лежа. Саша ела лонган, лопая пальцами шершавую корочку, а я воровал у нее очищенные плоды, когда она слишком засматривалась в экран.

Я включил «Шалуню» — может, и не лучшее творенье данного режиссера, зато довольно невинное по сравнению со многими другими его работами.

В какой-то момент Саша перестала есть и повернулась ко мне:

— Не понимаю, что здесь эротического? Все такое наигранное, дурацкое. К тому же эти мохнатости между ног...

— Девочка, — сказал я, — это снималось тогда, когда еще не родился сперматозоид, зачавший тебя.

— Я, конечно, подозревала, что ты старый, мальчик, но не думала, что настолько!

Я засмеялся на ее такое искреннее возмущение — она редко сердилась по-настоящему, а в этот раз действительно осерчала.

— Тебя это пугает?

— Нет. Мне все равно, — она отвернулась.

Я поцеловал ее, но Саша вывернулась.

— Дай досмотреть.

— Тебе ведь не нравится.

— Этого я не говорила. Мне нравится главная героиня. Точнее актриса. Миленькая.

— Чем-то на тебя похожа.

— Че ты гонишь?

— Нет, — с серьезным лицом рассуждал я. — Есть общие черты: глаза, нос, подбородок...

— Пошел ты! У меня не такой длинный нос!

Я резко перевернул ее на спину и придавил сверху собой. Пора было переходить от выдуманных образов к реальности.

И в этой реальности Саша, живая и нахальная, со всеми своими грубоватыми шутками и бесконтрольной страстью, была моей. Она отдавалась мне смелее, чем кто-либо. Может, потому что я вообще ничего у нее не выпытывал и не требовал.

Может, чем больше свободы мы позволяем своему партнеру, тем меньше ему хочется сбежать? Мужчин часто пугают серьезные отношения ввиду того, что их женщины требуют непрерывной отчетности, лезут буквально всюду — куда разрешили и куда совсем не стоит влезать. Но даже в длительной связи остаются вещи до боли личные. Туда мы порой не допускаем самих себя, не то что кого-то. А постоянный контроль может установить лишь барьеры в виде страха. И партнер не нарушает их не из-за любви, а потому что боится.

Боится, как животное, которое побьют, если не выполнит команду, отберут еду, игрушки, тепло. Отберут что-то необходимое. Люди, как звери, в клетках своих семей выбирают жить по установленным правилам, чтобы не погибнуть.

Но разве для этого мы создаем семьи? Для этого сплачиваемся и выбираем спутников?

— Зачем она все это делала — девушка в фильме? — спросила меня Саша, когда мы уже глядели в потолок над кроватью. — Ходила без трусов, танцевала с какими-то придурками на глазах у своего же парня...

— Как зачем? Чтобы заставить его ревновать. Чтобы он злился и добивался ее.

— Она хотела быть его собственностью.

— Не думаю. В ней просто играл азарт молодой женщины привлечь к себе побольше внимания.

— Не-е-ет, — демонически прошептала Саша мне на ухо. — Она хотела, чтобы он взял ее, скрутил и заставил быть только с ним. За весь фильм блаженное лицо у нее было только раз, когда он наконец оттрахал ее на мешках с мукой.

— Что-то я сомневаюсь, что она обрадовалась, окажись он тираном.

— Он просто слишком мягкий. Слишком правильный. Слишком понимающий. А ей нужен самец.

Я перелег на бок и изучал Сашин профиль.

— Почему же она тогда его выбрала? — спросил я после некоторых раздумий.

— Так, под руку подвернулся. В этой деревне немного молодых, симпатичных, одиноких парней. Отстойно же быть одной.

Ты спросишь меня, Марта, что я в ней нашел? В этой безобразной, дрянной девчонке без роду, племени и выдающихся качеств «настоящей женщины».

Ты думаешь, я не понял, о чем тогда говорила Саша? Думаешь, я такой лопух, что купился на прообраз фильма и в ус не дул, что она подразумевает в настоящем времени?

Ты тоже умела выражаться метафорически, что я не всегда угадывал скрытый подтекст. Это вас роднило. Во многом прочем вы были разнополярны как небо и земля.

Ты обожала готовить, хозяйничала, мечтала о доме, наполненном громкими детскими голосами. А Саша питалась чем попало и когда попало, дымила как матрос и проверяла наличие на мне презерватива всякий раз, когда мы отдавались друг другу. Ты меня полюбила, Марта. Супротив, бешено, одним рывком. А Саша просто держала меня под рукой, не давая шансов найти себе замену, но и не скрывая, что не против познакомиться с кем-нибудь еще.

Как-то она уговорила меня поехать на дискотеку. Дискотеки здесь — явление обычное и независящее от дня недели. Почти любой бар или кафе вечером устраивает сумасшедший дэнс с музыкальным сопровождением для любых предпочтений.

Саша любила техно. Мне такая музыка казалась синтетической и неестественной, хуже, чем накладные ресницы ледибоев и резиновые причиндалы томов (так здесь называют транссексуалов, перевоплотившихся из женщин в мужчин). Музыка техно грубая, яростная и больная. В ней настолько мало человеческого, что у меня даже руки онемели, когда мы с Сашей пришли туда.

Понятное дело, на танцпол меня не тянуло. А Саша отплясывала будто захваченная бесами, пила коктейль за коктейлем и пыталась совратить меня. Ни секс, ни алкоголь в такой обстановке не казались мне притягательными. Я с трудом понимал, какое удовольствие можно испытать под эти ритмы, от которых желудок наполняется рвотой, даже если ты ничего не ел.

Но я терпел ради Саши. Я называл это компромиссом: добровольно загнать себе под ноготь не всю иголку, а только несколько кончиков из целого швейного набора.

Но часа через три мои нервы начали сдавать. Последней каплей стало то, что за Сашей увязался какой-то паренек, а она и рада была — выплясывала с ним дикие танцы, размахивая всеми конечностями будто веревками.

Я ждал. Ждал. Ждал.

В голове вертелись нехорошие мысли, основной из которых была самая немилосердная — устроить драку и очень вероятно очутиться в тюрьме за избивание несовершеннолетнего туриста.

— Саша! — крикнул я. Она не отозвалась. — Саша!!!

Только после третьего ора, когда я чуть связки себе не надорвал, она явилась. На шее у нее болтался тот самый мальчуган. Оба были, как и полагается, пьяные.

— Поехали домой.

— А кто это? — спросил парень.

— Мой друг, — раскисла Саша в лживой улыбке. — Джей, а ты не хочешь... Ну как бы... вместе... — она красноречиво скосила глаза на этого идиота.

— Я сейчас уеду один, — ответил я.

— Нет. Ты ж меня не оставишь.

— Да пошел он! — махнул на меня рукой парень, и это было его ошибкой.

Руку я схватил, заломил за спину с легкостью будто это не рука, а безвольная сосиска.

— Джей, пусти его!

Вокруг тут же начала собираться толпа. Мне не хотелось неприятностей. Я был трезв, хоть и страшно зол, но понимал, что вряд ли меня упекут даже за тяжкие телесные, зато взятку потребуют такую, что можно смело прощаться с почкой.

Парня я отпустил. Не ударил и не покалечил. А с дискотеки ушел. Один.

Саша догнала меня, когда я уже заводил байк.

— Ты что удумал?! — взъерепенилась она. — Подумаешь, пошутила!

Я повернулся к ней — мокрой, пьяной и растрепанной как ведьма.

— Ты не шутила.

— И что?! — она оскалила зубы, будто бы я теперь собирался напасть на нее. — Я просто веселюсь!

— Веселись дальше, — я надел шлем.

А она вскочила на заднее сиденье байка, обняла меня и замолчала.

— Поехали, куда скажешь, — попросила она. — Джей, поехали, пожалуйста.

Я знал одно место, заходил туда как-то чисто случайно и не знал, работает ли оно в такое время. Там собирались люди постарше, в основном пары — часто из купленных «жен» и немолодых мужчин с солидным брюхом и залысинами. Но, несмотря на отсутствие молодежной удали, меня порадовал тот факт, что там безопасно посетить туалет и не вляпаться в чью-либо сперму. Конечно, я подозревал, что Саша будет не в восторге, но решил попробовать, потому что просила она искренне, даже жалобно.

Кафе было открыто. Крутили джаз. Четыре или пять пар медленно вращались вокруг своей оси на одном месте, плотно прижавшись друг к другу.

Я понял, что влекло меня сюда: эта атмосфера напомнила мне тот бар, куда я повел тебя, Марта, в наше третье свидание. Свидание, после которого мы стали официально парой.

Уж не знаю точно, чего я хотел добиться сейчас, но я пригласил Сашу на танец. Обнял ее. Закрыв глаза. Музыка лилась тихо, подобострастно, томно. Под эту музыку я пытался простить ее выходку. Она подняла ко мне лицо, ужасно грустное, помятое лицо, и поцеловала.

— Не нравится? — спросил я.

— Не знаю... Это очень странно. У меня все двоится и плывет.

— Ты выпила лишнего.

— Не в этом дело...

— А в чем?

— Джей?..

— Да?

Саша замотала головой:

— Ничего.

Она прижалась ко мне как осиротевший ребенок. Я не знал, о чем она думает в тот момент. Жалеет ли, что проворонила ухажера с дискотеки, люто ненавидит меня, или же пытается выключить из памяти какие-то совершенно иные воспоминания. Я знал одно. Эта спонтанная девочка появилась в моей спонтанной жизни не для того, чтобы я страдал. Она была моим личным глотком диетической «Колы» — «Вкусно и без лишних калорий».

Мы пробыли в том кафе еще около часа. Вернулись домой с рассветом и занимались сексом под переливы утренних лучей.

Так закончились наши с Сашей две совместные недели. Закончились на какой-то неверной, призрачной ноте, не дающей хотя бы намек на последующее звучание. Однако я так вымотался, что больше не хотел ни думать, ни анализировать, ни принимать каких-то решений.

Говорят, одно из проявлений счастья в жизни — ни о чем не жалеть. Но достигнуть такого взгляда можно, только вляпавшись множество раз в самые зловонные гущи. Ни о чем не жалеют отнюдь не святые и не романтики. Мы же понимаем, Марта, — и я, и ты, и все сознательные люди — что никаких романтиков и, тем более, святых не существует. Если верить христианству, даже дети не святые, являясь носителями первородного греха. Но я, конечно, говорю об опыте, который можно обрести, только прожив на земле и совершив ошибки. Ошибки — это опыт. Научиться просто выводить буквы и то невозможно без помарок и крючков не в ту сторону. Каждый символ, выстраданный на полосках прописи, учит нас по-своему — что-то больше, что-то меньше. И никому не избежать перечеркиваний красной ручкой, чего бы оно не касалось: правописания или отношений с людьми.

Первым на смену признанию ошибки приходит сожаление, раскаяние — наш частый гость в пути по бескрайним просторам жизни. Но только поняв, что буквально все в мире взаимосвязано, мы приходим к выводу, что новое счастье не сложилось бы без прежних ошибок. Это и есть шаг к тому, чтобы ни о чем не жалеть.

И в лучшие свои, спокойные времена я понимал это совершенно неподдельно. Глядя твои локоны, целуя перед сном, перебирая пальцами волоски на твоём лобке, я знал, что не встретил бы тебя, моя дорогая Марта, не потеряв свою первую семью. И даже сейчас, наслаждаясь Сашей, чувствовал неотвратимость её появления благодаря тому, что ушел от тебя, ушел хладнокровно и безвозвратно.

Так я рассуждал, сиюминутно радовался и ни о чем не жалел.

В такие мгновения мы не задумываемся о том, что любое счастье зыбко по своей природе. До последнего вздоха каждому человеку предстоит чередовать вспышки веселья с падением в отчаяние и грусть. Пешеходный переход, «Зебра» из черных и белых полос от рождения до самой смерти.

Вслед грандиозной ссоре по случаю нашего отъезда в Париж наступила сумасшедшая эйфория.

Мы катились по звучному полотну французской железной дороги, картавящей на один лад с незнакомыми людьми вокруг. Ты улыбалась невероятно широко. Твои мысли занимала скорая встреча со всеми парижскими достопримечательностями и яствами.

Мы осмотрели квартиру, остались очень довольны. Жан, который вручил нам доступ к своему жилью на неделю, оказался милым, добропорядочным геем. В его доме был электронный рояль, самописные картины на стенах и целый шкаф трусов-стрингов, которые ты обнаружила сразу после того, как он оставил нас одних.

— Как он в этом ходит?!

— Марта, положи на место. Нам выделили секцию в гардеробе. Остальное — не нашего ума дело.

— Да мне просто интересно! — раззадоренная собственным воображением воскликнула ты и все никак не хотела оставить в покое яркое бельишко с дурацкими

рисунками.

— Думаю, он приберегает это для особых случаев. Собирайся. Мы еще успеем прогуляться в центр.

Апрельская погода бессовестно баловала теплом. Небо распустилось над головой синью. А ужасы столичной подземки, где закладывало нос от вони и болели глаза от мерзости нищих, отошли на второй план.

Ты ожила словно маковый бутон в дивном рассвете над полем. Мы шли по бульвару, искали башню Эйфеля.

Она выросла перед нами горделивой царицей. Мы почему-то оба предполагали, что она еще выше, еще величественнее, но и того, что мы наблюдали, было вполне достаточно для бурного восторга. Увидеть Париж и умереть, конечно, не аксиома жизни. Однако столица Франции несомненно достойна взглядов.

И ты смотрела во все глаза. Я с упоением следил за тобой, как ты лучилась обожанием ко всему — к видам, к воздуху, ко мне. Ко мне — к тому, который всеми правдами и неправдами все-таки заставил тебя поехать сюда.

План был незамысловат: обойти главные площади и пообедать в каком-нибудь местечке, куда хаживали Гертруда Стайн, супруги Фицджеральд и Пикассо. Поскольку денег было в обрез, ужины намечались исключительно дома.

Мы приценились к билетам на вход в башню и решили, что немного потеряем, если не пойдем, зато сэкономим несколько десятков евро.

Когда мы уже выходили на набережную, к тебе прицепился незнакомый чернокожий парень. Я отогнал его, но, пока разбирался с ним, появился второй. Я бросился на него.

— Он просто предлагает сыграть! — объясняла ты.

— Нет, Марта, никаких игр с бродягами!

А ты улыбалась и кивала, пока этот мигрант тянул тебя в проулок.

— Марта! — я схватил тебя за другую руку, прикрикнул на чернокожего.

— Джей, перестань истерить! Мы в центре Парижа! Что может случиться?! Просто посмотрим!

Как я и думал, играли они в наперстки. Молодой араб ловко орудовал металлическими стаканчиками, а кто-то из толпы постоянно угадывал, где мячик. Дважды угадал, и при нас ему вручили три сотни. Толпа состояла в основном из чернокожих и цыган.

— Пойдем отсюда, — дернул я тебя.

— Я хочу попробовать.

— Не смей.

— Не смей мне указывать, Джей!

Ты выставила полтинник и рассталась с ним уже через тридцать секунд.

— Марта, идем!

— Я хочу отыгаться!

В ход полетел второй полтинник.

— Господи боже, Марта! Идем!

— Ты с ума сошел?! Я сейчас выиграю! Не мешай! — ты пихнула меня в грудь, и толпа немедленно поглотила тебя.

Больше полтинников у тебя не было. Было две сотни. Сначала ушла первая. Затем вторая.

Ты стояла с потерянным лицом несколько минут. Казалось, ты не понимала, что

произошло. Все случилось в считанные мгновения, но я уже не мешал.

— Дай мне денег! — потребовала ты.

— Нет. Идем.

На этот раз без вопросов я грубо сжал твоё запястье и поволок прочь.

— Мне больно! Пусти! Что ты делаешь?! Ты что не понимаешь, что там все мои деньги! У меня больше нет! Я вернусь и все заберу обратно! Я все верну!!! Отпусти немедленно и дай мне денег!!!

Ты орала на всю улицу, пока я тащил тебя к набережной. Ты царапала меня, ударяла в спину, визжала будто тебя насилуют. К счастью, ни одного полицейского нам не попалось. Иначе бы меня арестовали без долгих выяснений, потому что твоё зареванное, истошно дерущее глотку лицо было красноречивей любых показаний.

Ты ещё долго рыдала. Эти триста евро были последним, что осталось от твоих личных накоплений, которые ты держала на «чёрный день». Ты их и тратить-то не собиралась. Взяла на случай форс-мажора, если у меня вдруг не хватит. Мы были в Париже меньше часа с момента, как вышли из метро, а форс-мажор уже наступил.

— Почему ты не остановил меня?! Почему?!

— Я пытался.

— Ты что, не видел, что это — ловушка?! Как ты мог такое допустить?!

— Марта, успокойся, пожалуйста!..

— Что ты наделал?! Это же все мои деньги!!! Все!!! Мои!!! Деньги!!!

— Я знаю...

— Ненавижу тебя!!! Ты специально это сделал!!!

— Да, Марта. Специально. Ты хотела ошибиться. Ты ошиблась. Теперь давай подумаем, что нам с этим делать дальше.

Я солгу, если скажу, что легко пережил этот эпизод. Я солгу, если скажу, что он нисколько не омрачил наших следующих дней в Париже. Но я не солгу, если скажу, что и тогда пытался спасти нас, Марта. Пытался изо всех сил. Даже корил себя. За эту поездку. За то, что пустил на самотек твоё азартное рвение. Да, я хотел, чтобы ты обожглась. Хотел, чтобы ты сама увидела, что не всякое распутство безобидно. Одно дело дразнить прохожих нашими интимными ужимками, и совсем другое — выбрасывать деньги, когда мы оба в них нуждаемся. Но я так до конца не понял, расценила ли ты мои действия именно так или как-то иначе.

Возможно, ты поняла моё отступление как слабость. Неужели ты видела его таковым, Марта? Ты решила, что я безразличен к тебе? Бросил в ответственный момент? Оставил одну? Убрался подальше, когда почувствовал «жареное»?

Нет, моя милая, дорогая Марта. И в самые печальные наши минуты, на балконе у Жана, где я злобно курил французские дрянные сигареты, над стиральной машинкой, куда ты засунула свою розовую кофточку и мою белую рубашку, включила стирку и вытащила обратно розовой и кофточку, и рубашку, я любил тебя. Любил до той степени, что буквально не мог без тебя дышать. Ты стала моими легкими, сердцем, печенью, моими трясущимися от дистонии руками, моей энигмой без пола и возраста. Даже ненавидя, я любил.

Но не мог больше прикоснуться к тебе.

Запивая едкую горечь табака красным полусухим, я боролся с отвращением и деспотией, которые настигали меня враз, когда я видел твоё несчастье.

Я принял тогда всего одно решение: я найду ещё способы заработать денег. Чтобы ты не

чувствовала окружающей нас бедности, не горевала над выброшенными тремя сотнями евро.

Но я еще не знал, что, даже влюбляясь в богатея, женщину влекут отнюдь не его сбережения как таковые, а та уверенность, какую они дают мужчине. Уверенность во всем. В своей власти, в завтрашнем дне, в востребованности у женщин, в возможности поправить здоровье, в потенциальной способности обеспечить будущих отпрысков.

— О чем ты думаешь? — спросил я, когда мы гуляли по Монмартру.

— Здесь много художников, — ответила ты. — Посмотри, вон тот рисует маленькую девочку, — ты показала куда-то в сторону. — Представь, если бы это была наша дочь?

Дочь...

Почему-то люди в этой части делятся всего на два непримиримых между собой лагеря: тех, кто готов плодиться и размножаться в любых количествах и при любых обстоятельствах, и тех, у кого стойкая аллергия на слово «дети».

Однако как-то так вышло, что я состоял в том малочисленном лагере отщепенцев, у кого мысли вообще никак не желали поворачиваться в сторону продолжения рода (не буду лукавить, что это так же может быть одним из проявлений аллергии). До определенного момента вся околородительская тема обтекала меня свободно и гладко, не оставляя ни лишних вопросов, ни каких-либо терзаний.

Я понятия не имел, что думали об этом мои юношеские подруги, по умолчанию всегда пользовался средствами контрацепции, и в том числе ради защиты от болезней. Всегда находились дела поважнее, чем разглядывать в себе потенциального любящего отца или представлять очередную любовницу в «интересном положении».

Моя бывшая жена была убежденной чайлдфри. Сей факт я принял как есть без травм и пререканий. Нам вполне хватало собаки. Мне даже кажется, смерть Доры в некотором смысле ускорила наш разрыв с женой — в любом случае эти два события взаимосвязаны в моей памяти.

Хотя кого я обманываю? Ее роман на стороне закрутился, когда Дора еще радостно тьякала по утрам, требуя от меня немедленной прогулки. А внезапно собранные вещи в квартире через неделю после ее похорон были, наверное, проявлением своеобразного милосердия: если бы Дора не проглотила какую-то отраву на улице, я оказался бы холост на семь дней раньше.

Так что нет, Дора, ты не виновата. Спи спокойно в своем далеком собачьем раю. Надеюсь, хотя бы для собак он существует, потому что в человеческий рай я не верю.

Может, если бы верил, разрешил бы себе мечтать о потомстве? Говорят, это инстинкт. А я как будто напрочь лишился его, слишком рано узнав, что люди смертны, а рай, если он и есть (что вряд ли, но все же), ничем не делает легче потерю близкого человека. И мне не хотелось терять, а выходило наоборот — я терял, терял, терял...

Во мне всегда была сильна тяга к сохранению, поэтому я редко менял работу, редко менял женщин, редко менял что-то в гардеробе. Но, уж если приходилось, менял насовсем. Я не относил себя к вольным экспериментаторам до тех пор, пока не почувствовал, что в неизведанном тоже есть свои преимущества.

Оттого теперь, находясь в исключительно новой для себя обстановке на тропическом острове в объятьях женщины, о которой едва ли что-то мог рассказать, я ощущал себя счастливчиком.

Саша на утро после техно-вечеринки вела себя как будто тише. Она попросила отвезти ее на холм к Будде. Мы слонялись в тиши, почти не разговаривая, и незаметно очутились на

территории недостроенного храма.

У строителей, по всей видимости, был выходной. Поджарые кошки спали в тени золоченых статуй. К нам вышел смотритель в оранжевой каше. Он долго улыбался, глядя на Сашу, — ее длинные загорелые ноги не могли не приглянуться молодому монаху. Но затем он взял себя в руки и добропорядочно приветствовал, повел в храм.

Монах показывал на фрески, покрывавшие стены, рассказывал о двенадцати подвигах Будды. Рассказывал подробно, обстоятельно, не торопясь, и, кажется, вполне рассчитывал на наш посильный вклад в строительство святыни.

Так же он поведал о себе, что родом из Камбоджи, и лет ему всего-то двадцать два. Саша в ответ рассказала, что ее родной дядя учил камбоджийских детей в восьмидесятые годы, сразу после гражданской войны. Монах так обрадовался, что потащил нас двоих к алтарю, усадил на колени на пол и стал читать мантры. Читал долго и заунывно, а после достал связку тонких бамбуковых палочек, окунул в чашу с водой и окропил наши головы. В конце несколько раз ударил ими по темечку и отпустил с миром. На прощание я дал ему немного денег, и мы ушли.

Саша ступала по гравийной дорожке будто неземная. Она была расслаблена, и на губах ее чуть играла улыбка. Я никогда не видел ее такой и поглядывал осторожно.

— Что же мы теперь, повенчаны? — спросила она погода.

— Нет, — улыбнулся я, — это всего лишь обряд благословения. На удачу и здоровье. Не переживай.

— А я не переживаю.

— Твой дядя правда преподавал в Камбодже?

— Да.

— Он был учителем?

— Он был доцентом в университете, кандидат медицинских наук.

— Вот как? — честно говоря, я был изумлен. — Это очень почетно. Семья наверняка гордилась им.

Саша повернулась с серьезным лицом, прежняя нега с ее лица бесследно исчезла.

— Не слишком, — ответила она. — Он был чудак, которого никто не понимал. А за ту поездку ругали еще долго. Оставил жену, ребенка и уперся в такую даль обучать чужих детей. Это, по-твоему, подвиг?

— Я не знаю, от чего он спасался.

Саша сплюнула со злостью и достала сигарету.

— Зато я знаю, — выпалила она. — От скуки.

— Это был твой отец?

Она снова посмотрела на меня ненавидящим взглядом, но ничего не ответила по существу вопроса.

Только резко сменила тему:

— Поехали домой. Потрахаемся, раз уж мы такие теперь благословенные и очищенные, надо хоть немного замарать.

Всегда существует некая тоненькая грань между отсутствием интереса к проблемам другого человека и боязнью сделать больно тому, кто на самом деле тебе небезразличен.

Когда я молчал о своих проблемах, я действительно предпочитал, чтобы в них не копались, не хватались за острые края осколков, торчащих в сердце, с целью выдернуть их и осмотреть рану под микроскопом. Наверное, я предчувствовал, что в этом случае скорее

умру от кровопотери, чем получу квалифицированную помощь. Оттого редко предоставлял под прицел беседы свои ранения — так безопаснее.

Ты, Марта, часто пользовалась тем же приемом, но после могла взорваться обвинениями, что всем наплевать на тебя — твоим коллегам, твоим подругам, твоей матери, мне, в конце концов. Что думали на сей счет все остальные, я не знаю. Но мне лично никогда не было все равно — это я могу сказать с уверенностью.

Мне не было все равно и до того, что чувствовала Саша в день, когда в наших ушах еще звучали буддистские мантры, а мы уже подъезжали к моему дому, чтобы пасть во грех прелюбодеяния. Однако я могу поспорить на что угодно: стань я тогда давить на нее и требовать ответов, мы бы поссорились окончательно, а мне не хотелось разбивать вдрезг нашу зыбкую островную идиллию, где за нерассказанным тайлось множество черных дыр из прошлого, но в настоящем жили мы — пусть недоговоренные, зато неподдельные.

Саша совсем успокоилась и забыла о неприятном разговоре после встречи с монахом. Она потребовала рому и арбузного фреша. Мы заскочили на рынок.

Она улыбалась и поигрывала бедрами, взбираясь по лестнице, что-то напевала. Мы ввалились в комнату. Я целовал ее с жадностью, слизывая арбузно-ромовую горечь с губ и пьянее быстрее, чем Саша успевала ее проглатывать. Так мы и перемешивали вкусы друг в друге, упивались сумасбродством, раем на двоих.

Она вдруг остановила меня:

— Идем в душ.

— Зачем?

— Мы там еще не делали этого.

Я бы и рад сказать, что моя душевая кабина была исполнена в духе романтических представлений о гигиенических процедурах, но на деле он выглядел как весьма скромный коробок метр на метр, где не всегда имелась в наличии горячая вода. Даже чистой она была относительно, но я привык к такому быту, а Сашу это не смутило.

Мы разделись и протиснулись в узкое пространство вместе, слившись в единый организм, потому что нам не хотелось прекращать ласки, да и габариты коробки не позволяли. Мы стояли под лейкой, из которой били тонкие струи. Сашино загорелое тело истекало каплями воды, сочилось ее собственной влагой по внутренней стороне бедер. Я не мог прислонить ее к стене, чтобы придать устойчивости позе, потому что во многих местах стены пожирала грибки. Оттого я вжимал ее в себя, зарывался лицом в мокрые волосы, в исступлении хватал всеми десятью пальцами рук мягкие округлые ягодицы.

— Не тяни... — попросила Саша.

— Сейчас.

Я кинулся за презервативами.

— Джей! — донеслось из душевого угла.

Я метался по комнате в поисках недавно купленной упаковки и никак не мог ее найти.

— Чего ты так долго? — Саша появилась в комнате немного рассерженная. — Там уже холодная пошла.

— Да... наверное... — пролепетал я, а сам пытался сообразить, куда же подевалась покупка. — Черт, кажется, я их потерял.

— Кого?

— Презервативы, — я почесал затылок. — Вроде положил в карман... А теперь их нет.

— Прекрасно! — Саша схватилась за ром и хлебнула, насколько хватило горла. — Ну

чего стоишь тогда? Иди в магазин!

Я подошел к ней, обнял за плечи, притянул к себе.

— Сейчас схожу. Но до этого мы можем без проникновения...

— Нет! — Саша только больше взбесилась и отпрянула от меня. — Я хочу нормального траха!

— Ладно, ладно.

Я стал одеваться. Пока шел в ближайший магазин, думал, почему она так взвинчена, но ничего не придумал и решил, что виной тому моя рассеянность.

Вряд ли прошло больше четверти часа, когда я вернулся в комнату, где голая Саша осталась одна наедине с нереализованным желанием заняться сексом и моей нищенской обстановкой, но застал я ее уже одетой в расстёгнутые шорты.

Она сидела на полу, скрестив ноги. Между ними торчала бутылка рома, рядом валялись блокнотные листки и сам блокнот, который я имел обыкновение прятать под книгами, чтобы отдельные листочки не разнес ветер — мне важно было сохранить их в определенном порядке, да и вообще сохранить. Для себя. Подальше от чужих глаз.

Сашины глаза меж тем не выражали ничего. Красные, воспаленные то ли от недавних слез, то ли от алкоголя, они смотрели не на меня, а в грубые доски разбитого жизнью пола. Я присел на корточки рядом.

— Это все ты написал? — спросила Саша, по-прежнему не глядя на меня и бессмысленно шевеля сухими веками.

Я не стал пытаться ее ложью:

— Да, я.

— Зачем?

— Это мой дневник. Мои мысли и воспоминания...

— О чем?! — резко прервала меня Саша. — О какой-то бабе, которая бросила тебя к херам, а ты не знаешь, как теперь жить?!

Она подскочила одним махом, не забыв прихватить с собой бутылку. Ее обнаженные груди нервно тряслись над ребрами как забитые лысые кролики, которых теперь не хотелось гладить. Саша выглядела дикой, но не сексуальной. Она и сама это понимала, потому хлебала ром прямо из горла и через слово вставляла мат. Я следил за тем, как ее корчит, и не мог заставить себя приструнить ее.

— Ты не должна была лезть, — только и сказал я.

— Почему?! — Саша заводилась больше, больше. — Чтоб я не знала, как ты страдаешь по своей женушке? Думаешь, я не догадывалась, что она тебя послала?!

— Она не жена мне. И я ушел сам.

— Да ну?! А что ж ты тогда такую любимую, такую хорошую слил?!

— Саша! — я встал с ней рядом.

— Что?! Что?! Ну?! Что ты мне хочешь сказать?! Да мне срать, ясно?! Срать! Ты что, еще не понял, мальчик?! Мне срать на тебя! И на твоих баб мне тоже срать! На всю твою гребаную житейку! Срать! Ты слышишь меня, мальчик?! Срать! И дамочке этой твоей срать еще больше, Джей! Он ей письма пишет, а ей срать! Он тут страдает, а ей срать!

У меня чесались кулаки. Чесались жесточайше. Чесались изнутри, снаружи. Словно у серийного убийцы, мучимого манией смерти, который соскучился по виду теплой крови, размазанной по костяшкам и в лунках между пальцами. Клянусь, я бы ударил ее. Ударил без сожаления. Но зачем-то до сих пор помнил, что никогда не поднимал руки на женщин. Отец

говорил, что только слабые бьют женщин. Но слабее, чем сейчас, я был лишь в тот день, когда ушел от тебя, моя дорогая Марта. В то утро, когда не было истерик, ты отпустила молча и без слез. И тебя я тоже не ударил, хоть ты и заслужила. Саша, без сомнений, заслужила тоже.

А чего заслужил я? Стоять и слушать, как моя полуголая малолетняя любовница, которую я не прогнул на оральный секс и оставил в опасной близости к своему имуществу, теперь унижает меня моими же сокровенными вещами?

— Какой же ты дурак, Джей! Какой же ты дурак!!!

Саша расставила руки, будто изображая самолет. Она завертелась, потом подпрыгнула, потом прислонила бутылку ко лбу и засмеялась громко.

— Дурак! Дурак!!! — хохоча и морщась, ее целиком поглотила бешенная истерика.

Я навалился на стену, больше не смотрел в ее сторону, но затем ноги сами подкосились и вновь потянуло к полу. Я уперся затылком в выступающий сучок на доске позади.

Ухающие, бессвязные звуки Сашиного голоса резали по живому, резали беспощадно как нож мясника, заточенный рассекать еще недавно живую плоть на мягкие, пригодные к употреблению куски. Еще немного, и мясник бросит их в кипящий бульон, на раскаленную сковороду с огненным маслом.

Кушать подано...

— Ты так ничего не понял, — Саша внезапно остановилась посреди комнаты. — Никому до тебя нет дела, мальчик. Никому ни до кого нет дела. Ты даже обо мне ничего не знаешь. Ты даже не знаешь, как меня зовут. Что, если я выдумала свое имя? Ты об этом подумал? О чем ты вообще думаешь, детка? О своем романтическом дерьме? Пишешь письма, которые нахуй никому не сдались? Думаешь писателем стать, дружочек? Думаешь, твои слюни повеселят домохозяек? Думаешь, твоя ненаглядная прочтет однажды и пожалеет, что потеряла тебя, такого красавца?

— Я ничего не думаю, — глухо ответил я. — Чем я занимаюсь в свободное время, это мое дело.

Саша опустила на колени и на четвереньках подползла ко мне, мерзко улыбаясь.

— Бедный, бедный мальчик, — прошептала она возле моего уха. — Всем срать на твою глубокую душу. Если тебя сожрут акулы, никто не станет читать твоих писем. Все буду перекидывать друг другу фотографии твоих объедков. Никто не будет горевать о тебе. Даже твоя Марта не помчится оплакивать то, что от тебя осталось, — она придвинулась вплотную и произнесла: — Потому что всем срать.

Саша заново приняла позу, в которой я ее застал несколько минут назад. Но мой дневник ее больше не интересовал. Все внимание теперь досталось рому, который она живо истребляла. Она закурила, потеряла глаза. Смотрела на меня будто бы довольная тем, что сделала со мной. А я, как прежде, не шевелился.

Она протянула мне сигарету. Я взял.

— Джет... — процедила Саша точно услышала мое имя впервые. — Джет Ривер... Глупый, влюбленный мазохист... Ты еще не планировал повеситься?

Я стряхнул пепел.

— Замолчи.

Она прикурила новую сигарету.

— Значит, планировал, — Саша ухмыльнулась.

И эта ухмылка окончательно испортила ее лицо. Теперь я совсем не желал заглядывать

в него.

Саша поднялась на ноги.

— Пойдем. Не хочу тут торчать. Тут все провоняло твоей романтической дрочкой. Лучше у меня потрахаемся в последний раз.

Я обернулся.

— Что ты уставился, а? Я завтра уезжаю. Октябрь на носу. Мне пора двигать домой. Новый учебный год. Да какая тебе разница, да, мальчик? Вставай, — она подпихнула меня мыском стопы. — Пошли.

— Нет.

— Что это значит?

— Я не пойду.

— У тебя совсем крыша поехала? Вставай, говорю!

— Нет, — я не сдвинулся с места.

Саша в бешенстве кое-как нацепила футболку, схватила сигареты, ром и требовательно выставила передо мной раскрытую ладонь:

— Хрен с тобой. Отдай мне резинки. Я найду им лучшее применение.

С полным безразличием я вручил ей пачку презервативов. Она повертела ее в руках, затем пихнула в карман.

— Идиот, — бросила на прощание Саша и ушла, традиционно громко хлопнув дверью.

Спустя время заморосил дождь. Не знаю точно, сколько прошло секунд и минут. Должно быть, больше, чем я себе мог представить, но меньше, чем за окном успело потемнеть.

Я сгреб с пола листки, не стал перепроверять их сохранность и порядок. Мои письма стали мне чужими, будто бы слова Саши опорочили их, надругались самым извращенным образом, и теперь мне предстояло вылечить, вычистить их заново от той скверны, которую Саша щедро разлила словно вонючий бензин на молитвенные вещи, чтобы предать их огню.

Полмесяца спустя после тех событий я пишу уже эти строчки, успокоившись, с позиции человека, который хотел бы знать, за что его снова подвергли жестокости. Я и сейчас с трудом нахожу определение поведению Саши, а уж тогда сил на критическое мышление не было совсем. Тогда я был попросту раздавлен и не мог исключать, что излитое на меня отчасти было правдой.

В истерике Саша упирала на то, что всем людям безразличны судьбы других. Это оправдывалось, скорее всего, тем, насколько ее собственные отношения с родными были неидеальными. Я уже неосторожно предположил, что сбежавший в Камбоджу профессор являлся не дядей, а ее отцом. Мать Саши умерла. Но даже смерть порой мы склонны воспринимать бегством, предательством. Особенно в юном возрасте, когда еще не понимаешь до конца истинного значения этого явления.

В детстве люди не умирают, они уходят на неопределенный срок. И ребенку не объяснить, что срок этот вполне определен вечностью. Однако вечность слишком велика — она не умещается в крошечный, интимный мир маленького человека.

Когда умерла мама, я знал, что она умерла, и что она этом не виновата. Но даже такое знание не препятствовало возникновению обиды — меня бросили, кинули, предали. Я остался один на один с миром, который еще толком не разглядел, а мама — один из главных провожатых в этот мир — ушла и не удостоверялась, что я уже могу самостоятельно ориентироваться здесь. Конечно, оставался еще отец. И в последствии именно он стал моим главным поводырем и советником, но потеря мамы — обида на нее, горечь — продолжали подтачивать маленького меня.

Я не заговаривал об этом с отцом, а на вопросы школьного психолога отвечал образцово-показательно. Но больше не потому, что не мог описать словами свои терзания, а для того, чтобы меня не приняли за психа. Удивительно, как дети быстро приспособляются к действительности, в которой хотят жить. Внутри я терзался непрощенным чувством к маме, но снаружи оставался нормальным ребенком, который не ищет дополнительных приключений на свою голову. Меня устраивало быть обыкновенным. А со временем тоска и обида заглохли. Их не стало так же, как воспоминаний. Возможно, поэтому они не переросли в агрессию.

Саша все помнила. Помнила и ненавидела. Как помнила и ненавидела ты, Марта, хоть и отрицала, иронизировала и подшучивала там, где для иронии и шуток места не больше, чем воздуху в полной банке с мукой. И я не устаю удивляться, насколько порой сильны в нас травмы прошлого, насколько они способны перевернуть и изувечить ценность настоящего. Наслаиваясь, как начинки гигантского бургера мы бываем бессильны отличить один ингредиент от другого. Так и людская масса становится совершенно однородной, на один

вкус — невыраженный, вязкий, противный вкус, полный стыда за себя и потенциальной опасности от других.

Это развязывает руки и будто бы дает право поступать худшим образом — «как все»: если позволено другим, значит, я могу сделать так же.

Почему же тогда мир еще не самоуничтожился? Почему люди не передумали друг друга в бесконечной вендетте по случаю несправедливости жизни? Наверное, все дело в жажде жизни. Но то, что каждый человек подвергается болезненному опыту, не зависящему от него, а затем подвергает ему других невинных, создавая цепную реакцию, бесспорно. Мы все раним друг друга по кругу, еще и еще. Мечь передается по наследству. Круги на воде от брошенного несколько поколений назад камня расходятся все шире, захватывая в волну новых участников зла. Так рождается новое зло со старым знакомым лицом.

Буддизм призывает остановить реинкарнации зла. Остановить в корне.

«Не вижу зла, не слышу зла, не говорю о зле» — классическая интерпретация в виде трех обезьян, закрывающих глаза, уши и рот — один из узнаваемых символов учения Дао, смысл которого лежит на поверхности, но следовать ему очень сложно. Я, Саша, ты, Марта, любой из виденных нами людей — носители активного вируса зла, не поддающегося традиционному лечению. Единственные эффективные антитела для борьбы со злом способны выработать только мы сами. Но кто в состоянии осилить такой труд?

Я и теперь был бы счастлив не расковыривать прошлое, не препарировать буквенными шифрами доставшиеся мне судьбой события, но, возможно, возраст подоспел, возможно, слишком много я услышал очищающих мантр, а, может, просто перенасытил сознание различными болями, чтобы не говорить о них сейчас. Знание, как и ум, даются нам не по рождению, а в процессе циклического переваривания «явление-последствия-вывод». И мне кажется, что некоторые беды можно вынести легче, если впитать их суть заранее. Впрочем, я не сильно уповал на это.

Сашин поступок обжег бы меня не меньше, если бы я знал достоверно его истоки. Но пойманный врасплох, я еще долго не мог прийти в себя.

Курил. Смотрел в окно. Снова курил.

Мне хотелось ее возненавидеть, и я следил, когда в ее жилище погаснет свет. Тогда я пойму, что Саша отправилась тратить презервативы с другим случайным туристом, и смогу не без удовольствия назвать ее шлюхой, плюнув на прощание.

Но прямоугольник не гас, становясь только ярче на контрасте с навалившейся ночью. Саша была дома. Сначала она ходила по комнате в привычном для себя виде — без ничего в один трусах. Потом легла на матрас и долго лежала «звездой», глядя в потолок. Казалось, она впала в кому с открытыми глазами.

Может, она ждала полуночи, чтобы отправиться на дискотеку, которые к этому времени набирали полную силу?

Я скрутил еще сигарету, уселся у края рамы, чтобы Саша не могла меня засечь, и снова наблюдал. Она перевернулась на живот, скомкала простыню и зарылась в нее лицом. Она плакала... Или смеялась?..

Я присмотрелся, прислушался — не похоже на смех. Но на расстоянии пяти метров, разделявших нас, с уверенностью сказать было сложно. Потому я подождал еще немного.

Глянул на часы — половина первого, а Саша еще не одета и не мчит в логово разврата. К двум разберут всех мало-мальски пригодных ухажеров и придется коротать последнюю ночь с сомнительными типами. Но, похоже, Саша передумала куда-либо идти. Почему?..

Неожиданно она встала и начала швырять различные вещи в стену. До меня донеслось шлепанье сандалий, ударившихся о твердую поверхность, затем раздался звон стекла — Саша не пощадила бутылку с остатками рома.

Я не выдержал, побежал к ней.

Преодолею лестницу, замер перед дверью.

— Саша!

Она не отозвалась, и я постучал. Затем толкнул дверь, она была не заперта.

Не знаю, что я рассчитывал увидеть. Я, наверное, вообще прекратил думать в те мгновения. Но найдя Сашу в самом дальнем углу комнаты под гамаком, рыдающую среди битых осколков, я окончательно забыл о том, что еще недавно собирался свернуть ей шею.

Она протянула ко мне руки:

— Джей!..

Я обнял ее. Саша зарыдала еще громче.

— Прости... Прости... — повторяла она, пока я нес ее до кровати.

Той ночью она была нежна со мной, как никогда до этого. Она зацеловала и заласкала каждый микрон моего тела и до рассвета не давала уснуть. Это не было похоже ни на один из наших прежних сексуальных опытов. Секс превратился в последнее, финальное дополнение, когда тепло от касаний переполняло, и делалось невозможным выразить эту энергию никак больше. Мы почти не говорили: лишь какие-то обрывки неоконченных фраз, содержащих наши имена — не вымолвленные обещания, которым поддаются в бреду романтического порыва обреченные любовники.

Только когда небо стало белеть, а слитые с темнотой кроны пальм начали обозначать свои контуры, мы вспоминали с Сашей, как ездили с ней к водопаду, как вылавливали из рыночной бочки самого жирного лангуста, которого нам зажарили на гриле, как свалились с байка в джунглях, не вписавшись в скользкий от дождя поворот, как кормили наглых обезьян, скаливших свои огромные желтые зубы, как целовались под тропическим ливнем, и много чего еще. Мы просто перечисляли воспоминания, одно за другим, смеялись, лежа на боку друг напротив друга, уже бессильные к телесности, чувствуя, как тяжелеют веки.

Только сейчас я понял, что таким образом мы пытались продлить эту ночь, украсть у нее еще чуть-чуть возможности оставаться вместе, зафиксировать каждый эпизод наших двух недель, разобрав на кусочки, словно круглые бусины четок из рудракши — всего сто восемь.

Сто восемь имен Будды, сто восемь Упанишад, сто восемь танха — греховных желаний человека.

Мы собрали собственную длинную священную нить, завязали узлом и наградили друг друга незримым ни для кого даром — четками из воспоминаний.

В ту ночь мне снились сентябрьские волны: большие и черные, они дотрагивались до ливневых небес, опалили рядом с харчевней Сэма, заливали его любимую веранду, где мы курили канабис, и уползали обратно к горизонту, жадные до людских жертв и оголтелого горя.

Несколько лет назад в декабре волна еще большей силы слизала с лица острова тысячи жизней, кубометры построек, разрушила до основания сотни хозяйств. Крис рассказал мне, что во время цунами Сэм был в городе, далеко от берега, где оставалась его семья. Вернувшись, он нашел только руины. Его жену и детей забрало море. Навсегда. Тем не менее, он как-то нашел силы выстроить на прежнем месте свое кафе, а в скалах рядом, где-то среди сотен поминальных надписей, осталась и его: «Море стало вашим новым домом, но оно не убило нашу семью. Мы до сих пор вместе, Моя Любовь. Сэм».

Я очнулся в ужасе. Свет солнца опалил деревянные стены, крышу и пол. Белая скомканная простынь возвышалась сугробом подле моих ног, загоревших почти до негритянской окраски. Я увидел Сашу напротив, в том же углу под гамаком. Стекла от ромовой бутылки были убраны, а Саша курила и держала в руках фотокамеру.

Заметив, что я проснулся, она нажала на спуск. Фотоаппарат издал глухой скрежет, запечатлевая мое растерянное лицо.

— Доброе утро. Никогда не видел это в твоих руках. Значит, ты и правда занимаешься фотографией?

Саша молча затянулась и выпустила дым. Ее губы произвели нечто вроде улыбки, но глаза остались недвижимы. Саша убрала камеру и переложила сигарету в другую руку.

Она заговорила чуть сдавленно:

— Надеюсь, у тебя хватит ума не спрашивать, что это было ночью.

Я оторопел от такой резкости.

— Не стану спрашивать, — заверил я, чувствуя, как слова скоблят мне горло.

— Прекрасно! — Саша засмеялась тем неуместным смехом, какой вдруг поражает безутешную вдову на похоронах. — Тогда у тебя хватит ума уйти прямо сейчас.

Я встал. Натянул шорты и футболку. Саша следила за мной. Следила без улыбки и каких-либо комментариев.

Происходящее напоминало абсурд в морге, когда перепутали одно мертвое тело с другим, но никто не решался озвучить это вслух. И я тоже молчал. Старался не смотреть на нее, вжавшуюся в угол с бледным даже после двухнедельного загара лицом.

Я пошел к двери.

— Джет!

Саша успела схватить меня за руку, когда я проходил мимо. Она потянула меня к себе. Я нагнулся.

Мы стали целоваться.

И тут она выдернулась, оттолкнула меня.

— Иди же! — раздался вопль. — Уходи! Мне надо собрать вещи!

— Саша...

Я снова пошел ей навстречу, хотел обнять. Но она плакала навзрыд, билась, колотила меня по плечам.

— Саша, подожди...

— Замолчи! — взревела она и изо всех сил швырнула меня в сторону.

Я чуть не упал, но кое-как устоял на ногах. Мы смотрели друг на друга жестокими, больными глазами.

— Меня зовут не Саша! Я обманула тебя! И дома меня ждет парень! Ясно?! Ты это хотел услышать?! Это?! Чего ты еще хочешь от меня?! Уходи! Уходи!!! Иначе я позову на помощь! Уходи, Джет! Мать твою, уходи!

Дальше я помню только синюю линию моря. Как очутился на берегу, как доволлок ноги — не отпечаталось в памяти.

Сначала я удивился тому, что плачу. Затем испытал нечто вроде облегчения. Но окончательно я пришел в себя, почувствовав на щеках холодные дождевые капли, и успокоился — это просто дождь, а я в порядке, я все еще жив и дышу, и вовсе не слезы, а вода небес заливают мне лицо.

Я шел по берегу и раскидывал в стороны мокрый песок. Идти было легко, особенно возле пенной кромки, пока на берег не нападала волна, выталкивая меня подальше. Я и морская стихия будто бы вели между собой спор: кто первый уступит — я или мировой океан? Впрочем, спорить с соленым богом себе дороже. А с поддержкой дождя сопротивляться ему стало вдвойне бесполезно.

Я повернул к дому.

Промок до нитки и замерз. Войдя в комнату, по привычке бросил взгляд в окно — оно обрело прежние скучные черты: виньетка пальмовых листьев, между которыми просматривался фасад соседского дома, где никто больше не жил. Лето давно закончилось, перевалив середину сентября, который лениво полз по календарной сетке, укореняя осенние порядки — финальный раунд сезона дождей. Мертвый сезон.

И я в этом сезоне был заново умерщвлен.

Я не успел тебя толком забыть и изничтожить, дорогая моя Марта, но снова зачем-то был распят у подножия воспоминаний и мимолетных грез.

Однако горевал я не о тебе, и даже не о Саше. Я преисполнился бездонной жалостью к себе самому.

Одиночество поглотило меня как дикий, свирепый зверь, охочий до людских душ. Я гнил в его склизкой утробе, и сейчас, в эти часы я словно не жил. Изъеденные желудочным соком одиночества погибшие части меня плавали в вязком, безвоздушном чреве. И я отказывался понимать, во что я превратился. Отказывался смириться. Отказывался бороться.

В такие моменты люди обращаются к богу.

И я стал молиться. Но взывал я не к Будде и не к Господу. Я взывал к тебе, Марта. Мои молитвы были полны обращений к тебе, к твоему имени. Будто лишь там зашифровано настоящее спасение. Земное и осязаемое спасение незабытых чувств. И если уж я назвал тебя своим богом, то я был грешен перед тобой. Многократно, по уши грешен, без права выбить себе индульгенцию, но с правом отказаться ото всего или принять как есть.

Воздух остывал поминутно, и я никак не мог согреться. Я сварил кофе, вытащил остатки травы и из всего, что наскреб, скрутил штабель сигарет.

Я чередовал марихуану и кофеин. Вместе они давали странный, местами страшный, совсем непредсказуемый эффект, похожий на высокие детские качели, когда сердце замирает в крайних точках, а в промежутках быстро-быстро летит по длинной лихой дуге, заправски напевая песенки.

Но в комнате по-прежнему стояла тишь, не считая завываний дождя. Может, я сам что-то напевал? Что-то очень нелепое, родом из малых лет, из тех времен, когда ныне доисторический Revox крутил свои бобины с гордостью для меломана. Отец часто слушал записи на таком аппарате. Возможно, я бессознательно впитал те мотивы, но вряд ли скажу доподлинно, что это было.

Хотя нет...

Минутку...

Smoke... on the water...

And fire in the sky...

Дым распространился повсюду. Серый, безучастный и всеобъемлющий он несколько часов ползал под потолком, и, лишь получив полную свободу ночи, опустился к полу. Я лежал на кровати весь в дыму. Кофе я варить перестал — это мне оказалось не под силу в таком состоянии. Однако сладостное чувство сонливости обещало мне приятное забытие. Я свято верил, что давно поборол бессонницу, но все же немного боялся, что могу не заснуть после отъезда Саши. Лишенный ее уникального эротического снотворного, я уже не столько боялся не совладать с желанием секса, сколько снова трепещал перед ужасами мучительных попыток заснуть.

Да, я уже говорил, Марта, вторым по тяжести проклятием после нашего расставания сделалась бессонница. Как здорово, что Крис некогда открыл мне этот простой и незамысловатый способ расслабиться.

Меня запеленало белесое марихуановое облако. Качели остановились.

Голова приросла к подушке, но глаза все еще рассматривали темноту. Она казалась материальной, ощутимой, будто кусок пирога из мягчайшего бисквита. Я мог проткнуть его пальцем насквозь и облизать невесомую начинку — сиренево-угольную как черничный сок. Беспокойство и жалость отпустили меня.

Я думал о смерти. Думал так спокойно, словно сам окончательно примирился с мыслью, что мертв. Я думал о том, насколько легче было бы для меня, если бы ты умерла, Марта.

Какая странная штука — я оставался бы твоим возлюбленным, горевал, даже, быть может, рыдал тайком, но навсегда знал, что это конец. Наши ссоры, наши недомолвки обрели бы аромат трогательности, вопиюще сладостный, как завершение лета, которое уже не повторить. Я снова и снова хоронил бы тебя, приходил на могилу — мысленно и, возможно, физически, просил бы прощения за что-нибудь. Я бы придумал, за что. Но к мертвым всегда идут без претензий и ожиданий. А я до сих пор чего-то ждал.

Ждал, что ты позовешь обратно? Ждал, что ты где-то за десять тысяч километров, помнишь обо мне и раскаиваешься? Ждал, что я, убитый дурью, курительной и моральной, очнусь утром на твоих руках?

Перестав стесняться своих дурацких фантазий, я признался себе, что всего этого я ждал непрерывно, каждый час после того, как закрыл дверь нашей с тобой квартиры. И немедленно возжелал, чтобы ты умерла — только так я мог избавиться от этого бреда. Иного пути не существовало.

Я умудрился позавидовать Сэму и его трагической потере. И даже нашел оправданным и логичным шаг восстановить кафе на прежнем месте. Ведь ему все равно нечего было терять и не на что было рассчитывать. Значит, выходит, у него было больше сил, не так ли?

Но ты, Марта, была жива. Той жизнью, которую я любил в тебе.

И меня тотчас осенила другая мысль: разве возможно любить мертвого?

Что ты любишь, если ничего нет? Если я скажу, что люблю маму, то к чему, к кому обращена эта любовь? К фантому, к призраку? К тому, о чем даже не могу вспомнить? Какой вес имеет любовь в пустоту? И для кого Сэм написал те слова на скале?

Лгун!

Все лжецы, кто говорит о любви к усопшим! Глупые, двуличные твари!..

Я, кажется, свалился с кровати. Не могу точно описать, как это случилось, но теперь я внятно ощущал носом пол. Он был твердым и вонючим. С тех пор, как перестала являться Пенни, я забывал его мыть. Мне потребовалось куда больше времени на то, чтобы перевернуться, по сравнению с тем, если бы я был трезв.

Наконец, я преодолел груз собственного тела и очутился на спине лицом в потолок. Потолка я, конечно, не видел. Все застилал дым. Густой, монотонный дым.

Вместе с дымом меня плавно разносило по комнате — от угла к углу. Мое тело словно разобрало на мелкие невесомые частицы, настолько крошечные, что человеческий глаз не мог их видеть. Частицы ложились на мебель, некоторые вылетали в окно. И хотя всюду стояла тьма, я легко наблюдал это странное движение. Мрак перестал быть для меня слепым, я видел зрением, какое, наверное, доступно кошкам или другим ночным хищникам.

К тому моменту мои собственные мысли улеглись. Я мог думать лишь о том, что непосредственно видел. Все предметы плавались и теряли жесткие контуры. Стол, стул, плита, холодильник сделались ватными и неуклюжими, вроде плюшевых игрушек. Вдруг начало светлеть, но не так, как если бы кто-то зажег свет, а медленно, постепенно. Я понял, что смотрю на себя со стороны: на свое распростертое тело, у которого так же не было твердых очертаний. Над ним переливались смазанные световые блики, похожие на бабочек. Мне захотелось их поймать, но тут я осознал, что ни рук, ни ног у меня нет — они остались на полу, прикованные к телу. Я был здесь, на сыром подоконнике, но сырости не ощущал, и я был там, возле кровати, задохнувшийся в марихуановом дыму, который тоже не чувствовал. Запахов не было. Некоторое время не было и звуков. Когда я подумал об этом, донесся слабый гул, будто за стеной кто-то играл на поющей чаше. Однако я знал, что за стеной никого нет, и до ближайшего храма не меньше двух километров пути.

Но гул между тем нарастал, становился ниже. В конце концов, от него разболелась голова.

И тут я увидел тебя.

Тебя, Марта.

Ты стояла у моего изголовья вся в белом, свадебном и лучистом. Ты редко одевала белое. Говорила, что это плохая примета. Ты вовсе не была суеверна, но свадебная атрибутика навевала на тебя благоговейные чувства.

— Джет!

Я обернулся.

Мы стояли плечом к плечу на Елисейских полях. Перед нами раскинулась богатая витрина с белыми платьями, каждое из которых стоило как вся наша квартира вместе с нами в придачу.

— Как думаешь, мне пойдет? — ты улыбнулась впервые спокойно за весь отпуск.

— Думаю, да.

— Правда?

— Правда.

— А правда, что Париж — лучшее место, чтобы сделать предложение? — ты засмеялась, и тогда я понял, что ты не просто так разговаривала в последний раз с матерью.

Ты сказала ей, что мы едем в Париж. А она сказала тебе, что, должно быть, этот сукин сын (то есть — я) наконец решился сделать тебе предложение. Вы поругались — это я знал. Но не знал причину. А теперь, точнее тогда, я понял все четко. И разозлился.

— Неважно, где делать предложение. Его нужно делать, когда оба к этому готовы, мысленно и финансово, — ответил я. — Конечно, можно просто расписаться...

— Просто расписаться? — возмутилась ты. — Может, еще организовать праздничный ужин в «Макдональдсе»?

— Марта, у нас сейчас даже на «Макдональдс» денег нет.

Ты тут же решила, что я снова попрекаю тебя за растраты, и твои глаза заполонили слезы. Я поспешил тебя увести подальше от витрины и разговорить о чем-то другом. Ты слушала рассеянно.

А первое, что ты сообщила мне по приезду, что твоя подруга детства Джулия опять выходит замуж.

— Ума не приложить! Она уже в третий раз выбирает подвенечный наряд! Какая глупость!

— Почему глупость? — спросил я.

— Потому что глупость!

— Не вижу ничего глупого. Я был женат...

— Я знаю! — крикнула ты и торопливо вышла из кухни.

Я застал тебя в комнате возле окна. В тебе бурлила злоба и печаль. Я поцеловал тебя в плечо.

— Ты права, это глупость. Для доказательства любви не нужны никакие церемонии и штампы.

— Я этого не говорила! — вновь взорвалась ты и повернулась, скрежеща зубами. — Все только и делают, что врут, будто им не нужны свадьбы, платья и букеты! А потом счастливые показывают на работе альбомы с розовыми бантами!

— Ужасные альбомы, — заметил я.

— Не ужасные.

— Ты сама говорила, что ужасные.

— Да, ужасные! Но милые!

— Ты хочешь такой альбом? — я посмотрел тебе в глаза.

Ты колебалась минуту или две.

Затем ответила резко:

— Нет.

Воспоминание свернулось в точку и юркнуло под кровать.

Я попытался снова направить зрение туда, где ты находилась, но глаза не послушались и принялись очерчивать круги в воздухе. Их радиус доходил до стен, отталкивался от них и рвался к потолку. Там круги меняли свое направление, курсировали уже в другой плоскости, параллельной полу.

Я осознал, что меня тошнит. Закрыв глаза, но стало только хуже. Открыл. В тот же момент судорога прошла от шеи по левой руке и сковала ногу с этой же стороны. Затем начала дергаться правая нога. И дергалась она до тех пор, пока я не остался парализован. Грудную клетку придавило, горло будто бы перетянуло прочными грубыми веревками.

Наступило удушье.

Я силился глотнуть воздух, каждый вдох давался с таким трудом, словно я выталкивал из грязи танк.

Снова опутали мысли о смерти.

Но она уже не казалась мне забавной, романтической или героической. Потому что понял, что я в самом деле умираю. Умираю без шуток и натурально.

И какой бы ни была следующая жизнь (если она вообще случится), этой уже не будет. Я умру один, в неизвестности, на грязном полу, и по мне будут ползать пауки, мокрицы и кивсяки.

Вспоминая Сашины пророческие слова, я внутренне согласился с тем, что этот маленький инцидент не тронет по сути никого, кроме хозяина моего жилища. Но только лишь потому, что доставит неприятные хлопоты. А на родине могут ничего никогда не узнать. Даже ты ничего не узнаешь, Марта.

Лучше бы меня действительно сожрали акулы. Так был бы хоть какой-то шанс, что я не исчезну совсем бесследно для сводок новостей.

В чертовом колесе предсмертной агонии самым приятным оказалось забытьё. Возможно, благодаря ему некоторые люди умирают без мученических гримас. Расставаться с жизнью в сознании — настоящий ад. Но, отключившись, я расслабился и утонул в безразличии.

Вдруг я почувствовал шлепок по лицу. Голова вывернулась набок.

Последовал новый шлепок.

Его я ощутил намного явственнее и даже охнул.

Когда на лицо обрушился третий, я заворчал недовольно.

— Джей! Джей!!!

— Что?.. — простонал я, не понимая, какого хрена происходит.

Надо мной торчала чья-то физиономия. Я долго не мог разобраться, где у этой физиономии глаза, рот и нос, пока не догадался, что лицо перевернуто. Пенни склонилась так низко, будто хотела поцеловать. И это мешало сфокусировать на ней зрение.

— Джей! Что случилось? Джей!

Она тормозила меня как фруктовое дерево, полное спелых плодов. А в моей черепной коробке трепыхались разжиженные мозги, готовые вылиться через уши.

— Джей! Вставай! Джей! Джей!

— Доброе утро, Пенни, — наконец, произнес я убийственно хриплым голосом будто бы за меня чревовещал какой-то демон.

Она посмотрела так сочувственно, что вот-вот могла расплакаться.

— Доброе утро, Джей.

Пенни, насколько хватило сил, потянула меня с пола. Полностью поднять мою тушу, больше ее раза в два, она бы сумела. Я притулился спиной к кровати, оглядел себя: убедился, что все конечности в более-менее рабочем состоянии. Одолевала жажда и дикий желудочный голод. Вместе с тем бурлила тошнота и хотелось в туалет.

Пенни расположилась на кровати, смотрела на меня снова сверху вниз. Наверное, я казался ей жалким обдолбышем, коих тут можно встретить немало.

— Мне надо встать, — признался я.

Не без помощи Пенни я поволок свое брэнное тело к туалетному уголку. Справлять при ней нужду оказалось не так страшно по сравнению с опасностью разрыва мочевого пузыря. Я подумал, что из Пенни вполне мог бы получиться неплохой врач. Или хотя бы медсестра.

Она ухаживала за мной как за неразумным дитем. Когда я все-таки принял горизонтальное положение в постели, Пенни подоткнула под голову подушки, а из пледа скрутила валик и уложила на него мои ноги. Она же меня раздела. Если уж она наблюдала за моим мочеиспусканием, то вид моего нагого торса ее вряд ли бы шокировал.

Наверное, я лишь тогда уверовал окончательно в ее женскую сущность. Так любовно и заботливо надрываться над чужим телом может только женщина. И я мысленно благодарил ее, но вслух мало что мог произнести. Сухость сковала мне рот и отупила до состояния чурбана. Пенни бережно поила меня из чашки. Я ощущал прохладную влагу губами будто нежные поцелуи невинной девы.

Когда я проглотил не меньше полулитра, Пенни отняла чашку и сказала:

— Она уехала.

Она?..

Ах, да. Саша уехала. Саша, черти бы ее драли, уехала...

— Ты очень проникательна, Пенни, — я криво усмехнулся.

Мое выстраданное возвращение к земной жизни после тяжелой передозировки

марихуаной было ничем не легче умирания. В фильмах и книгах частенько фигурируют образы зомби — воскресших из мира иного монстров, которые носятся за перепуганными людьми, чтобы их съесть. В этом смысле я оказался очень вялым и скучным зомби — ни есть, ни убивать, ни гоняться за кем бы то ни было я абсолютно не хотел. Во всем остальном я вполне мог сойти за монстра из преисподней: желто-красные глаза навывкате, земельного цвета кожа, трясущиеся конечности.

Я прежде понятия не имел, что канабисом можно отравиться. Лишь сейчас до меня наконец дошло, что это такой же наркотик, как и все остальные. И безобиден он в исключительно малых дозах. А с учетом того, насколько я неопытный наркоман, мне и в страшном сне бы не приснилось, что какие-то пятнадцать-двадцать сигарет подряд способны отправить меня на тот свет. А ведь именно столько я выкурил и надеялся просто немного забыться и поспать.

Примечательно, что знакомство с любым веществом, явлением или человеком мы всегда начинаем примерно одинаково — осторожно, крадучись, тайком.

Мы порой долго присматриваемся к людям и относимся с недоверием к незнакомой еде. Приступая к новому делу, сначала разведываем обстановку и решаем, с какого края к нему подступиться. Если на первых этапах ничто не смутило и не выбило из колеи, со временем мы становимся смелее и позже напрочь забываем об опасности, потребляем и впитываем напрямик, попадая в первую, но уже прочную стадию зависимости, если кто-то или что-то нам по нраву. Следующим этапом мы начинаем увеличивать дозировку — больше, больше... Больше любви, больше внимания, больше порции, больше амбиции.

Но однажды происходит сбой: лимит исчерпан, карта памяти перегружена, импульс больше не достигает адресата. И наступает крах. Крах, через который неизбежно проходят все, в том числе влюбленные наркоманы. Любовь — тоже своего рода наркотик, причем довольно тяжелый и пагубный. Выделить в нем одну единственную отравляющую цепочку сложно, будь то секс или эмоциональный фон. Но любовная зависимость насколько же настоящая, как любая другая — адреналиновая, кокаиновая, табачная или алкогольная.

Дорогая Марта, я не стану лукавить и глупить, что страдания моих последних месяцев — эта наркотическо-любовная ломка, связанная с твоим именем, — результат всего одной какой-то привязанности. Вместе с тем я вынужден отметить, что появление Саши в некотором роде освободило меня от зависимости к тебе. Однако сейчас я рассматривал такую терапию как эксперименты в психиатрических лечебницах начала двадцатого века над больными, которых пытались пересадить с опиума на героин. В итоге приходилось избавляться сразу от двух зависимостей, каждая из которых укрепилась и забралась глубоко в ткани.

Мне пора было прекратить заниматься самолечением и экспериментировать над телом и душой. Мне осталось преисполниться надеждами ко времени, которое способно все стереть и переиначить. Но, по всей видимости, я еще слишком мало прожил, чтобы окончательно успокоиться. А сейчас жизнь ворочалась во мне будто Чужой из знаменитой кинокартины Ридли Скотта.

Пенни взяла меня за руку и поднесла к своему лбу.

— Все хорошо, — сказала она не самым убедительным образом.

— У тебя выходной? — спросил я.

— Да.

— Как там Сэм?

— Он в порядке.

— Пенни, ты знала его семью?

— Нет.

— Как думаешь, он скучает по ним?

Пенни удивилась моему вопросу. Наверное, подумала, что у меня горячка.

— Да, — ответила она чуть погодя. — Но Сэм добрый. У него есть сила.

— Какая сила, Пенни?

— Доброта.

Я улыбнулся. Сжал ее ладонь, державшую мою руку, дотронулся губами до грубоватой желтой кожи на костяшках и поцеловал.

— Если твой будущий муж станет обижать тебя, зови меня. Я настучу ему по голове. Я у тебя в долгу, Пенни.

Она засмеялась и тут же стихла.

— Джей, я хочу... — Пенни что-то достала из кармана своей робы и протянула мне.

— Что это?

Я не сразу узнал предмет и долго пытался сообразить, где я видел его раньше.

— Я нашла у тебя. Я не знала, твое это. Нашла. Давно.

Я держал свою металлическую зажигалку. Ту самую, Марта, что ты подарила мне когда-то. Ту самую, которой я расшиб окно.

— Где... где ты ее взяла, Пенни? — я кое-как приподнялся и уставился на нее то ли с благодарностью, то ли со злостью.

— Нашла, — повторила Пенни.

Верю ли я в чудеса? В то кислое, дождливое утро я мог бы поверить во что угодно. Чудом было уже хотя бы то, что я двигался, снова осязал этот мир и впредь зарекся позволять себе любые излишества, которые только здесь, на острове дважды сулили мне отнюдь не героическую кончину. Но после стольких дней безнравственного прозябания я вдруг нашел зыбкую связующую ниточку с тем миром, откуда я бежал. Миром, который был подчистую разрушен, и все-таки странным образом продолжал жить внутри маленького предмета — зажигалки с памятной надписью: «Лучшему мужчине, который пахнет кофе и табаком, от женщины, которая пахнет его любовью».

— Что здесь написано? — спросила Пенни, глядя на мои вибрирующие от волнения и отходняка руки.

— Это о любви, — ответил я и убрал зажигалку.

Она вздохнула и отвернулась. Она все поняла. Не знаю, как ей это удавалось с ее скудным запасом английских слов, примитивным образованием и, скорее всего, скромным романтическим да и жизненным опытом, но Пенни все понимала. Понимала то, что люди на большой земле не могут усвоить годами. Понимала безраздельно и всерьез — про меня, про Сэма, про Сашу, про Криса. Ей не нужны были имена и числа их возрастов, данные геолокации, состава семьи и уровня IQ. Она видела в людях другое, но гораздо большее.

Она сказала мне:

— Эта девушка приехала танцевать.

Я понял, что Пенни говорит о Саше.

— Она тебе не нравилась?

Пенни пожала худыми плечами.

— Их много. Они все приезжают танцевать. Потом уезжают.

— Она сказала, что у нее есть парень.

— Да, — легко согласилась Пенни, будто бы сказанное было само собой разумеющимся. — Парень здесь. Парень там. Один парень — хорошо. Два парня — тоже хорошо. Они все приезжают, а потом уезжают.

— А зачем приехал я?

— Ты... — Пенни забралась рядом со мной на кровать и села в позу Будды, завернув ноги в причудливый узел. — Ты приехал жить. И ты тоже уедешь в свое время.

— Если я все равно уеду, то зачем я тебе сейчас?

— Сейчас это сейчас, — с важностью рассудила она. — Потом это потом. Потом иногда есть, иногда потом нет.

— Ты меня любишь?

— Да.

— Почему? Это ведь бессмысленно.

— Потому что люблю, — Пенни улыбнулась открыто и безбоязненно.

Так, как она, могут признаваться в любви только дети. Дети, которые просто любят, не озадачивая себя вопросами «Почему?».

Почему я любил тебя, Марта?

Мы встретились в кофейне Филадельфии совершенно неспособные к любви, занятые своими мыслями и делами. Ты переживала разрыв с парнем, с которым встречалась семь лет, а он так и не сделал тебе предложения, вдобавок гулял с сомнительными подругами и потом еще долго преследовал тебя, не давая спокойно забыть. Я недавно развелся с женой, похоронил собаку, похоронил любое доверие к женщинам, но бросился за тобой, а ты меня зачем-то подпустила. И все это только потому, что мы не задавались вопросом «Почему?». Мы делали так, как велело нам сердце — крошечный орган размером с кулак, которое шевелило нашу кровь и подбадривало: «Иди! Люби!».

Ты была бесконечно прекрасна в нашем уютном, сердечном плаваньи, где жили страсть, нежность, безумство, ревность, тепло, ненасытность. Мы превышали дозу друг друга не один раз, мы не боялись отравиться. Но в конечном счете любовь нас не спасла, не отгородила, не защитила, а сделала страдания лишь глубже.

— Для чего это все?! — кричала ты. — Тебе ничего не нужно! Ты просто плывешь по течению!

— Марта, я не понимаю, о чем ты!

— Все ты понимаешь! Зачем я тебе?! Перекантоваться до следующей подходящей женушки?! Сколько раз ты был на свиданиях за последнюю неделю?!

— Я не был на свиданиях! Я работал!

Я работал. Утром. Днем. Вечером. Несколько раз не возвращался домой, потому что уже не ходили автобусы, а я сэкономил деньги на такси. Я продал машину. Я хотел другую машину. Другую квартиру. Где в подоконнике не будет трещин. Где ты сможешь пить кофе, глядя в окно. Где будет настоящая большая ванная, куда мы сможем залезть вместе.

Марта, я хотел пить с тобой шампанское в новой ванной, слышишь? Я хотел пить с тобой шампанское!..

— Подонок!

Ты швырнула в меня вазой с цветами, которые я тебе принес. Та раскрошилась о стену, не задев меня. Цветы засыпало осколками.

К тому времени мы не занимались сексом уже два месяца. Если выдавался выходной,

мы проводили его либо в скандалах, либо в молчании. Я брал пальто и уходил. Возвращался, когда ты уже спала. Ложился рядом, изнывал от желания, но не трогал тебя, чтобы не разгневаться еще больше, потому что утром на работу, и я должен выспаться.

— Марта, я люблю тебя.

— Нет.

— Нет, я люблю тебя! Объясни, что все это значит!

Ты стояла среди сумок, набитых моими вещами. В таком виде я обнаружил тебя вечером, когда пришел с работы.

— Уходи.

— Я никуда не собираюсь идти.

— Уходи к своей шляхе!

— У меня нет никакой шляхи!

Ты заплакала и стала разбирать мои вещи обратно. А я наблюдал и не верил, что все происходящее происходит на самом деле.

Я присел рядом с тобой, плачущей и обезжизненной.

— Что случилось, Марта?

— Что случилось? — Пенни обхватила мое запястье, когда я попытался встать с кровати, и меня вдруг повело в сторону.

— Все в порядке, — соврал я. — Мне нужен кофе.

Пенни бросилась к плите, опережая меня, и велела никуда не ходить — это было разумным решением. Но я все-таки добрался до компьютера, чтобы заглянуть в почту. И я никак не ожидал того, что увидел на экране.

— Пенни, какое сегодня число? — я не поверил дате, которой значились последние входящие письма.

— Восемнадцатое сентября.

Восемнадцатое сентября... Стало быть, я провалялся без сознания больше суток...

По счастью, никаких срочных заданий я не обнаружил. Но сам факт того, что я просто-напросто уничтожил целый день своей жизни, вызвал во мне новую вспышку презрения к безрассудству, в которое я пустился.

Некоторые люди считают, что все в жизни можно купить за деньги. Пожалуй, это так. Большинство вещей имеют свой денежный эквивалент. Знания, впечатления, власть, здоровье, даже любовь можно в каком-то смысле (иногда в самом прямом) купить. Но есть то единственное, что никогда не удастся приобрести. Никогда. Ни за какие суммы.

Я говорю о времени — это тот неиссякаемый, бесплатный, но совершенно невозполнимый ресурс, который мало кто по-настоящему ценит. И я тоже не ценил.

Однако, пролежав трупом на полу десятки часов в беспомысленности и осознав, какой ценой заплатил за совершенную глупость, я внезапно прозрел: я не сделал ничего, абсолютно ничего стоящего, ни одной малюсенькой вещи. Я был бесполезнее растения и камня, хуже, чем паразит, — я просто потреблял кислород и ни на что не был годен. Ни мыслей, ни чувств, ни действий. Обезвоженное ничто.

— Пенни, я отвезу тебя домой.

— Нет, — замотала она головой с испуганными глазами. — Нет. Все хорошо.

— Пенни, я должен тебя хоть как-то отблагодарить.

— Нет. Нет. Не надо. Все хорошо.

Я уговорил ее взять немного денег и тем самым хотя бы чуть-чуть облегчил совесть.

Мне было страшно смотреть на себя. Небритый, немывтый, обросший как пещерный человек. Остаток вечера я самостоятельно приводил себя в чувства.

На следующее утро я поехал в город подстричься, а на обратном пути решил навестить Сэма.

Когда я уже сворачивал с пригородного шоссе в гористую местность, из кустов прямо мне под колеса выскочил какой-то зверек. На скорости я не успел разглядеть, кто это был, только крутанул руль влево, чуть не сбил встречный байк и затормозил у обочины колесами и ногами одновременно. Сланец зацепился за камень, его подошву оторвало, но нога осталась цела. Разумеется, я здорово испугался, но все-таки пошел посмотреть, что случилось с животным.

Я побродил вдоль кустов. На асфальте остался темный след — то ли от протектора, то ли от крови. Колючие ветки поблизости были поломаны. Очевидно, зверь удрал от страха. Я утешил себя тем, что он хотя бы жив, и уже собирался уезжать. Как вдруг в кустах кто-то протяжно завыл тоненьким, плачущим голоском. Не желая футболки и колен, я пополз на звук.

В ливневой ямке сидел щенок. Он сиротливо поджимал переднюю лапу и плакал почти по-человечески. Я приблизился, а он весь затрясся, но никуда не убежал. Я вытащил его на свет и оглядел, поднимая за шкуру.

Более нелепого пса придумать было сложно: тело у него короткое, рыжее, с сыпучей жесткой шерстью, а лапы длинные как у жирафа, при этом круглая маленькая голова и мохнатые лопухи вместо ушей — один лопух черный, второй темно-коричневый. Морда тоже черная, и на носу что-то вроде родимого пятна, розового, неправильной формы.

Щенок смотрел на меня несчастными обиженными глазами и будто бы попрекал за невнимательность на дороге.

— Сам виноват, — проворчал я. — И нечего так глазеть.

Пес снова заскулил, по всей видимости, от боли. Я снял футболку и уложил бедолагу в корзину на руле, которую использовал для перевозки покупок. Все бы ничего, животное туда поместилась целиком, только вот лапы торчали, а раненная телепалась при езде, словно пес приветствовал всех проезжающих и проходящих мимо.

Я отвез его к ветеринару.

В клинике мне сказали, что ничего серьезного не случилось. Лапу перевязали, дали каких-то таблеток, сделали укол, взяли кровь на анализ и вручили мне собаку обратно вместе с внушительным чеком за прием.

— Приходите через два дня. Уверен, с вашим мальчиком все будет в порядке. Только помойте его как следует, — улыбаясь, сказал мне молодой темноволосый доктор в халате и очках.

— Это не мой мальчик. Я его сбил случайно.

— Будет ваш.

— Сколько ему лет?

Доктор посмотрел на меня неодобрительно.

— Месяца четыре. Вы здесь живете?

— Да.

— Отлично. Он к вам быстро привыкнет.

— Ну, и что мне с тобой делать? — обратился я к собаке, когда мы уже вышли из

клиники в обнимку. Собака издала нечто, отдаленно напоминающее лай. — Ты еще и гавкать умеешь?

Я погрузил его обратно в корзину и направился к Сэму.

Пес вел себя совершенно мирно и даже почти улыбался, если собаки вообще умеют улыбаться. Мы добрались без проблем.

— Сэм! — крикнул я еще от ворот.

Я вытащил «своего мальчика» из корзины и поставил на землю. Неуклюже ковыляя на трех здоровых и одной перевязанной лапе, он без вопросов пошел за мной в кафе.

— Сэм, тебе собака не нужна?

Сэм перегнулся через барную стойку и уставился на щенка.

— Ты решил, что собаки лучше женщин? — усмехнулся старый растаман. — Да, приятель. Они верные.

— Может, себе возьмешь? Не выкидывать же его.

Сэм вновь оглядел пса.

— Он страшнее меня! На тебя похож! — Сэм расхохотался. — Оставляй, если хочешь. Назову его Джей.

— Только попробуй.

Я свалился на стул, а щенок тут же юркнул мне под ноги и прижался к ним. Я потрепал его за ухом.

— Он от тебя не отстанет, приятель, — Сэм подошел с двумя бутылками пива, одну протянул мне — ту, что была без алкоголя. — Друзей и женщин нам выбирает жизнь.

— Она же их отбирает, — сделал глоток ледяного пива, ответил я.

— Это верно.

Сэм, я и Чак (этим именем я в тот день назвал щенка) глядели на размазанную полосу в небе — большую, вытянутую тучу, за которой пряталось солнце, отчего края ее подсвечивались бледно-голубым неоном. Сэм кряхтел и шурился, а Чак был весел и игрив, даже несмотря на побитую лапу, о которой он, похоже, забыл и носился по веранде, развлекая остальных гостей бара собачьим лаем.

Я вспоминал наши с тобой споры, Марта, о целесообразности взять щенка домой, когда ты буквально давилась словами, доказывая мне, что нам просто необходим новый житель. Житель, который будет грызть твои туфли, будет пачкать обои и пол, который начнет будить тебя и меня по утрам тогда, когда мы явно не готовы просыпаться.

— Мы будем выгуливать его по очереди.

— Марта, я и так сплю по пять часов. Я не могу спать еще меньше.

— Тогда его буду выгуливать я, когда тебе надо на работу, а в остальные дни будешь выгуливать ты.

Я смотрел на тебя молча, не зная, что ответить.

Примерно так я сейчас глядел на Чака, чьего появления я совсем не ждал и не хотел. Я мог бы и впрямь оставить его Сэму. В конце концов, о кличке, я уверен (я почти уверен), он пошутил. Но вдруг я заметил в Чаки интересную и едва ли объяснимую вещь: он привязался ко мне чуть ли не с первых секунд встречи — стоило мне крикнуть ему, и он уже, путаясь в длинных худых лапах и раздувая парусами гигантские уши, летел на мой зов. С нами, дорогая моя Марта, произошло тоже самое: неожиданное, малоприятное столкновение, рука помощи с моей стороны, недоверие — с твоей, и вот буквально в тот же день неожиданно для самих себя мы влюблены и неразлучны.

Я вовсе не хочу сказать, что жалел сейчас онаших разногласиях. Как и прежде, я уверен, что тогда у нас не было ресурсов, а следовательно, и права — морального, этического, да какого угодно — взваливать на себя ответственность за чью-то судьбу: кошки, собаки или человеческого детеныша. Мы сами являлись неокрепшими организмами, чья жизнь подвергается каждый день сотням, тысячам опасностей. В свете этих размышлений я все сильнее поражался тому, как другие люди решаются на большие семьи. Что это — безответственность или храбрость?

Марта, ты часто говорила, что твоя мать хотела сделать аборт и рассказала тебе об этом впоследствии. Тебе, своему единственному ребенку, едва ли понимающему весь многотонный пласт родительских проблем, она признавалась в беспрекословной любви и в тоже время в пожизненном отвращении.

Пока ты была маленькой, она много плакала возле твоей кровати и до исступления сожалела, что не убила тебя зародышем, потому что вам двоим было трудно — и ей, и тебе. Ты родилась и будто бы загубила сразу двоих. Ты и твоя еще довольно молодая мама страдали вместе: она, потому что ни от кого не получала ни помощи, ни поддержки; ты, потому что не понимала, что вообще происходит, и почему мама плачет.

Когда же ты выросла и превратилась в юную женщину, твоя мать запела новую песню о том, как важно и необходимо удачно выйти замуж. К этому моменту она перестала называть тебя «ошибкой молодости» и уже гордо величала во всеуслышание «любимой доченькой» и «главным достижением в своей жизни». Под словом «удачно» она понимала в принципе любого мужчину не младше восемнадцати и не старше восьмидесяти лет, которого она назовет законным зятем. Но, что примечательно, ни один из возможных зятьев ей так никогда не пришелся по нраву.

Возможно, это и было фамильным проклятием, которым в последние годы твоя мать объясняла семейные неурядицы. Ее склонность к мистицизму ты, Марта, принимала со скепсисом и снисхождением, стараясь максимально отгородиться ото всего, что прививали тебе почти насильно. И все-таки во многих моментах я видел ту неизбежность, которая часто подстерегает кровных родственников, выросших под одной крышей, когда младшее поколение незаметно начинает копировать повадки стариков. Не всегда это можно отметить и зафиксировать общими фразами, убеждениями, жестами, но копия получается ужасно похожей, чем-то неуловимым, а оттого зловещим — так же я наблюдал, как день ото дня нахожу в тебе материнские черты, что не могло меня радовать, ибо, без ведомой причины, мы обоюдно разонравились друг другу еще до личного знакомства, а после него только укрепились во мнении.

Собственно, ничего плохого ни я ей, ни она мне не сделали. Но я для нее был и остался «сукиным сыном», а она была и осталась для меня твоей матерью, Марта, с которой я предпочитал по возможности не общаться и никак не называть.

И если твои детские воспоминания болели неизлечимыми травмами и почти стыдом за то, что ты посмела родиться, то из уст твоей матери я слушал исключительно о великом женском подвиге и невосполнимой жертве материнства.

— Мужчинам этого не понять, — говорила она мне с лукавой улыбкой, когда ты однажды вышла из кухни ответить на звонок. — По сути, любить и страдать, как Иисус, может только женщина. Потому что любовь — это страдание.

— Иисус был мужчиной, — заметил я и удивился, как она не отвесила мне подзатыльник.

Только посмотрела вопиюще надменно и снова улыбнулась.

Если б мог, я бы запретил улыбаться подобным образом на законодательном уровне. В сравнении с такой улыбкой и подзатыльник выглядел бы милым. Но нужно было изображать так называемое приличие, потому я не стал пускаться в дискуссии о том, что меня, вообще-то, вырастил отец, и что ты, Марта, не должна нести на себе ответственность за решения, которые принимали другие взрослые люди, пока тебя и на свете-то не было.

Мне не хотелось сбивать спесь с этой довольно черствой, своенравной, но все же родной тебе женщины. Она твоя мама, и мое почтение к ней, хоть и своеобразно, но решительно. Ты только не подумай, моя дорогая Марта, что я умаляю ее достижения и жертвенность. Но, возвращаясь к своей семье, я никогда не слышал от отца упреков за обязанности по уходу за мной. И оттого я не стал его меньше ценить и любить. Впрочем, и близостью похвастать тоже не могу. Однако связующие нас отношения, пусть прохладные, лишённые личных деталей, мне нравились намного больше.

Более того, я все прочнее понимаю ход его мыслей, словно бы дорастая до определенного возраста, во мне начинает говорить его генетика, которая утверждала: если уж так сложилось — выкручивайся, но постарайся сделать так, чтобы всегда складывалось, как ты того хочешь. Смерть мамы, конечно, не входила в его планы, но он выкрутился, а дальнейшую жизнь выстроил так, чтобы не создавать эпизодов для новой боли.

Так кто же он в этом случае? Великий стратег или трус?

Для меня отец — определенно герой. Герой тихий и невзрачный, брезгующий своими орденами. Он до сих пор немногословен и скуп на эмоции.

Когда мы с Чаком приехали в город за покупками, а заодно позвонить отцу из желтого таксофона, мне показалось, что мой пес более разговорчив нежели папа.

— Возвращаться не планируешь?

— Не думаю пока.

— Что ж, тогда передам привет тете Розе.

— Да, передавай, конечно.

Кто такая тетя Роза и для чего ей от меня приветы, я понятия не имел. Должно быть, она одна из тех все про всех сведущих родственниц, о которых никто точно не знает, к какой ветви родословной отнести, и которые в свою очередь помнят наизусть дни рождения всего семейства и всех соседей, живущих в радиусе от дома до супермаркета и парка.

Как бы то ни было, на этом разговор иссяк.

Я воткнул подмышку Чаки и вернулся к байку. Он уже приспособился кататься в корзине и делал это с удовольствием. Мне оставалось немного помочь Чаку опереться на руль, и дальше он сам запрыгивал и располагался внутри сетки.

— Что мы с тобой будем делать, когда ты вырастешь? — задал я вопрос собаке.

— Аф! — довольно ответил Чак.

— Вот не было печали. Свалился ты на мою голову.

— Аф!

Я погладил его по носу и подумал о том, что Чак совершенно невиноват. Это я, я сам принял решение оставить его, заботиться о нем — никто не просил меня об этом. С другой стороны, я пошел на этот шаг, потому что сейчас располагал временем и средствами, чтобы кормить его и ухаживать за ним.

Мы еще дважды были в клинике. Я купил собачий шампунь, ошейник, поводок и упаковку собачьего корма — все это вылилось в кругленькую сумму. Но, с учетом того, что

тратился я только на себя, и то — скромно, я мог себе позволить позаботиться еще о ком-то. Как Пенни ухаживала за мной, так и я ухаживал за Чаком — бездомным сиротой, непонятно как оказавшимся на той дороге.

— Аф!

— Нет-нет, я не ругаюсь, Чакки, — успокаивал я пса и попутно себя. — Я шучу. Выкрутимся как-нибудь, приятель. Выкрутимся.

Итак, Марта, я все-таки сделал это — я завел собаку. Не декоративную и отнюдь не самую тихую. Я завел себе настоящую проблему и обузу, и бог весь сколько раз поначалу причитал об этом решении.

Как было мною же предсказано, Чак растерзал мои единственные приличные кеды и каждое утро на рассвете вопил, чтобы мы пошли гулять. Было дело, я чуть не повесил на него голос, но вовремя вспомнил о твоих детских годах, когда ор на ребенка был совершенно обыденным явлением, и заткнулся — Чакки такой же ребенок, очень несимпатичный, но очень смышленный ребенок.

Например, если сравнивать с той же Дорой, Чак оказался в разы сообразительнее: я не учил его толком командам, но многое он как-то запомнил сам — «Ко мне!», «Рядом!», «Домой!» — все это они понимал легко, правда не всегда стремился выполнить. Дору я дрессировал долго и настойчиво, но ее интеллекта хватало только на то, чтобы забавно вилять коротким хвостом, и я в конечном счете прекратил измываться над животным. Ведь, как ни крути, я любил свою умильную собачонку вне зависимости от того, обучена она цирковым финтам или нет. И теперь, глядя на Чака, я наконец вспомнил, почему смерть Доры оплакивал тяжелее и печальнее, чем развод с женой.

В ее глазах, в глазах моей умершей собаки, и в глазах живого, развеселого Чакки было то, что я никогда не нашел ни в одной женщине.

Преданность. Собачья, фатальная, граничащая с безумием. Преданность, у которой нет синонимов и более доступных аналогов. Такая преданность намного сильнее любви, потому что никогда ее не теряет, а только включает в себя безоговорочно. Она почти недоступна людским существам, по причине высокого развития нашей нервной системы. Мы, люди, умеем эволюционировать в течение жизни, расширять кругозор и постоянно учиться новому вплоть до глубокой старости. Собаки же достигают пика развития уже через год и дальше почти невозможно что-то исправить в ее поведении и привычках. А если и возможно, то только с подачи и под руководством терпеливого человека.

Мы же, Марта, способны расти сами. Сами задаем себе вектор обучения и сами движемся в эту сторону, потому что мы — *homo sapiens*, разумные люди. Благодаря разуму, его гибкости, подвижности и, по сути, безграничным возможностям наше эго так же способно расти.

Именно эго запрещает нам прикипать друг к другу по-собачьи. Эго тяготеет к собственной индивидуальности. Оно одновременно портит нас и делает невероятно притягательными. Песью глаза, заглядывая внутрь наших зрачков, будто обращаясь к нашему эго, постоянно спрашивают, кто или что скрывается под жирными наслоениями нашего опыта? Что останется, если убрать все знания о себе? Не это ли в самом деле величают душой?

Собака глядит преданно и не видит перед собой мужчину, женщину, ребенка или старика. Собака не знает, сколько стоит твоя одежда и почему подорожал бензин. Собака глядит к тебе в душу и радуется, когда ты кормишь ее или ласкаешь. Но даже если ты не в настроении, собака не перестает тебя любить. Потому что она преданна тебе.

В какой-то из наших прошлых дней мне случайно показалось, Марта, что и в твоих глазах мелькнуло нечто отдаленно похожее. Это было в те дни, когда ты и я существовали

друг в друге больше, чем в себе самих. Наши личности максимально слились, увязли в однородном ощущении. Это был апогей наших отношений, еще до Парижа, до потери работы, еще до того, как стали активно насаждаться идеи о том, что нашему союзу нужны новые участники, новые статусы, новые ступени развития. Покуда мы были статичны и целостны, мы умели верить в преданность и не искать утешения в других глазах. И внутри себя я еще долго ощущал былой отклик, хотя отношения с тобой стали изменяться. Наверное, об этом ты и твердила из раза в раз, говоря, что мне «ничего не нужно».

Но, как любое живое существо, я нуждался во многом, и потребности мои так же могли претерпевать изменения.

Неизменным было лишь то, что я хотел быть с тобой.

Будто преданный пес.

— Чакки! Ко мне! Куда ты полез, дуралей?!

Я вытащил Чака из воды, куда он сбежал поиграть с детьми. Будь это местные дети, я бы слова не сказал. Но дети европейцев тут же испугались и с визгом бросились на берег.

— Извините. Он не кусается.

— Держите свою собаку на поводке, — сказала мне тучная дама, которая расселась на песке с голыми ногами и руками.

На голове у нее трепыхалась дурацкая панама с тремя пальмами, а вот солнцезащитного средства рядом я не увидел. Дама скосилась не меня, не понимая, почему я не ухожу.

— Солнце сейчас опасное, — сказал я. — Берегите кожу.

— Каждые полчаса начинается дождь.

— Я знаю. Но и под дождем можно сгореть.

— Вы городите ерунду! Я сама знаю, как позаботиться о себе!

— Хотя бы детей намажьте.

Я посмотрел на двух девочек, лет трех и шести — обе беленькие и светлокожие. Теперь они стояли в сторонке и игриво перешептывались, глядя на Чака и меня, беседовавшего с их матерью.

— Лучше уберите свою псину и не трогайте моих детей!

Чак обошел меня по кругу, опутывая поводком, и вдруг резко потрянул всем телом, избавляясь таким образом от влаги. Соленые капли с шерсти полетели во все стороны.

— Фу! Фу! — взвизгнула дама.

Я понял, что в самом деле пора проваливать. Не дожидаясь новых «комплиментов» со стороны обиженной женщины, я подхватил Чакки и направился к дому. Пожалуй, на сегодня наша утренняя прогулка была окончена.

Стоял полдень, и, хотя солнца не было видно уже несколько дней, духота и влажность чувствовались даже острее, чем всегда. Лучше всего это время провести в комнате под вентилятором. Пока Чак будет долго и нудно вылизывать свою шкуру, я могу спокойно поработать.

Через час в атмосфере будто бы стал заканчиваться кислород. Удушье расселось в каждом закутке, и спасение возможно было бы найти разве что в морозильной камере, оборудованной подачей свежего антарктического воздуха. Таковой у меня, конечно же, не имелось в доступе, и я придумывал, что мог: развесил по комнате смоченные в холодной воде полотенца и направил на них вентилятор. Сам же я помылся и ходил не одетый — любая одежка моментально натирала кожу, вызывая зуд. Я перестелил кровать чистой простыней и прилег немного отдохнуть.

Я лежал почти в трансе, чувствуя, как обмякают все конечности, пустеет голова, а внизу живота нарастет мелкая, навязчивая пульсация. Я попробовал ее прогнать мантрой, вызывая в воображении четкие геометрические образы, помогающие в концентрации. Но пульсация переходила в жжение, а грудная клетка поднималась все выше и все ниже проваливалась, учащая амплитуду вдоха и выдоха.

Я уже знал, что возбужден и что никто не может мне помешать. Потому смело потянулся ладонями к паху, чтобы помочь себе восстановить баланс...

— Джей!

Пенни влетела в комнату, и я чуть не схватил Чака вместо подушки, чтобы прикрыть свою наготу.

— Ай!.. Ай!.. Прости... — Пенни уткнулась глазами в пол и покорно замерла возле двери.

— Ох, черт... Пенни, я не ждал тебя... — я сидел совершенно голый и совершенно растерянный с подушкой на коленях.

Зато Чакки не растерялся: подбежал к Пенни и приступил к обычным для него верчению и скачкам. Но Пенни даже собаку не трогала. Она безвольно опустила руки, и Чак облизывал ей пальцы, а Пенни никак не реагировала, только покусывала нижнюю губу.

— Пенни... — я спешно надел шорты. — Я думал, ты на смене.

— Выходной. Сэм сказал идти, а он сам, один. Сегодня мало гостей.

— Мало, да, — согласился я, все еще ужасно сконфуженный. Я подошел к Пенни и осторожно заглянул к ней в глаза: — Пенни, ну, брось. Ты что, не видела этого раньше? У тебя же куча братьев. Это обычное дело для мужчин...

Она помотала головой, вроде того, как это делает Чак, но, в отличие от него, Пенни выглядела не очень забавно.

— Джей, я знаю, как делать, — решительно предъявила она мне всю свою истовую готовность. — Ты можешь мне сказать. Я сделаю.

— Что сделаешь?

Она подумала несколько секунд и сказала:

— Всё.

И в этот момент в ее хрупеньком тельце уместилось столько отваги, что не хватало только боевого марша, чтобы создать подобающий фон этим сверкающим глазам и выправке.

— Мы уже обсуждали это с тобой, — строго сказал я и ушел готовить кофе.

Я мыл турку, когда Пенни вдруг обхватила меня за талию и прижалась сзади. Я чувствовал ее отрывистое дыхание на своей спине, ее губы приросли к моей коже, а ладони очутились на шортах, отчего я на минуту прекратил двигаться и застопорился над раковиной, абсолютно ничего не понимая.

Впрочем, понимать было нечего.

Пенни просила, практически умоляла о близости со мной. Близости настоящей и долгожданной для нее. Ни одна женщина никогда прежде не просила меня взять ее. Если не считать наших с тобой игр, Марта, когда непристойные просьбы и требования были частью секса, я не помню случаев подобного горячего желания. И, пожалуй, одно лишь осознание уникальности ситуации будоражило меня сильнее, чем физическая разрядка.

Пенни стала целовать мой позвоночник.

Странное ощущение, приятное, колкое, шелковистое. Будто по спине у меня

трепыхалась раненная бабочка, цеплялась крылышками за человеческую кожу, ища опоры, но падала от бессилия вниз, затем снова поднималась чуть выше.

Ты так делала, Марта... Дотрагивалась подушечками пальцев легонько. Не давила, а именно касалась едва-едва...

— Пенни...

Я развернулся на месте, а Пенни внезапно уменьшилась высотой в два раза и встала на колени передо мной.

Я с дурацкой туркой в руках, эрекцией между ног и ошалелыми глазами смотрел на нее сверху вниз. Пенни меж тем уткнулась лицом мне в живот и взялась за шорты с двух боков, намереваясь их стянуть.

— Пенни... — сорвавшимся голосом лепетал я как школьник младших классов.

Это могло бы вылиться в мой самый необычный на данный момент сексуальный опыт, но, к счастью, тут подскочил Чак и стал тыкать своим мокрым носом прямо в руки и глаза Пенни. Он громко лаял, веселился и пытался всячески быть сопричастным, наверное, подумав, что мы без него затеяли что-то задорное для его собачьего ума.

Его вмешательство позволило мне прийти в себя и осознать, что я не должен идти на поводу у соблазна.

— Чак, фу! Да прекрати же ты! — я отогнал пса, а Пенни осталась по-прежнему сидеть на полу.

Она сама чем-то напоминала собаку и с готовностью вверяла мне свою жизнь — духовную и телесную. Она не хотела подниматься с колен, как я не просил. Ей проще и приятнее было бы стать моей тряпкой для натирки пола или ковриком у дверей, лишь бы я не гнал, лишь бы оставался с ней.

— Пенни, вставай, пожалуйста.

Она свернулась клубком вокруг моих стоп и плакала.

— Пенни, Пенни, прошу тебя...

Она плакала, плакала, плакала и ни за что не хотела подыматься, будто уже определила себе свое место в жизни, которое более чем устраивало. Но проблема была в том, что это не устраивало меня.

В конце концов, я сдался и отошел. Дал ей выплакаться вволю. Чаку я не мешал слизывать ей слезы. Пенни выглядела жалко и удручающе. Она пролежала в таком состоянии не менее получаса. Поняв, что сама она не решится сменить положение, я приподнял ее на руки и отнес на кровать, но не с тем, чтобы заняться там сексом. К тому моменту возбуждение окончательно покинуло меня, чему я был очень рад. И только все думал, глядя Пенни по вялой худой руке: изменил бы я свое решение, будь она биологической женщиной?

Могу поклясться, что в последний момент я прорвал полог наваждения, вспомнив вовсе не о том, что Пенни — мужчина, а о том, что мы — друзья. Скажу даже больше, я видел в Пенни кого-то вроде сестрѐнки. Знаю, что это звучит странно. Я и сам прежде мог бы заявить, что никакой дружбы между парнем и девушкой быть не может. Но теперь я все же повстречал ту, к которой относился трепетно, даже, может, отчасти ревностно, но при этом отнюдь не желал затащить ее в постель.

Как так получилось, я и сам не знал. Знал лишь, что разбиваю ей сердце. Знал, что мои убеждения в том, что она обязательно повстречает хорошего мужчину, слабо утешали ее. Если я исчезну, я сделаю ей больно. Если останусь рядом как друг, буду и дальше принимать ее заботу и всячески заботиться сам, я сделаю ей больно. Если я позволю себе овладеть ею,

разрешу нежности Пенни выйти за грань сестринской добродетели, я сделаю ей больно.

Потому мне оставалось только выбирать, какая боль — наименьшая.

— Пенни, — сказал я, — я люблю одну женщину. Давно люблю. Она живет в моей стране.

Пенни кивнула, давая понять, что слышит меня. Она свернулась в позу эмбриона на постели, и ее голова утыкалась мне в бедро. Пенни обнимала себя за плечи, а я гладил ее ладонь с бронзовыми выпуклыми венами. Я водил по ним пальцем.

— Пенни, — сказал я, — думаю, какой-нибудь классный парень из здешних мечтает о такой, как ты. Чистой, преданной, заботливой.

Чак запрыгнул на кровать и улегся прямо под нос к Пенни. Они обнялись сиротливо будто двое бездомных. Глядя на них, я никак не мог удержаться от мысли, что, возможно, сделаю благо, если оставлю Пенни у себя. Пусть она, как Чакки, находится рядом — согревает меня, согревается мной, почему нет? Я же сам сказал, что ни разу не встречал в женщинах собачьей преданности. Но Пенни — уникальный в моей жизни случай. Она словно готова была отказаться от своей человеческой сути, от эго, стереть свою личность.

Но тогда вопрос следовало бы задать иначе: а нужна ли мне такая женщина? Или еще точнее: нужна ли мне вторая собака?

— Пенни, — сказал я, — однажды ты будешь счастлива с другим парнем.

— Я не хочу другого парня, Джей, — улыбнулась она.

Я проглотил комок в горле.

— Давай будем друзьями, Пенни?

Она опять закивала и опять заплакала.

Где-то на подкорке я слышал ехидный, зудящий голосок: «Ты поступаешь как свинья!», и почему-то говорил он в точности как Крис, в его стиле. Но, прислушавшись, я понял, что мятежный дух Криса тут совершенно ни при чем, а в голове у меня крутит затертую пластинку давнее воспоминание.

В нем я и ты, Марта, сидим в кафе. Я сосредоточен на твоих пальцах, листающих меню. Пальцах, что какой-то час назад похищали меня прочь из разумного мира и разыгрывали партии на моих потайных клавишах, о которых я не подозревал.

— Бедняжка, — сказала ты.

— Кто?

— Она.

Твой палец символично описал дугу в воздухе, и я понял, что мне стоит увидеть то, куда он указывает.

Через два столика от нас, сгорбившись над сложенными будто в молитве дрожащими ладошками, сидела девчонка лет девятнадцати. С пунцовыми от едва сдерживаемых слез щеками и мертвенно-бледным от душевной муки подбородком. На стуле напротив — парень ее возраста. Вид у него был скучающий и вялый.

— Она его любит, — сказала ты, — а этот негодяй привел ее сюда специально, чтобы расстаться.

— По-твоему, он негодяй просто потому, что хочет расстаться? — спросил я.

— Погляди сам, — занервничала ты, будто дело касалось тебя напрямую, и сейчас страдала твоя гордость, твои личные чувства жестоко попраны малолетним красавчиком. Ты почти ударила кулаком: — Он не пускает ее. Говорит, смотри! Говорит ей — читай по губам: «Дело не в тебе... Ты хорошая девушка...» И разрешает ей плакать при нем,

унижаться. Он кайфует с этого!

— Он просто хочет расстаться по-человечески.

— Черта с два, Джет! Я сейчас подойду и врежу ему по его самоуверенной морде!

— Марта! — я схватил тебя за запястья.

Я не был уверен, что ты способна на такое, но в тот момент уверенность моя пошатнулась.

— Бога ради, — упрашивал я горячо, — что на тебя нашло? Ты все могла неправильно понять.

— Это как же — неправильно?

— Так, что и придумать сложно. Ты даже не знаешь их. Они могут общаться, о чем угодно, что угодно может их связывать. Может, все совсем не так.

— О, Джет! — зло рассмеялась ты. — Старо как мир! Один влюблен, а второй просто позволяет себя любить до поры до времени. Затем ему это надоедает, но... — ты подняла палец вверх как учительница младших классов, преподавая урок мудрости вчерашним детсадовцам.

— Видишь ли, — продолжала ты сгущать краски и понижать голос, — влюбленная женщина пойдет на все. Это очень выгодное подспорье. Начиная с легкодоступного секса, заканчивая любыми материальными благами. Она отдаст все, — произнесла ты с какой-то торжественностью, трагической, но достойной восхищения.

Я скрестил руки на груди и снова посмотрел на тех юношу и девушку. То, что ты рассказала о них за глаза, Марта, очень было похоже на правду, но, скептик по природе, я не мог быть уверен стопроцентно. Меня волновало немного другое.

— Вот ты говоришь — «влюбленная женщина», — хорошенько обдумав твои слова, заметил я, — а что если не женщина, а мужчина влюблен безответно? Так ведь тоже может быть?

— Наверное, может, — ты не придавала должного значения моим словам. — В любом случае это выглядит не настолько пошло.

— Сомневаюсь...

— Ты всегда сомневаешься, — обрубил ты и глянула туда же, куда я. — Конечно, эта девочка и все подобные ей — ужасные дуры. Но этот «супчик» куда хуже. Он как собака на сене: и с ней не будет, и от себя не отпускает — вдруг пригодится?

Я покачал головой, не зная, согласиться мне с тобой ради собственной безопасности или продолжить этот пространный и беспредметный спор. Честно сказать, я предполагал для нас более нежную беседу, но вместе с тем я находил отчасти трогательным твой пристальный взгляд к незнакомым людям. Быть может, как раз за ним скрывалось доброе сердце.

— Хорошо, — наконец, решил я с самым участливым видом и напустил на себя такую важность, чтобы ты ни минуты не сомневалась в моих словах. — Скажи как нужно правильно расставаться, Марта?

— А тебе зачем? — ты и тут нашла подвох, причем, судя по твоему лицу, наиподлейший.

— Для общего развития, — выкрутился я.

— Для общего?

— Для общего.

Ты усмехнулась, намекая на то, что одурачить тебя не так уж просто.

— Мой милый Джет, если тебе однажды предстоит с кем-нибудь, — тут ты сделала настолько выразительный акцент, что не осталось сомнений, кого именно ты имеешь в виду, — придется расставаться, делай это одним рывком. Жестоко. Безжалостно. Никаких отступлений. Никаких путей назад. Никаких «может быть» и «а если вдруг». Уходя уходи. Забирай все — чувства, вещи, память. Неси на помойку и даже в мыслях не имей возвращаться. И тут неважно, любишь ты или нет. Любят тебя или проклинаяют. Нет ничего хуже новых бывших любовников. Разве что новые друзья из старых бывших любовников. И то, и то — издевательство, придуманное, чтобы иметь в жизни «запасной план». Эдакий «тревожный чемоданчик» на случай тотального невезения со знакомствами.

— Считаешь, люди не могут окончательно расстаться только потому, что не могут устроить отношений с действительно новыми людьми?

— Конечно.

Ты повернулась к парочке, которая за прошедшие полчаса стала нам чуть ли не родной — так откровенно и глубоко засела их трагедия в нашем споре.

Ты, Марта, взяла бокал вина, отпила и немного расслабилась, а потом сказала:

— Посмотри на нее. Он будет звонить ей раз в неделю, грустный и пьяный, и говорить всего одну фразу: «Я скучаю», а она будет тут же срываться и лететь к нему через весь город, тратить последние деньги на такси, чтобы раздвинуть перед ним ноги и пережить вместе всего одну ночь.

— А что если она будет счастлива этой ночью?

— А ты веришь в такое счастье? — тихонько рассмеялась ты, будто видела перед собой наивного мальчонку, чьи слова никак нельзя воспринимать всерьез.

— Я верю, что счастье у всех разное.

— Нет никакого счастья в унижении.

— Она не унижается, пока любит.

Ты долго и пристально смотрела мне в лицо. Твои глаза подрагивали нервно и увлажнились все больше и больше, но ты как-то сдержала слезы. Должно быть, твои собственные воспоминания были причиной этих слез, и они же заставили тебя сдержаться.

После продолжительного и морально тяжелого молчания ты сказала:

— Ты просто не знаешь, что такое унижение. Так вот, не дай и мне никогда узнать с тобой, что это такое.

Я должен покаяться перед тобой, моя дорогая Марта, что не выполнил в точности твое наставление. Может, забыл, а может, просто не хотел помнить твои требования. Я не считал их серьезными условиями нашего союза. И потому в тот злополучный вечер, когда ты собрала мои вещи, я не ушел, а остался стоять как истукан и обтекать подробностями случившегося кошмара. Наверное, тогда для меня в мире еще существовали ужасы пострашнее боли надломленного доверия, но утром я все-таки ушел. Но уже по другой причине. А потом еще не раз звонил тебе и молчал в трубку.

Это был я, Марта. Я. Тот, кто не умеет любить свое прошлое, не умеет хранить тепло забытых объятий, но я, который не сумел уничтожить из себя мысли о тебе в одночасье. Я и тогда понимал, и теперь прекрасно вижу, что ты была далека от книжно-лирических описаний настоящей женщины, но это не помешало мне желать тебя и месяцы спустя, когда я перестал доставать тебя бесплодными звонками.

Кто я после этого? Слабак, трус или эгоистичное чудовище, которых ты порицала всеми силами?

Впрочем, я был знаком с историей расставания с твоим бывшим. Он выжал тебя насухо, а ты ругала себя за безволие. Да и его тоже ругала, но себя — больше, потому что любое недовольство всегда происходит от недовольства внутреннего. Когда мы ругаем кого-то, зачастую мы ругаем себя — за слабости или доверчивость, за большие и маленькие промахи. Вина других отражается в нас, а мы с удовольствием перенимаем ее как самый ценный подарок.

Но мне не хотелось винить себя за судьбу Пенни. За чудовищную боль, которую она испытывает, отстраняясь от меня. Потому, когда она немного оклемалась, я сопровождал ее к выходу. Я знал, что прошу ее не просто уйти за дверь, я прошу ее не возвращаться. И, нет, Марта, я не надеялся на то, что она полетит ко мне в те одинокие моменты, когда мне будет необходим хоть кто-то. А они обязательно наступят, эти моменты, как у любого живого человека. Наступят, и я буду вспоминать ее, тебя, даже Сашу, буду ломать ребра криком о помощи, но не стану ее звать. А она сама придет, позову или нет, как приходила всегда. И я не в праве буду лишить ее и себя этой радости.

И все-таки я не провожал Пенни с легким сердцем. Напротив, сердце мое было тяжело и печально, несмотря на то, что пытался я его вразумить. Разум не помогал.

Пенни закрыла дверь за собой, а я остался один. Чак подошел и посмотрел на меня снизу-вверх. Он как бы спрашивал: «Ну, ты чего, приятель? Какие наши беды?»

— Чак, — сказал я, обращаясь к псу, — ты бы предпочел отрезать себе яйца, чтобы не страдать по женщинам? Или предпочел страдать всю оставшуюся жизнь, потому что всегда и со всеми будет происходить какая-то херня?

— Аф! — сказал Чакки.

— Ну, вот и я тоже, — согласился я.

Вечером я сидел в полудреме за ноутбуком и клевал носом. Мне нужно было доделать кое-что по работе. Чак в это время носился по комнате и сбивал меня с мысли.

Казалось, он специально выбрал самую шумную игрушку, чтобы я наконец обратил на него внимание. Я купил ему недавно в зоомагазине желтую резиновую курицу с пицалкой под хвостом. Курица Чаку понравилась, и теперь он терзал ее зубами, перетаскивал с места на место, рычал, замирая над смолкнувшей добычей, а затем снова принимался душить ее и мять лапами, отчего при каждом движении курица верещала на полную громкость, будто и правда билась за жизнь.

Не выдержав, я отнял у Чакки игрушку. Он начал прыгать за руками, лязгать пустыми челюстями и все вокруг орошать слюной и лаем. Я попробовал его приструнить. Не получилось. Потом решил поиграть с ним и хорошенько вымотать. Но сил и задора у Чака было куда больше, чем у меня. Я сдался первым, а пес продолжил наматывать круги и радостно бесновать. В конце концов, я вернул ему желтое чудище, перед этим проковырявшись у нее в заде и ликвидировав пицалку. Чак недолго погрыз курицу и бросил, потеряв к ней всякий интерес, потому что молчаливая игрушка, по всей видимости, оказалась ничем не лучше скучной любовницы, с которой не знаешь, что делать в постели, и вообще иногда сомневаешься, жива она еще или же просто уснула.

Кстати, на эту тему мы как-то спорили с тобой, Марта. Ты говорила, что поведение женщины во время секса полностью зависит от мужчины. Если кавалер безобразно туп и предсказуем как таблица умножения, у женщины пропадает любое желание шевелиться, и она просто отбывает под ним повинность «членоприемника» (еще одно твое замечательное словечко).

Но я был в корне не согласен с тобой.

— Послушай, не горячись, — говорил я, умиряя твой пыл, всегда нарастающий в спорах, ласковым поглаживанием по спине.

Ты лежала на диване в дряблой майке на четыре размера больше, которую неизвестно зачем было надевать, если она ничего не скрывает, и набивала рот черешней. Твои губы окрасились бордовым, а сок струился по подбородку. Черешню ты запивала пивом и плевать хотела на то, что они не сочетаются. Ты просто хотела пива и черешни одновременно.

— Мне попадались разные женщины, Марта. И некоторые из них в постели были... Как бы это сказать... Довольно скучны.

— В чем это выражалось?

— Ну, в чем, в чем?.. В отсутствии страсти. В скупом выражении эмоций.

— Значит, ты их эмоционально подавлял.

— Я? — искренне удивился я. — Марта, ты можешь себе представить, чтобы я кого-то эмоционально подавил?

Ты посмотрела на меня лукаво и оценивающе.

— Нет.

— Даже не знаю, комплимент ли это...

Ты засмеялась и потрепала меня по голове, как теперь я иногда треплю Чака.

— Просто ты был неопытен и скован. Ничего страшного.

— Ну, знаешь ли... — я делал вид, что не обижаюсь, но тебя в таких вопросах было не провести.

— Джей, — ты свесила голову вниз с дивана и смотрела на перевернутого меня, — это наверняка было по юности. Может, еще в школе. Да?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Ты снова перевернулась и глядела уже настороженно.

— Ну-ка, расскажи.

— Не буду.

— Расскажи.

— Не буду.

— Почему не будешь?

— Потому что ты разозлишься.

— Разумеется, я разозлюсь! — в нетерпении ты стала теревить свою ужасную майку. — Но мне интересно!

— Я не сомневаюсь. Но я хочу сказать о другом. Что не всегда поведение партнера зависит от второго участника действия. Есть люди, скованные сами по себе. Это, можно сказать, их стиль. Они ни с кем не станут вести себя развязно и выдавать феерию.

— Неправда. Просто нужен подходящий партнер. Вот и все.

— Ладно. Пусть так, — временно согласился я. — Но, знаешь, иногда это даже возбуждает.

— Что?

— Скованность. Отсутствие громких звуков и резких телодвижений. Что-то в этом есть. Конечно, не на постоянной основе.

Ты обдумала мои слова, доела черешню, запила пивом. Затем молча встала и понесла пустую тарелку в кухню. Послышался звук включенной воды. Ты мыла посуду.

Я подошел и встал сзади. Убрал твои рассыпавшиеся по всей спине волосы на одно плечо, которое было условно одетым в клочок ткани. Второе же плечо было полностью голым и доступным для поцелуев. И я целовал тебя, прижавшись как можно плотнее.

— Мне молчать? — спросила ты.

— Молчи.

— И не двигаться?

— Не двигайся.

Твой затылок опрокинулся ко мне на грудь, когда я вошел в тебя сзади, но ты сдержалась и не издала ни звука. В кухне стояла полная тишина, не считая моего и твоего дыхания и мягкого соприкосновения друг с другом двух тел в одном темпе. Ничто не

отвлекало от ощущений сладостного слияния. Мы чувствовали целиком, как горячают живые ткани, наливаясь кровью, и как совершенно дополняют одно другое части нашей плоти...

— Аф! — резанул Чаки мне прямо в ухо, и я едва не свалился на пол, потому что этот гаденыш, похоже, решил довести меня до инсульта любым способом.

Я понял, что никакого покоя дома мне не светит, и, хотя на улице смурнело, а небо по привычке налилось грозowymi тучами, я схватил ключи и направился на выход.

— Аф! — Чакки скакал за мной вдогонку.

— Нет уж, парень, ты остаешься здесь.

Я отодвинул щенка от двери, но в Чака будто бы бес вселился. Я кое-как справился с ним и все-таки ушел из дома. Завел байк и погнал в центр.

Что-то происходило со мной, жестокое и несправедливое. Внутренне я метался, пробовал договориться с собой и каждый раз меня впаивало в прочную стену, которую сам в себе выстроил, но преодолеть собственноручно не мог. Еще никогда я так остро не нуждался в друге, как в тот день.

Я мог совершить любое действие и в одиночку — пропустить стаканчик в баре, выкурить косяк или купить себе женщину на пару часов. Мог даже поговорить сам с собой, не боясь окончательно рехнуться, потому что рехнулся я давно, а повторное сумасшествие уже не так страшно.

Я смотрел в бесполезные лица чужих людей, но все они казались не более чем серыми пятнами на обесцвеченном экране старого телевизора, где краски ты придумываешь по своему вкусу, но никогда они не могут в точности совпасть с тем, как было на самом деле. Среди всех этих лиц не было мне знакомых, и я сомневался в том, хочу ли знакомиться. Я был почти уверен наперед, что не найду радости ни в ком, кто так или иначе оказался сейчас со мной в одних географических координатах.

«Где ты, Крис?.. — думал я, сникнув над барной стойкой, где мы сидели с ним два месяца назад и караулили местных девчонок. — Где ты, чертов дурень? Лучше бы тебя правда сожрали акулы — хоть какая-то вероятность узнать о тебе новости...»

Но новостей не было. Акул тоже. Пресса в последнее время молчала о тревожных происшествиях. Но мне отчаянно не хотелось верить, что последняя моя сердечная ниточка к живому человеку усохла и отвалилась навсегда.

«Где ты, Крис?..»

Голоса толпы подпрыгивали и обрывались, еле слышно роптали и плакали жалостливо. Иногда доносился смех, иногда — крик. Иногда я отчетливо слышал мужской спор, а иногда — женское возмущение. Все это щедро обливала музыка, гудки байков, шлепанье сандалий по лужам и кряхтение повозок с едой. И чем темнее становилось небо, тем больше пребывало людей, тем бурнее стонала толпа.

Кто-то посматривал на меня с интересом. Несколько женщин, русых и светлокожих, специально заняли места поцентрее, чтобы видеть всех, и меня в том числе. Но большинству окружающих до меня не было никакого дела, даже если я подолгу глазел на них и прикидывал, какова вероятность сойтись с кем-нибудь сегодня и отвести душу.

Я знал, что за каждой синью и за каждой темнотой глаз, подо всеми рубашками, майками и бюстгальтерами спрятаны живые, настоящие судьбы, и невольно задавался вопросом: отчего тогда так трудно расчехлить собственную кисейную душу и перестать мучиться одиночеством? В конце концов, и с Крисом мы тоже были некогда незнакомы. И с Пенни. И с Сашей. И с тобой, Марта. Может, всю эту доверительность, все это родство и

принятие мы только выдумываем себе, а на самом деле примем и сдружимся с кем угодно, если захотим?..

Быть может, на меня ниспадала убогая старость, а молодецкое ухарство отживалось потихоньку и мертвело, но за последние годы я не мог похвастать обилием друзей. Друзья были в тезникуме и университете, но большинство из них переженились и перепились, иногда — и то, и другое одновременно. С ними были весело во времена учебы, а во взрослой жизни я ни по кому не скучал. Пробовал пообщаться как-то: ходил раза два на так называемые встречи выпускников. Интересно было первый час. Дальше все напивались, и кто пытался ностальгировать, кто — умыкнуть у нынешнего времени немного тепла и мимолетной нежности старых подруг. Но я, по своему убеждению, чурался бывших женщин, а замужние или разведенные сокурсницы интересовали меня не больше любой другой случайной любовницы на один вечер. Разве что сплетен мне не хотелось, которые непременно бы поползли, случись такое свидание. Потому с этих встреч я никого не затащил в постель не из благородства, а из соображений банального спокойствия. А старые друзья оставались такими же старыми, даже еще немного старше, чем раньше.

На работе складывалась примерно та же картина по части дружеского общения. Я дружил со всеми и ни с кем. Я понимал, что дружба с коллегами чревата перекосами в профессиональной сфере: кто-то мог воспользоваться личной информацией о тебе в качестве компромата — шантажировать или втихаря подтачивать репутацию, кто-то мог не совладать с эмоциями, если вы в ссоре, и начать устраивать козни в рабочей среде. Одним словом, я хорошо относился к коллегам в большинстве случаев, но чересчур близко не подпускал.

Только к Башо проникся сильнее обычного, но за этого дурака я не переживал. Себастьян был не из тех людей, к которым липнут неприятности, а на каждом углу поджидают приключения. Башо предсказуем как плесень в старых квартирах вблизи рек. Я мог позвонить ему хоть сейчас, и — Который час? Девять? Значит, на родине сейчас четыре часа дня, — Башо окажется либо в курилке в дальней части нашего офиса, где часто курят складские ребята, у которых больше всего сплетен, либо уже стоит возле чайника в ожидании, когда тот закипит и можно будет заварить пакетированный чай — всегда одной и той же марки, что Себастьян покупает вот уже больше пяти лет.

Такой вид дружбы, как между мной и Башо, полезен и приятен, но не необходим. Однако положение мое сейчас было паршивым настолько, что я бы даже не отказался от гадкого пойла Башо — чая или чего покрепче.

Я повернулся к бармену, попросил налить виски. Мне плеснули в стакан янтарного самогона, в котором, похоже, утопилась стая гнилых мух, но я все-таки выпил немного — уж очень не хотелось мне больше оставаться трезвым в компании с собственным одиночеством. К тому же, с другой части стойки на меня очень настойчиво поглядывали.

Никакой особенной магии в тех глазах не было. Даже путаны иной раз смотрят гораздо сочнее и вызывают чувство легкого голода вне зависимости от сытости в настоящем. И все-таки я позволил этому зрительному контакту состояться. После этого я допил виски и пересел в уже заготовленное для меня место с того края бара, куда глядел.

Дорогая моя Марта, ты, конечно, скажешь, что пьяный мужчина и смелый мужчина — это, в сущности, синонимы. Но я бы уточнил, что для смелости мужчина должен быть не только пьян, но еще обречен. Как был обречен я на отвратительную и промозглую ночь, полную въедливого эротического желания, которое не привязано к какой-либо личности. Я

даже не буду врать, что вожделем именно тебя, Марта. Кажется, я дошел до точки, когда безразличие порождало неразборчивость. И то, что я удержался от соблазна воспользоваться щедрым предложением Пенни, скорее только больше разгорячило меня. Я не чувствовал себя героем. Я чувствовал себя оловянным солдатиком, все олово из которого перетекло в штаны.

Я подошел слегка развязно. Можно было подумать, что я проделывал такие трюки не единожды. Но это было не так. Развязность заменяла мне уверенность, и я постоянно косился в сторону, не смотрел в глаза. Это должно было придать моему появлению величавости. Хотя сложно быть величавым в пляжных шортах и цветной рубашке навыпуск в баре, где из трезвых — только бродячий кот.

— Привет, — сказал я.

Четверть часа спустя я узнал, что ее зовут Мария, ей сорок пять, и она ужасно говорит на английском. Сверху этого я понял уже собственным шестым чувством, что сюда Мария прибыла не одна, и только в этот вечер у нее есть небольшой шанс побыть холостячкой. Так что ей, в общем-то, как и мне, было одинаково прохладно, кто составит ей компанию и как далеко это может зайти. Впрочем, языковой барьер все больше подталкивал к тому, чтобы перестать общаться словами.

Слушая Марию, я подсчитывал наличность в карманах и вспоминал, к каким съемным комнатам ближе всего идти. Мне почти не пришлось намекать. Мария как большая мокрица слезла с барного стула. Я подал ей руку, она покраснела. И хотя робость ее была искренней, я отвернулся и не смотрел всю дорогу, пока вел к апартам.

Исходя из того, о чем она сбивчиво тараторила, перескакивая с английских слов на свой родной язык и просто охая кстати и некстати, я догадался, что вряд ли она бывала в подобных местах. Она была приличной женщиной с насиженным прошлым. Мне следовало бы проявить больше человеческих качеств, когда она заявила, что я похож на ее сына. Но почему-то именно это замечание разозлило меня.

Я закрыл дверь. Свет зажигать не стал. Вынул из кармана уже немного помятые квадратики из фольги, которые остались после отъезда Саши.

Мария посмотрела на меня испуганно. Может, так было положено в ее молодости — сначала сделать убедительный вид, что не понимаешь происходящего, — часть сексуальной игры, которая скорее выглядела нелепо при нынешних обстоятельствах. Но затем она стала подминать руками подол сарафана, чтобы не споткнуться, а после опустилась передо мной на колени, уже зная, что полагается делать в этой позе.

Я выкинул все лишние ассоциации из головы. Старался не представлять ни одного из знакомых мне женских лиц, старался не видеть мученические глаза Пенни, старался просто расслабиться. Старался не думать, что я с чужой женой, которую, быть может, кто-то ищет, которая не нравится мне ни как женщина, ни как человек. Для меня это вдруг стало неким триумфом самоуничтожения. Бесстрашием, проистекшим от безрассудства. Бесстрашием с однокоренным безразличием. Наверное, только тогда я понял и усвоил всю ядовитую суть цинизма. Циник — не тот, кто никогда не любил. Циник — это тот, кто прекратил во что-либо верить. В первую очередь в себя.

Все происходящее виделось мне дикой фальшью моего прошитого сквозными ранениями ума. Эта комната, этот блеклый дождь за окном, эта полуголая, когда-то красивая женщина, стоящая на четвереньках, — все это куски диафильма, который я сам придумал ради забавы. Однако сам же не находил здесь ничего забавного.

После я сидел на краю кровати, уперев кулаком в подбородок, и решал, хватит ли у меня бензина отвезти Марию к ее отелю и вернуться затем домой, потому как запасной бутылки с топливом у меня не было.

— Джет... — Мария обняла меня за плечи, и мне захотелось стряхнуть ее, но я сидел неподвижно.

— Что?

— Мне понравилось.

«Господи боже, — подумал я, закрывая глаза, — зачем она это говорит?!»

— Я рад, — сказал я вслух и встал.

— О ком ты думаешь?

«Быть может, она хотела спросить — о чем?..»

— О своей собаке.

— У тебя есть собака? — как будто бы даже обрадовалась Мария. — У меня есть собака. Кэтти.

— Почему твою собаку зовут как кошку?

Мария засмеялась, подобрала ноги и спрятала грудь в переплетенные пухлые руки.

— Нет, — настаивала она, — не кошка. Кэтти — это собака. Как зовут твою собаку?

— Чак, — я уже отошел в другой край комнаты и одевался.

Мария воровато следила за мной, убирала глаза, стесняясь, и снова подсматривала.

Надеюсь, она в тот момент не думала о сыне.

Я подал ей упавшее на пол платье. Она кивнула. И вдруг она резво подобралась ближе и снова стала тянуть руки к моим шортам. Я не стал останавливать.

Ненадолго и лишь в качестве исключения я тогда согласился с Крисом, что у некоторых женщин во рту действительно что-то вроде эрогенной зоны. По крайней мере, то удовольствие, которое получала Мария, было несравнимо с моим. Я ей даже позавидовал. Она занималась сексом с рвением и самоотдачей, а я успел подсчитать в уме, сколько будет стоить такси для Марии, так как везти ее своими силами я уже точно не собирался.

Утром следующего дня я отправился с Сэмом и Пенни на сбор урожая батата к приятельнице Сэма, Инди.

Я заранее обещал Сэму помочь в этом деле, потому что фактически он и Пенни заменили мне здесь семью, и я не мог оставить старика один на один с сельскохозяйственным коллапсом. Урожай в этом месяце удался, Инди не справилась бы с ним одна. Она была на восьмом месяце.

Маленькая, хрупкая, почти такая как Пенни, с оранжевым платком на голове и горькими персидскими глазами, она вышла нас встречать на кривых, нетвердых ногах. Ее живот выглядел ненастоящим, будто приставным. Я видел Инди пару месяцев назад. Мне и тогда показалась ее беременность какой-то кукольной.

Кто был отцом ребенка, никто не знал и не спрашивал. В деревне, где она жила, такие вопросы не поднимались в силу сложившегося менталитета. Деревня была крошечной — всего пять домишек. Ее сельчане жили натуральным хозяйством и регги, а Инди, как и некоторые другие жители, давным-давно бежала из своей страны навстречу воле и неизвестности. Она была иранкой, но это тоже не имело здесь значения, особенно, если у тебя лучший батат на продажу.

Когда мы подкатили на ржавом пикапе, Инди уже допевала песню, которую затянула, только увидев нас. Я и Пенни сидели в кузове. В дороге мы не разговаривали, но

переглядывались. Пенни была непривычно серьезна, а я чувствовал себя подавленно. Я ловил ноздрями ветер, который теребил на мне рубаху, и молчал.

Чтобы ты понимала, Марта, мои настоящие чувства, я опишу их так: я чувствовал себя вшивым котенком, который никак не может почесаться. Мои гадкие блохи скакали прямо у меня на лице, что Пенни их прекрасно видела, но ничего поделать с ними я не мог. После секса с Марией блох стало вдвое больше. Я понимал, что они — всего лишь моя истерическая галлюцинация, но полностью избавиться от колющих, щиплющих ощущений на коже это знание не помогало.

Инди словно тоже разглядела этих мелких навязчивых тварей, но, повинувшись деревенской традиции не влезать в чужие личные дебри, она только участливо кивнула. Я выпрыгнул из машины, вытащил за собой Пенни. Инди и Сэм обнялись.

Сэм был вдвое старше и на голову ниже, но Инди обнимала его без сочувствия и формальности. Она обнимала с любовью. Объяви они сейчас себя парой, я бы не удивился, даже с учетом полной нескладности их персон. Только живя на острове, я действительно стал понимать, почему у любви нет пола, возраста и расы. У нее может не быть и общего ДНК (я почему-то был уверен, что ребенок Инди не от Сэма), но и от этого любовь не становилась менее настоящей.

Он — старый, чернокожий подкидыш из Африки, она — арабская беглянка с кожей капучино, молодой и бархатной. Общим у них было только растафарианство и объятья, которые они дарили друг другу при каждой встрече. И вряд ли — большее, потому что Сэм оставался верен своему кафе и своей погибшей семье, а Инди оставалась верна батату.

Между прочим, лучшему батату, что я пробовал. Если в кафе Сэма готовили батат, то только батат Инди. Так что Сэм ни за что не позволил бы пропасть чудесному овощу.

Я боялся, что мы застрянем тут на весь день. Но по приезду выяснилось, что урожай почти собран. В этом помогли односельчане Инди, а наша помощь пригодилась только в завершающей стадии уборки. Оставалось сложить еще несколько ящиков, остальные были готовы. Пенни сразу ушла в поле, а я и Сэм грузили ящики в пикап: я таскал и поднимал на нужный уровень, Сэм расставлял их по кузову.

Он подхватил из моих рук последний ящик, примостил его на уже стоящий, отряхнул ладони и посмотрел на меня в упор без улыбки:

— Пенни сказала, ты уезжаешь?

— Уезжаю? Я?

— Пенни сказала, — повторил Сэм.

Он, кряхтя, оперся на мое плечо, перемахнул одной ногой через борт, оттолкнулся от колеса и спрыгнул наземь.

— Уезжаешь или не уезжаешь? — настойчиво допытывался Сэм.

— Не уезжаю, — сказал я. — И не знаю, зачем Пенни придумала это.

— И я не знаю, — простодушно ответил Сэм.

Мы закурили той травы, которую подарила нам Инди. Точнее, подарила она, конечно, Сэму. Меня она едва замечала и, похоже, видела кем-то вроде прислуги Сэма, на которого можно обращать внимание, а можно не обращать — без разницы. Инди и Пенни хозяйничали на открытой кухне — мы с Сэмом видели их через поле и ждали, когда позвуют. В конце концов, нас погнал дождь, и мы спрятались в сарае за домом, чтобы самокрутка не погасла, да и самим чтоб не отсыреть.

Ганжа оказалась прекрасной — мягкой и дремотной, говорить от нее совсем не

хотелось, а хотелось смотреть на серые полосы дождя. Смотреть и не спрашивать, отчего и почему все так в мире. Сейчас он казался ровным и лаконичным как спил от бензопилы на стволе дерева. На какое-то время я забылся в упругом тумане. Желания, тревоги совести, любовная мука отпустили меня.

Сэм толкнул мне в бок своим морщинистым черным локтем и подмигнул. Я улыбнулся ему. С соломенной крыши лились тоненькие ручьи. Я подошел, чтобы умыть ими лицо и шею.

— Будет еще десять дождей, — сказал Сэм.

— Десять дождей до чего? — спросил я.

— До нового сезона.

Я снова сел рядом с Сэмом на соломенный топчан.

— Сейчас только октябрь. Дождей будет больше.

— Не-е-е, — смешливо протянул Сэм и вместе с этим отдал мне обрубок самокрутки. — Остальные — не твоя забота.

Появилась Инди и поманила нас в кухню.

За столом были все, кто собирал сегодня батат — молодые и старые, смуглые и с абрикосовой кожей. Такому разнообразию национальностей и цветов глаз мог позавидовать самый богатый фестиваль или международный форум. Пенни и другие женщины выносили горшки с едой, а дальше их передавали по кругу. Никому не пришло в голову уточнить у Пенни об ее половой принадлежности. Она сказала, что она — девушка, остальные просто согласились, хотя у многих, так называемых цивилизованных жителей, вполне могли возникнуть вопросы к ее внешнему виду — туника и штаны на Пенни не придавали ей женственности, но вела она себя кротко и домовито, а самое главное — она ухаживала за Инди, сначала в поле, и после — в кухне. Это было самым важным для мира этих простых-сложных людей.

Ты не поверишь, Марта, как не поверил я, что тут за общей трапезой сидели бывший банкир, выживший чудом онкобольной, балерина и цыганка, добровольно покинувшая табор. Сэм сказал мне, что когда-то маленькую Инди продали в гарем, но ей удалось бежать. Сейчас все эти люди стали родственны, роднее кровных сестер и братьев.

Изучая их лица, я думал о том, что их тоже сблизила безнадежность, как и тысячи, миллионы семей по всему земному шару, которые не в силах расстаться не из-за любви, а совсем по другим причинам. Однако их альянс был протестом и вызовом, но протестом мирным, который никто не замечал, потому он не встречал сопротивления. По сути, у этих людей не было дома и родины, но у них была земля, которую они возделывали, никому не мешая. Однажды их может сломить аппарат цивилизации, однажды эту деревню могут раскатать бульдозеры, но пока эта илистая глиняная почва, далекая от моря и аэропорта, никому не мозолила глаза. Им было достаточно и этого.

Из тех реалий, где жили и строили быт мы с тобой, дорогая моя Марта, это застолье выглядело зарисовкой передачи про клуб путешественников, которые всегда смотришь с недоверием и иронией, думая, что все там постановочное и ненастоящее. Но стоит прикинуть, поверить в искренность здешней атмосферы, ты бы не удержалась и покрутила пальцем, а я бы прежде крутил вместе с тобой, потому что знаю, что страшат нас отнюдь не дикие леса и отсутствие удобного туалета. Страшит то, чего можно ждать от людей, которые не похожи на тебя. Только теперь я сам не был похож на себя прежнего, потому не боялся сидеть и есть за одним столом с этими людьми.

Когда Инди вынесла горшок с томленной рыбой, Сэм почему-то отказался, хотя эту рыбу привез для Инди сам.

Мы поели, попрощались со всеми и сели в машину. Пенни кое-как пристроилась между ящиков с бататом. Я занял место в кабине вместе с Сэмом.

— Сэм, — завел я разговор, когда мы уже отъехали от деревни, — почему ты не стал есть рыбу?

— Я не хотел есть рыбу, — сказал Сэм. — Мне не надо есть и брать в себя все подряд. Я свободный человек.

— Ты разве стал веганом?

— Я растафари.

— Я знаю. Но разве Джа сказал не есть рыбу?

— Джа сказал не причинять зла, — деловито пояснил Сэм, возможно, впервые настолько развернуто и со вкусом формулируя свои мысли. — Но только потому, что это нарушает свободу. Только свободный человек имеет право отказаться от чего угодно, потому что этого хочет. Несвободный будет все хватать без разбору. Все пить, все есть и все брать. Мне не надо все. Мне надо только мое.

— Сэм, — сказал я, припомнив далеко не один эпизод, — ты ведь ел и рыбу, и курицу. Мы вместе ели.

— Да. Но Джа меня простил, — он засмеялся.

— Ну, значит, и меня простит.

— Нет, тебя не простит.

— Почему это? — я выкатил глаза.

— Ты белый, — пренебрежительно хмыкнул Сэм.

— А Джа, оказывается, расист?

— Не-е-ет! Он просто любит симпатичных парней! Но даже твоя собака тебя симпатичнее! — Сэм заржал в полный голос, и я слышал, что к нему присоединилась Пенни, которая подслушивала наш разговор, высунувшись из кузова.

— А ты говорил наоборот, — проворчал я.

— Я передумал.

Солнце ложилось под мглистые холмы, отбирая у дня последнюю возможность к жизни. Вечерело медленно, но гораздо раньше, чем в сухой сезон. Он, конечно, вряд ли наступит через десять дождей, как предсказал Сэм, но как раз тогда, когда в здешние края придут спокойные волны, а воздух намертво встанет в безветренном пространстве, в той местности, где ты живешь, Марта, где жили когда-то мы с тобой, поселится глубокая осень. Наверняка такая, как та, что познакомилась нас. Этой осенью мы отметили бы четыре года со дня нашей встречи.

Из окна пикапа мне всё так же грустно кивали напитанные дождем и уставшие от ветра зеленые пальмы, но я как наяву видел твой серый плащ и черные высокие сапоги: твой черно-серый силуэт стремительно движется по тротуару, по серой скользкой плитке. Шарф полощется по ветру, глаза горят, ты хватаешься за деревянную ручку двери, над которой мгновение спустя зазвенит колокольчик, и ты войдешь в кафе к Филу.

Войдешь в мое сердце, в мою жизнь, в мое чувствование...

Ценой, которую я платил за счастье пережить эту огромную страсть, ставшую огромной любовью, была моя нынешняя потерянность. Словно раньше я знал наверняка, для чего и почему живу, а теперь озирался по сторонам и не мог отличить север от юга. На самом деле,

я никогда не знал, зачем мне моя жизнь и где в ней смысл. Не знал до тех пор, пока не нашёл его и пока не потерял. Парадокс данного положения состоял в том, что неведение подчас драгоценнее знания. Счастлив не тот, кто нашел ответы, счастлив тот, кто не задавал вопросов. Покуда я не брал в привычку что-то искать, анализировать и разбирать на детали, я еще мог называться нормальным человеком. Однако теперь у меня не было обратного пути. У меня был шанс забыть воспоминания, связанные с тобой, Марта, сразу после нашего расставания. Но забыть долгие и мучительные измышления над этими воспоминаниями, через которые я прошел за последние три месяца, оказалось выше моих сил.

Потому я снова и снова рисовал в уме твой маршрут.

И каждый раз я мысленно пытался остановить тебя: «Не ходи туда. Не ходи. Не ходи...»

Возможно, даже пробормотал что-то подобное вслух, потому что меня укачало на неровной трассе и ломаной шаткой подвеске пикапа. Я задремал под монотонный бубнеж регги, а разбудила меня уже Пенни, когда мы доехали до склада торговца, который купил себе большую часть батата.

Я и Сэм перетаскали ящики, после чего Сэм отлучился на некоторое время.

Я подошел к Пенни:

— Почему ты сказала Сэму, что я уезжаю?

Она сидела на автомобильном колесе, не поднимая на меня глаз, глядела в землю.

— Пенни?..

Она молчала и морщила нос словно барсук.

— Пенни, ты бы хотела, чтобы я уехал?

Пенни обняла себя руками как при морозе и энергично потерла плечи:

— Я подумала, ты не поедешь собирать батат.

— И поэтому сказала Сэму, чтобы он не рассчитывал на мою помощь?

Она кивнула утвердительно. Я вздохнул. При этом я улыбался, но не от смеха, а скорее от недоумения.

— Пенни, — сказал я, — если я соберусь уезжать, я скажу об этом Сэму и тебе. Я обещаю, что не пропаду без вести.

Тут я заметил, что Пенни едва сдерживается, чтобы не заплакать.

— Когда ты уезжаешь? — запинаясь, спросила она.

— Я не знаю... я... Пенни! Господи боже! Ну, что с тобой?

Вернулся Сэм и не дал нам договорить.

Увидев Пенни в слезах, он покачал головой, заворчал и толкнул меня в спину к кабине, хотя я собирался ехать в кузове вместе с Пенни — там было свежее и к тому же менее слышно, как Сэм подпевает песням из приемника. Но, похоже, его жест был вполне определенной направленности, и я подчинился.

Сэм подвез меня к перекрестку, от которого одна из дорог уходила на мою улицу, а сам покати́л вместе с Пенни дальше по побережью к кафе. Я стоял у размыленной обочины, по которой тек грязевой ручей, смотрел им вслед и чувствовал, будто бы сегодня меня изгнали из свойского круга последние близкие люди.

Я тогда пошел домой, забрал Чаки и повёл его гулять.

Бедолага истосковался за полдня и вот-вот мог устроить грандиозный потоп в небольшой комнате, если бы я оставил его ещё немного потерпеть. Так что я спешил на помощь беззащитной животине. В конце концов, мой рыжий лопухий друг оставался моей единственной заботой и отрадой.

Раньше еще задолго до встречи с тобой, Марта, и даже задолго до встречи с женой, я думал, что хлопоты о других разоряют жизнь, растаскивают ее на ненужные и отвлеченные задачки, которые не приносят радости и убивают время. Но думал я так ровно до тех пор, пока не почувствовал отдачи от того, что делаю что-то не только для своего блага.

Как и любое становление, такие изменения потребовали определенных условий, в которые я попадал по мере взросления, сталкиваясь с новыми людьми. Наверное, этому здорово способствовало то, что отец не пытался заменить мне маму, потому его родительство было скупой на ласку и сюсюканье. Тем не менее, в юности мир крутился лишь вокруг меня одного. Я не избежал подростковой ломки и максимализма. В те времена я чем-то напоминал Крису, у которого вызывало недоумение необходимость доставлять женщине в постели дополнительное удовольствие. Так и я не сразу понял, что близость любого рода требует отдачи. Эти два, вроде бы никак несвязанных между собой явления, имеют общую природу: радость отдавать больше, чем получил, — духовная радость.

И, да, теперь я заботился о Чаке, но и он в свою очередь скрашивал своим присутствием мои унылые будни, за что я был ему крайне благодарен. В особенности сейчас. Я, конечно, продолжал его поругивать и ворчать при любой удобной возможности. Но мне нужен был кто-то рядом. Даже если этот кто-то порой меня раздражал и навязчиво требовал внимания. Но все это было в радость.

И, наверное, бежав подальше от тебя, Марта, я пытался выгравить из себя этот вид радости. Отдавая тебе свою жизнь, у меня так никогда не получилось быть полностью бескорыстным, — я всегда ждал твоей ответной реакции, твоей ответной любви, ответного понимания. А разочарование от конфликта наших ожиданий обернулось страхом за то, что радость любви и заботы в конечном счете принесет боль.

Но, если вернуться назад, чуть отмотать пленку, сдвинуть фокус моего эго и посмотреть на нашу жизнь твоими глазами, не получится ли, что ты разочаровалась первой?..

Ты стояла, зареванная, со вспухшими щеками, и пинала сумки, полные моих личных вещей. Войдя, я не сразу понял, что происходит. Дом напоминал руины после воровского набега: зеркало на дверце шкафа еще дрожало после того, как ты пнула её, закрывая, но от удара дверца отскочила и раскрылась шире прежнего. Пол был устелен клочками порванных фотографий. Ты и раньше могла что-то уничтожить в порыве гнева, но представшее мне было чересчур даже для тебя.

— Что случилось? — спросил я. — Что случилось, Марта?.. Что здесь происходит?..

Маленькое пространство квартиры в тот момент скукожилось настолько сильно, что ты могла бы спрятать его вместе со мной, с моей растерянностью, всеми моими вещам у себя в ладони и раздавить. Так ты фактически и поступала несколько минут, пока ничего не отвечала и только глядела на меня.

— Марта?.. — позвал я повторно.

— Уходи, откуда пришел.

— Я пришел с работы...

— Неправда!!!

На кухне зазвенели бокалы, резонируя с твоим криком.

— Я устала, — сказала ты. — Я устала, Джет.

— От чего ты устала?..

Ты заплакала. У меня опустились руки.

У меня опустилось все, что только могло опуститься. В такие минуты тебя предаёт не только душа, но и тело, и дом, где ты жил. Предаёт каждый атом, из которого складывался не самый идеальный, зато родной мир. Потому что предательство — это гораздо больше, чем один поступок или одно событие. Это чередой болезненных разрушений, которые начались задолго до кульминации. Думаю, многие, я в том числе, очень бы хотели понимать, с какого эпизода, дня и часа начинается разгон этого смертоносного катка, который позже сравнивает с землей годы любви и понимания. Но этого никто никогда не знает. И ты, Марта, просто не была исключением...

Ты познакомилась с ним несколько месяцев назад. Он был обходителен и ненавязчив, как все женатые мужчины, которым не нужны лишние проблемы, но есть немного времени для общения с понравившейся женщиной.

Раньше ты действительно ходила на собеседования по работе, но потом настолько разочаровалась и в них, и в себе, и во мне заодно, что стала ходить просто на прогулки. И иногда вместе с ним. Ты полагала, что это ничего не значит. Но, как часто бывает с теми, кто не в ладу с совестью, ты стала подозревать в предательстве и изменах меня.

С каждым прожитым днем подозрения только усиливались, находя все новые поводы для утверждения. А для них не нужно много: подсознание с удовольствием искажает факты в заданном ключе, когда ему подбрасывают очередную пищу для недомолвок.

В тот день я позвонил и сказал, что приду поздно.

В тот день он позвонил следом и пригласил в ресторан.

Мои финансы давно не располагали к путешествиям по значимым местам, а тебе, как всякой женщине, хотелось немного роскоши и чуть более живописных видов, чем с наружной стороны нашего треснутого подоконника.

В сущности, никакого криминала изначально не предполагалось.

— Мы немного посидели, и он подвез меня на машине до дома. Но затем предложил еще прокатиться, — рассказывала ты, отрешенно глядя в стену.

Я курил на кухне. Поздний весенний дождь брезгливо касался оконных стекол. У меня холодели пальцы, потому что я хотел ими продавить твоё горло.

— У него хорошая машина. И квартира, — сказала ты между прочим.

Ты могла бы и не говорить этого, потому что по сравнению с этой квартирой и моей прошлой машиной, почти что угодно было бы хорошим.

— Но я его не люблю, — добавила ты, будто бы это что-то резко меняло. — Это правда. Не люблю. Я люблю тебя, Джет.

Пепел сорвался с кончика сигареты. Ты стерла салфеткой серую рассыпчатую кляксу. Ее размозжило как голову упавшего с высоты, как спелый арбуз — странное жуткое месиво из остатков того, что еще недавно было целиковым и важным, теперь превратилось в ничто, в бесцветный прах.

Я долго чистил зубы, потом лег спать, но не спал. Ты тоже не спала и говорила между

всхлипами, что не понимала, что делаешь, что тебя будто подменили, что это была почти не ты — и прочую оправдательную чушь, которой я не верил, но верила ты.

В ту ночь я ни разу не дотронулся до тебя. Но не потому что пару часов назад до тебя дотрагивался другой мужчина, а потому что не мог себе представить такого, чтобы ты дала себя раздевать тому, кто тебе неприятен, хотя раньше утверждала, что лишь мои прикосновения тебе приятны.

Стало быть, я опротивел?..

— Джет, обними меня...

Я отвернулся к стене и от бессилия провалился в сон.

Утром я принял душ, вымыл голову, начисто побрился. Я вышел в комнату, чтобы взять фен и посушить волосы. Но фена я не нашел. На его месте, в ящике с полотенцами и носками остался еще свежий пролежень.

— Марта, а где фен?

— Фен? — переспросила ты, на мгновение выглянув из кухни. — Я продала его.

— Продала?.. Зачем?..

— Мне ведь нужно чем-то платить за квартиру. Еще я продала серьги с жемчугом.

— Марта, — сказал я, подходя к тебе, — фен стоит какие-то копейки по сравнению с оплатой за квартиру. Серьги тоже не могут окупить целиком аренду. К тому же во все прошлые месяцы мы как-то справлялись... Почему ты не обсудила со мной? Зачем ты это сделала? Зачем ты это сделала, Марта?

Ты посмотрела пустыми глазами. Ты пила кофе. Кофе из нашей кофеварки, которую мы купили вместе.

Фен и серьги подарил тебе я. Ты очень хотела именно этот фен и именно эти серьги. Ты так хотела их, что я не пожалел отложенных денег, чтобы порадовать тебя. И ты радовалась. Радовалась так, что аж заплакала. Ты плакала искренне, обнимала меня, говорила: «Спасибо, что ты у меня есть!», говорила: «Как мне с тобой повезло!», говорила, что любишь. И я плевать хотел, что позже мне пришлось занять у приятеля на оплату счетов. Я не сказал тебе об этом. Я ненавижу брать в долг, но для того, чтобы ты расплакалась от счастья и сказала мне все это, я готов был придавить гордость. И я не жалел о том поступке.

Но сейчас ты продала эти вещи. Простые, в общем-то копеечные вещи. Фен, серьги... Фен упал как-то раз, и мне пришлось его чинить. С тех пор он немного барахлил, но работал. Это здесь, в этих стенах он что-то значил, а на барахолке такой прибор — просто старая рухлядь. Такие берут на запчасти и от безнадёги. А серьги из ломбарда отправят на переплавку. Выдернут грубыми щипцами жемчуг — он совсем ничего не стоит. Золото растопят и сольют с остальными драгоценными покойниками. Память, жившая в этих вещах, умрет.

Я снова посмотрел на тебя.

Ты пила кофе.

И я подумал, что кофеварку ты вряд ли продашь. Потому я ее не забрал.

Я вызвал такси. Ухватил пару пакетов с вещами, какие показались наиболее ценными. За остальным так и не вернулся. Ты видела, что я ухожу, но ты пила кофе. Пила спокойно.

Я попросил закрыть дверь, вышел за порог и сразу услышал, как скрипнула щеколда позади. Мы больше не виделись.

И я не знаю, Марта, как ты выглядела в тот финальный миг рассечения, о чем думала, о чем молчала. Быть может, ты ждала, что я возвращусь спустя час или два, как бывало во

время наших нередких ссор. Я не знаю, какой силы боль ты хотела мне причинить, и могла ли стать эта боль своего рода прививкой от смертоносного вируса расставания. Но знаю, что оставшееся от меня после того дня ментальное тело изобиловало гематомами, отчего я не понимал до конца, когда можно будет перестать любить свое прошлое и начать жить.

Прошло четыре месяца, а гематомы мои не исчезли окончательно. Разве что поблекли немного, выгорели на солнце, чуть сравнялись тоном с загорелой кожей. Знаешь, Марта, у Сэма на этот счет есть шутка, что цветной всегда будет сильнее белого просто потому, что на нем не видны синяки. А если учесть то, что я от негритянских собратьев теперь отличался лишь характерным европейским профилем, а не окраской тела, можно считать, мне полегчало. Во всяком случае, стало менее заметно, от какого недуга я страдаю.

Мне вообще в оторванной от привычного мира островной изоляции начало казаться, будто страдание и жизнь совсем неотделимы. Повлиял ли на меня в том числе буддизм или только личный опыт, но Будда бы со мной согласился. И в его точке зрения мне больше всего нравилось то, что никакого божественного рая после смерти никому не обещано. Страдание и спасение всегда существуют рядом, пока существуешь ты. Ни в том, ни в другом нет как таковой добродетели: монах и мирянин могут быть счастливы и несчастны, могут идти одной дорогой неделания зла, которая ведет к богу.

Только одно выбивалось из моего новообращенного буддистского сознания: мой бог жил на земле, и он меня предал.

Но, вопреки всему, я упорно продолжал ему молиться...

Вглядевшись в закат, я прошептал как молитву: «Марта...»

Закат не ответил мне.

Зато мне ответил Чак истошным лаем. Этот говнюк опять стащил чью-то игрушку и гордо выплюнул ее к моим ногам.

— Где ты это взял, Чакки? — я вытащил из песка упавшую вещь.

Это была кукла. Обыкновенная девчачья кукла из дешевой пластмассы — бюджетный аналог «Барби». Платье на ней было мокрым и рваным, а лицо у куклы будто бы выражало страдание. Потрепанные синтетические волосы торчали во все стороны, как иногда происходило на утро с твоими волосами, Марта, если ты ложишься спать с мокрой головой.

— Чак, где ты это взял?

Чак прыгнул за моими руками, пытаюсь снова отнять свой трофей. Я огляделся, не бежит ли кто с полоумными глазами убивать моего пса и меня заодно.

Но пляж был пустынен. Похоже, куклу забыл кто-нибудь из детей.

Чак радостно скакал, не понимая, чем я недоволен. Я огляделся еще раз, размышляя отдать ему игрушку, чтобы он окончательно ее доканал, или оставить тут — вдруг ее будут искать.

И тут я увидел силуэт.

Еще издали он показался мне знакомым. Не зная точно, мерещится мне, или глаза мои в самом деле видят то, что хотят видеть, я поплелся навстречу.

Силуэт приближался, и я ускорил шаг. Потом перешел на бег. Потом пустился во весь опор и остановился только тогда, когда цель оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Я смотрел и не верил.

— Привет, парень.

— Крис...

Он улыбался широко будто американский президент во время инаугурации. Белая майка с выцветшим звездчатым флагом реяла на ветру в розоватом тяжелом от влаги воздухе.

— Как дела?

— Крис!

Я бросился его обнимать.

— Крис! Мать твою! Подонок ты сраный!

— Ну, тише-тише! — ржал Крис, обнимая меня в ответ. — Эй, парень! Если продолжишь так прижиматься, у меня встанет!

— Пошел ты! — я врезал ему по плечу куклой, которую все еще держал в руках.

— Что это у тебя? — скривился Крис. — Успел детишек наделать, пока меня не было?

— Нет, подарок тебе принес. Тебе как раз по возрасту.

Я вручил ему обезумевшую от стольких событий Барби, а Крис только больше расхохотался.

— Я в детстве таскал таких у сестры. Заглядывал им под платья, чтобы потрогать сиськи.

— Можешь теперь трогать, сколько влезет.

— Теперь предпочитаю живые, — Крис облизнул губы.

Подбежал Чак. Начал лаять и наматывать вокруг нас круги. Похоже, он был возмущен тем, как я обошелся с его законной добычей.

— Чак, фу!

— Это твой?

— Мой, — я потрепал Чаки за ухом, чтобы он немного успокоился.

— Так и знал, что ты здесь пропадаешь без меня.

Втроем (если не считать Барби, которую наконец вернули Чаку) мы пошли вдоль берега. Закат обнимал нас со всех сторон быстро надвигающейся тьмой.

— Ты уже похоронил меня? — спросил Крис.

— Не дождешься. Ты слишком живучий.

Крис вновь хохотал:

— Так и есть, парень! Так и есть.

Я смотрел на него во все глаза. Крис будто бы вытянулся в рост, усох, почернел как старая деревянная жердь. Где он был? Где гулял все эти двас лишним месяца? И откуда у него на плече татуировка? Еще свежая, словно липкая от жирной мази.

Крис остановился и показал на нее:

— Видел? Сердце и стриж. Олдскул, парень. Еще хочу набить себе Санта Муэрте вот сюда, — он ткнул на левую лопатку.

— Зачем?

— Пойдем выпьем коки, парень. Я все расскажу.

Я взгромоздил Чака подмышку, и мы пошли к дороге, привычно текущей ливневым ручьем по обшитой торговцами набережной. Крис улыбался, но был молчалив.

Мы сели в открытом баре. Чак забился под стул и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Такой обычно общительный и задиристый на пляже, здесь он поджал хвост. Я поглаживал его легонько, пока Крис собирался с силами для разговора.

— Все, как ты говорил, парень, — вздохнул он. — Гребаная любовь. Гребаный потрясный секс. Я даже делал ей это, и ей нравилось. Мне нравилось. Прикинь? Мне нравилось, Джей.

— Где она сейчас? — помолчав, спросил я.

— В Мексике. Я собираюсь ехать туда. Слышишь, романтик? Я собираюсь туда ехать. Гребаное дерьмо... Я собираюсь туда ехать.

Они познакомились на серферском пляже, там, где и мы встретились с Крисом в середине июля. Утром следующего дня у нее был паром на другой остров. Она была новичком и хотела уйти в более спокойную волну. Крис, забыв обо всем на свете, подрядился сопровождать ее.

— Гребаные споты. Ты знаешь, какие споты там, на этом острове? Как ванильное

молоко. Веселее в каком-нибудь детском бассейне развлекаться. Но это был рай, парень, — Крис близко нагнулся ко мне, прошептал: — Это был рай.

Он почти допил свою колу, а я свою — едва тронул. Крис был угнетен. Я чувствовал это. И, вопреки всему, он уперто рычал в барную стойку:

— Я говорил ей, вернемся сюда. Здесь волна на любой вкус. Я-то разбираюсь! Что ты понимаешь в серфинге? А она, знаешь, что?

Я отрицательно помотал головой.

— Пуэрто-Эсконандидо! — заорал Крис на всю улицу.

Пуэрто-Эсконандидо. Я уже слышал об этом месте. Знаменитый мексиканский пляж, куда слетаются серферы со всей Америки. Тихое, в общем-то, место, известное лишь фанатам.

— Ты собираешься туда? — спросил я.

— Да, — кратко, но как-то невесело откликнулся Крис.

— А почему сразу не поехал?

— Ты охренел, Джей?! — взорвался тут же Крис и шмякнул стаканом по стойке. — Это же гребанная манипуляция! Я не хочу в Пуэрто-Эсконандидо! Я хочу свободной волны здесь! А она просто дура упертая! Ни одного сезона еще не откатала, а уже что-то выдумывает!

В безумии и отчаянии он схватил меня за грудки.

— Остынь, — мерно ответил я и убрал его руки. — Остынь и обдумай. Куда и зачем ты собираешься лететь.

До Пуэрто-Эсконандидо минимум две пересадки. Одна — в Бангкоке или Ханчжоу.

— Вторая — в Сан-Франциско, — договорил за меня Крис, уставившись безвольным взглядом в неразборчивую муть бара.

— Зачем тебе это? — спросил я.

Крис глянул под мой стул. Чаки недоверчиво глазел на него, поскуливая.

— Его тоже возьмем с собой, если хочешь, — сказал Крис и посмотрел на меня. — Полетим вместе, парень? Джей? Чего тебе терять?

В растерянности я закусил губу.

В чем-то Крис был определенно прав. Здесь меня ничего в сущности не держало. Я даже не был уверен, что Сэм и Пенни заново примут меня в свой круг. Мы не виделись уже две недели, с того дня, как ездили на сбор батата. Пенни не появлялась. Наверное, уже думала, что я действительно уехал. Подкрадывался ноябрь, и дождей стало значительно меньше, волны ослабевали. А я уже привык видеть это место таким переменчивым — то золотистым от яркого солнца, то хмурым и порывистым в ливневые часы. Будто бы все вокруг нашептывало о том, что мне пора двигаться в путь.

Я предложил Крису зайти ко мне. Дома еще имелся небольшой запас травы, я хотел его угостить. Он с радостью согласился. Чак тоже был счастлив отправиться в менее людное место. Он уже устал, и, как только мы вошли в комнату, тут же уснул на кровати.

Я осторожно подвинул его, чтобы нам с Крисом тоже было где разместиться.

Мы спокойно курили, наслаждаясь приятным дурманом. Я рассказал ему о Саше, затем о Пенни. К моему удивлению, он почти не подтрунивал над моими историями.

Только сказал:

— Всё-таки я бы ее трахнул, — имея ввиду Пенни.

А потом добавил:

— Но ты правильно поступил.

— Считаешь?

— Да, считаю, — он затянулся в полные легкие, передал мне самокрутку.

— У нее еще никого не было, понимаешь? Совсем никого.

— Испугался быть первым?

Я неуверенно пожал плечами и тоже набрал в рот дыма.

— Она была мне как друг. Как сестра. Друзей и сестер не трахают.

Крис высоко поднял брови.

— Ну нет... — сморщился я. — Не говори, что ты трахался с сестрой.

— С троюродной! — возмутился Крис.

— Все равно гадость.

— Да забей. А у Пенни все равно потом будет кто-то. Ну, допустим, не ты. Другой залетный турист. Все равно кто-то будет первым. Так что это ничего не значит.

— А что значит? — спросил я, не предполагая какого-то конкретного ответа.

— Кайла значит.

Кайла... Похоже, Крис и правда влип не на шутку.

В этот вечер он много говорил о ней. Он, наверное, только потому сюда вернулся и разыскал меня, что лишь со мной был готов поделиться своими чувствами. Знал, что я не стану глумиться, что поддержу. Крис впервые открыл для себя настоящее чувство к женщине, и оно поразило его, вывернуло наизнанку как постиранный свитер. Он не верил, что от тоски по человеку может настолько сильно болеть. Я, признаться, сам не верил, что его так быстро накроет.

— Я скучаю по ней, брат, — говорил Крис в перерыве перед следующим косяком. — Я ее постоянно вспоминаю, постоянно думаю о ней. Это какое-то проклятие. У тебя было такое?

— Было.

— И что сейчас?

— Я не знаю, где она.

— Вот дерьмо, — посочувствовал Крис. — И ты не пробовал найти?

Я занимался скручиванием новой сигареты и некоторое время молчал. Крис, видимо, понял это как то, что я не хочу рассказывать.

— Окей, прости, парень...

— Нет, все в порядке, — ответил я. — Возможно, она живет там же, где мы жили когда-то вместе. Я мог бы попробовать связаться с ней. Но я не хочу.

— Ну... — рассуждал Крис. — Значит, тебе это не нужно.

Я посмотрел на него строго, и он тут же осекся.

— Прикрой глотку, Крис. Мы были вместе несколько лет. Это тебе не на серфе погонять пару месяцев.

— Ты что, женат?

— Нет, мы не были женаты.

Почему-то его рассмешили мои слова:

— О, так она обиделась, что ты замуж не позвал?

Моя физическая реакция опередила мысли. Я схватил Криса за майку и крепко сжал ткань, но почти сразу отпустил, опомнившись.

— Не злись, парень, — мягко проговорил Крис. Похоже, я успел его напугать, и теперь он осторожно подбирает слова: — Знаешь, бывает такая херня. Я слышал. Женщины хотят

романтики и все такое. Даже специально перестают пить таблетки, чтобы залететь. Слушай, мои подруги из колледжа так делали. А если не женишься, еще в суд подадут за изнасилование, прикинь? Так что либо трахайся с резинками, либо молись. Такие дела.

Я постарался уравновесить взбунтовавшийся во мне гнев. На это потребовалось несколько минут.

— Крис, — сказал я наконец, — я хотел сделать ей предложение. Но не успел. Теперь все кончено.

Крис улыбнулся через силу:

— Значит, будет другая. Поехали со мной в Мексику. Я найду Кайлу. А ты найдешь себе новую девчонку. Я тебя на доску поставлю. Серферу девчонки легко дают, точно тебе говорю. Поехали. Собирай своего пса и поехали. Здесь больше нечего ловить. Волны скоро уйдут. Мексика нас ждет, брат.

Я обдумывал его слова, пока скреплял самокрутку. Завернул ее так туго, что даже пальцы немного заболели. Ощувив на коже фаланг неприятное жжение, я остановился. Взял зажигалку Криса и тщетно попытался выдавить из нее огонь, но искра загоралась в темноте и тут же гасла — кажется, закончился газ.

Я поискал в комнате спички, Крис тем временем шарил у себя по карманам. Однако все наши совместные попытки найти огниво провалились.

Я стоял возле плиты с готовой сигаретой в руках, не понимая, что делать. И вдруг я вспомнил. Открыл тумбу в столе, где хранил разную канцелярию и листы этого своего то ли письма, то ли дневника. После эпизода с Сашей я прятал записи, боясь чьих-нибудь чужих глаз, а заодно спасая от зубов Чака.

Я извлек оттуда твой подарок, Марта. Выброшенную, найденную, потерянную и снова найденную Пенни зажигалку. Я думал окончательно избавиться от нее, но какое-то неясное, суеверное предчувствие мешало мне похоронить эту памятную вещь где-нибудь в морской пучине.

Сигарету и зажигалку я отдал Крису, чтобы он начал ритуал. Он закурил, вернул сигарету мне. Зажигалка осталась у него. Крис рассматривал ее в голубоватой дымке тропических льющихся из окна сумерек, несколько раз зажигал и гасил, захлопывая железную крышку, а затем кинул зажигалку мне. Я поймал.

— Ну что? Решил? — спросил Крис.

Я кивнул:

— Да. Решил.

Через три дня мы прибыли вместе в аэропорт. Потребовалось взять кое-какие справки для Чака и поставить ему чип. С прививками у него давно был полный порядок — в ветеринарной клинике все сделали с умом, так что пакет документов у моего безродного компаньона был богаче, чем у меня. Я приобрел контейнер для перевозки, хорошенько накачал пса успокоительным, но все равно было видно, что он волнуется, как и я.

Первый из трех предстоящих полетов, самый короткий, часовой, Чак должен был преодолеть в одиночестве, в отапливаемом багажном отсеке. Дальше был шанс, что на длительный рейс нас посадят вместе в салон. Для этого я выкупил ему соседнее кресло и заранее разузнал о лояльности авиаперевозчиков. Выбранный мною слыл самым лояльным, по мнению опытных собаководов, и все же оставалась вероятность, что чудеса нашего с Чакки обаяния не переубедят работников воздушного флота в том, что перевес на восемь килограмм — это пустяки.

Я просто надеялся на удачу и мысленно просил о ней, обнимая на прощание Криса.

— Больше не теряйся, — попросил я его.

— Не потеряюсь. Теперь ты все мои номера знаешь. И... — Крис отстранился из объятий, сжал мою руку. — Если все нахер обломится, гони ко мне, понял?

— Понял.

Мы снова обнялись.

— Люблю тебя, братишка.

— И я тебя люблю, Крис.

— Эй! — он стукнул меня в плечо кулаком. — Без дураков!

— Без дураков, — смеялся я.

Крис остался стоять, а я с Чаком в контейнере, рюкзаком за спиной и двумя чемоданами отправился к стойкам. Рейс Криса был на три часа позже, а моя регистрация уже началась. Сначала нужно было уладить формальности, связанные с перевозкой Чакки, а затем уж — мои.

— Эй, парень! — услышал я за спиной.

Обернулся. Крис махал мне своей здоровенной рукой и сверкал белыми зубами.

— Поцелуй ее за меня между ног!

— Пошел ты! — крикнул я.

Мы улыбнулись друг другу.

Я запомнил Криса именно таким — улыбающимся добродушным хамом.

Не зная, суждено ли нам еще свидеться, я знал наверняка, что в любом случае буду скучать по нему. Мне будет не хватать его задора, легкости, беспринципности, юношеского рвения, удалства, дерзости мальчишки. Я уже скучал. Но меня манил другой континент — моя покинутая родина. Примерно через двое суток, я должен был очутиться там.

Сидя у иллюминатора, я старался не думать о том, как переживает эту поездку Чак. Я надеялся, что он уже спит. Мне самому поспать не удалось.

Вспоминался остров — его волны, местные жители, еда, пальмы, песок. Все, что мне удалось пережить и впитать за четыре месяца в этом райском для некоторых, а для меня — просто дорогом и важном уголке планеты. Меня захлестнула первая ностальгия.

Вчера, когда я пришел в кафе Сэма попрощаться с ним и с Пенни, я смотрел им в глаза

и ощущал горечь расставания. Думаю, они ее тоже ощутили. Сэм провожал меня с улыбкой.

Он сказал:

— У каждого своя земля. Мы все пришли из земли. Лучше стоять на земле, которая тебя держит.

— Я еду не ради земли.

— Джа тебя направит, — Сэм постучал морщинистой ладонью по моей спине.

— Джа недолгобливает белых.

— Джа любит всех, — ответил Сэм с упреком. — Некрашенные дети — тоже дети. Им нужно еще больше заботы. И проследи, чтобы твой здоровенный белый друг не наделал каких-нибудь глупостей. У него много мяса, но мало мозгов.

Я засмеялся:

— Сэм, Кристиан хороший парень.

— Хороший. И ты хороший, — он подтолкнул меня в спину той же рукой, которой до этого хлопал. — Иди. Иди-иди.

Сэм направлял меня к Пенни, которая спряталась в коморке за баром и подслушивала нас, стоя у дверного косяка. Я встал рядом, почти не видя ее.

— Пенни...

Она заплакала.

— Пенни, я уезжаю. Я еду к женщине, которую люблю. Мне грустно уезжать, Пенни, но ничего не поделаешь.

С другой стороны косяка выползла тонкая сухая ладошка. Я аккуратно взял ее за пальцы и мягко сжал их.

— Пенни, я не хочу обещать, что вернусь. Но я хочу поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделала.

Она затрясла головой — я видел только кусочек ее лица, маленького и худого, печального, милого, плачущего.

— Пожалуйста, не плачь, — сказал я и попросил: — Выйди сюда.

Пенни медленно вышла, и мы обнялись. Я поцеловал ее трясущуюся руку.

— Я тебя увижу... — произнесла она.

— Я не знаю...

— Я знаю, — твердо сказала Пенни. — Я тебя увижу потом. Через одну жизнь.

Я помолчал и все же кивнул.

— Да. Встретимся через одну жизнь.

Она снова заплакала, прижалась ко мне всем своим существом. Мы простояли так какое-то время, пока она не подняла голову. Наверное, ждала прощального поцелуя. И я поцеловал ее в лоб. Пенни опустила глаза, руки, плечи, затем снова посмотрела на меня.

— А Чак?

— Чак едет со мной.

Пенни вдруг ушла обратно в коморку и снова появилась, уже держа в ладонях какие-то мелкие предметы.

— Это для тебя. Это для Чака.

Она отдала мне две латунные подвески с Буддой на простых хлопковых веревочках. Одну она повязала мне на шею. Вторую я позже приделал к собачьему ошейнику.

— Учитель жил в роце Джета, — объяснила Пенни. — Он благословил тебя своим словом, когда ты родился. Не забывай учителя.

— Не забуду, — пообещал я. — И тебя не забуду.

Она обняла меня за шею, долго смотрела в глаза, потом привстала на цыпочках и оставила единственный поцелуй на моих неподвижных губах.

Я улыбнулся ей, улыбнулся Сэму.

Дальше я держал путь в клинику, чтобы забрать готовые справки для Чака. К воротам кафе меня никто не провожал. Я слышал, как бьются волны о прибрежную полосу возле террасы, где мы с Сэмом покуривали прежде марихуану, и ни минуты не сомневался в том, что Пенни будет точно так же биться этой ночью в своей кровати, пытаясь забыть меня.

Я прилетел в первую столицу. Впереди была еще одна — столица моей родины. Но я выбрал рейс с пересадкой на следующий день, чтобы мой бедный пес успел немного оклематься от происходящего.

Первым делом, выйдя из самолета и пройдя паспортный контроль, я кинулся не за вещами, а на пункт выдачи особого багажа. Мне вручили контейнер с сонным Чаком. Похоже, таблетки хорошо подействовали. Он только успел проголодаться, но не успел запаниковать. Я поскорее вытащил его из пластмассового карцера и обнял. Чак лизнул мне лицо и сразу повеселел.

Мы пообедали с ним тут же, в аэропорте. Я ел хот-дог, а Чакки — свою собачью еду, но не забыл все-таки выпросить кусочек от моего блюда.

Дальше мы доехали до гостиницы и немного прогулялись, чтобы размять лапы — и ему, и мне. Следующий перелет, завтра утром, обездвижит нас на целых десять часов.

Когда я впервые летел на остров, я взял прямой рейс из столицы. Но из-за Чака сейчас пришлось изменить маршрут. Меня это не пугало. Даже то, что его перевозка уже вылилась мне в стоимость еще одного взрослого билета, несколько не огорчило. Наоборот, я радовался его присутствию. Я чувствовал, что наконец не один, что делаю какие-то шаги, планирую, иду к цели, которая до сих пор мне до конца не ясна, но кто-то есть рядом. Этот кто-то останется со мной, даже если планы мои разломаются на кусочки, Чак не перестанет меня любить и уважать. В его мире, в нашем мире я останусь на своем месте, несмотря ни на что.

Именно поэтому на вежливое предложение Сэма приглядеть за собакой, когда я уеду, я ответил отрицательно. Отныне я был в ответе за судьбу Чака целиком и полностью, пока смерть не разлучит нас. Наверное, в каком-то смысле эти узы были для меня крепче, чем узы брака. Супруги могут развестись, как уже произошло когда-то в моей жизни. И потом я уже не интересовался, как поживает моя бывшая жена. Знал только, что она с другим мужчиной, прочих вестей я не искал.

И о тебе, Марта, я в данный момент не знал ровным счетом ничего. Я бы мог позвонить Башо заранее, но решил отложить разговор с ним до возвращения. Это был первый пункт моего плана. Признаться, дальше я не загадывал. Просто понял в тот момент, когда достал из ящика зажигалку, что обязан вернуться. Именно сейчас. Спустя почти пять месяцев со дня нашего расставания. Вернуться, снова вскрыть свою незаживающую рану, попробовать залечить ее как-нибудь.

Уезжая, я верил, что разлука освободит меня от боли. Но не проходило дня, чтобы я не думал о тебе, Марта. Начиная писать это странное, сбивчивое, непростительно честное письмо, я надеялся, что постепенно успокоюсь, выведу тебя за пределы своего сознания. Но, чем больше писал, чем больше вспоминал, чем яростнее пытался отыскать ответы, тем прочнее ты прорастала во мне. Ты затихала порой на несколько часов, пока я обнимал Сашу, пока накуривался травой и засыпал, не видя снов. Но тоска по тебе ударяла с новой силой, стоило лишь отвернуть взгляд, остановиться, увидеть даже просто единственную букву из твоего имени.

Марта, я не скучал по отцу, по Башо, по сырым и неприветливым улицам нашего городка. Я не скучал по потокам машин и одетых по самые уши людей, по натирающим ноги

ботинкам, билетам на трамвай, по кофейне Фила и по самому Филу. Я не скучал по голым деревьям, первому снегу, по угрюмому консьержу, несладкой картошке, звону церковей и висящим повсюду часам. Я скучал лишь по тебе, Марта. Ты могла перекрасить волосы, располнеть или похудеть, купить другую одежду, наконец-то сдать на права, найти другую работу, переехать в другой город, в другую квартиру — все это не имело значения. Я собирался найти тебя. Найти и поговорить.

— Зачем? — задал мне первый вопрос Себастьян.

Он смотрел на меня как на воскресшего покойника. Я ведь и был для него покойником.

— Зачем ты ее ищешь?

Я не ответил ему.

Мы сидели в кафе. Чак остался в съемных апартаментах. Мне пришлось купить новую одежду, потому что старая висела на мне как на садовом пугале. Свежая рубашка, брюки, пиджак — все было теперь новым и по размеру, но казалось неудобным, слишком тесным, слишком закрытым, слишком цивилизованным. Я выбрился, подстригся, облился одеколоном и сидел непривычно прямо, глядя на Башо, который набрал еще пяток килограмм и вряд ли помнит, когда в последний раз от души высыпался.

— Господи, Джей...

— Я знаю.

— Пять месяцев...

— Я знаю.

— Пять гребаных месяцев! — воскликнул Башо, не переставая курить.

Я совсем отвык от того, что он курит. Отвык видеть его страдальческую гримасу. И все же я смотрел на него с теплотой.

— Себастьян, пожалуйста, помоги мне ее разыскать.

— А нечего ее искать, — произнес Башо, затягиваясь. — Она все там же. Хочешь, пойду с тобой?

— Ты ее видел?

Он скорбно покачал головой.

— Я думал, узнать, как она. Позвонил один раз. Еще в июле, когда ты только исчез. Она отвечала неохотно, ничего прямо не сказала. И я больше не звонил. Да и зачем? Все решили, что ты умер. Она, наверное, тоже. Я чуть в штаны не наложил, когда услышал тебя. Джей, мать твою, ну ты и сволочь!

— Мне нужно было время.

— Хочешь по-дружески совет?

— Не хочу.

Башо то ли разозлился, то ли расстроился. Редкий пушок на его темечке нервно подрагивал. Башо курил одну за одной. А я молча ждал, что он еще скажет. Он никогда не был из тех, кто умеет смолчать.

И в этот раз Башо не удивил:

— Нет, Джей, я дам тебе, мать его, совет. А ты хочешь следуй ему, хочешь — не следуй. Дело твое. Не ходи к ней. Не появляйся. Забудь ее. Если надо, я в конторе замолвлю за тебя словечко, устроишься как-нибудь. Только не ходи к ней, я тебя прошу.

— Почему? — я отпил кофе, глядя в его бесцветно-серые замыленные глаза навывкате.

Башо затряс двойным подбородком, почти приходя в бешенство.

— Ты ее убьешь. Или она тебя. Ничего хорошего не будет.

— А если будет?

— А если! А если!.. — взревел Башо. — А если подумать головой! Старого не вернешь! Надо заново учиться жить!

— Ты научился после того, как ушла Анна?

Башо прилип к стулу и заскрипел челюстями. Он видел своих детей теперь, может, дважды в год, если Анна была в настроении. Он не боролся с этим. Он сдался. Он, вероятно, уже привык думать, что быть отцом — это значит под Рождество покупать подарки двум почти незнакомым девочкам, которые привыкли думать, что чужой дядя с блестящими коробками в бантах — курьер Санта Клауса, а вовсе не их отец.

— Джет, ты дерьмо, — сказал Башо. — Эгоистичное дерьмо. Сначала свалил ото всех нахрен, а теперь хочешь обратно, в готовенькую жизнь. Никто тебя здесь не ждет. Никому ты здесь не нужен.

— Я думал, ты меня ждешь, — невесело улыбнулся я.

Башо помолчал.

— Я никого не жду, — он встал.

— Себастьян, — позвал я, чтобы остановить его. — Прости.

Башо снова сел за столик и придвинул пепельницу. Он смотрелся в нее несколько секунд, затем поднял голову.

За мутными окнами пролетали белесые снежинки словно пух из разорванной подушки. Они прилипали к стеклам кафе и медленно плавилась, соскальзывая вниз талыми слезами.

Я предложил Башо выпить. Он заказал две кружки пива.

Когда их принесли, я сказал:

— Ты прав, Себастьян, что я эгоист, но неправ в том, что я дерьмо.

Он соорудил такую мину, которая как бы говорила: «Ой, не проведешь ты меня!».

Но вместо упрёка, Башо ответил:

— А ты прав, что я не научился заново жить после Анны. Наверное, это просто такая гребаная жизнь, что можно только один раз кого-то сильно полюбить, а дальше, если не уберечь, полная херня твориться будет.

— Нет, Себастьян. Я не согласен. У меня была жена, и я ее любил. Но потом появилась Марта. Ее я полюбил еще сильнее. Любить заново можно только сильнее. Проблема в том, что я пока не чувствую уверенности, что полюблю кого-то сильнее Марты.

— Может, тогда стоит попробовать?

— Может, — согласился я. — Но сначала я попробую поговорить с Мартой. А там видно будет.

Тем же вечером, гуляя с Чаком, я был рассеян, но списывал все на резкую смену часовых поясов. Вдобавок родина встретила меня своим суровым климатом, о котором мой организм явно успел позабыть. Примечательно, что при переезде весной я почти не почувствовал никакой акклиматизации, зато ощутил ее в полной мере сейчас, осенью. Я прибыл в самый активный период сезонных заболеваний. Горожане бродили понурые, и нередко я ловил на себе возмущенные взгляды: я, такой весь поджарый и загорелый, резко выделялся среди земельно-серых лиц соотечественников. Иногда я замечал любопытство в глазах проходящих мимо девушек. Наверное, они думали, что я иностранец. В новеньком пальто, еще блестящих ботинках, меня пока не успела съесть провинциальная осенняя хандра и слякоть.

Странное ощущение. Я был переселенцем, выскочкой в родной стране. Так и подмывало купить карту города и с идиотским акцентом поприставать к местным жителям с вопросом, как пройти на главную площадь. Но, чтобы все это проверить, пришлось бы оставить Чака в апартах, иначе бы он уничтожил всю мою иностранную солидность. Впрочем, Чаки тоже по-своему резко отличался от стандартного вида домашних питомцев, которые водились в этой местности. Мне встречались собаководы с пуделями и бишонами, попадались джек-расселы и другие терьеры, были и беспородные собаки, но таких худых и длинноногих я больше не видел.

Мы были экстравагантной парочкой. И нам обоим, хоть и в разной степени, предстояло научиться быть своими в недружелюбном месиве людей, зданий и машин.

Но я, в отличие от Чака, хоть и прожил здесь много лет, как и он, глазел на окружающий мир с открытой пастью. Я все помнил, но ничего не узнавал, ничто не откликалось в моем сердце торжеством. А Чаки напротив всюду пихал свой нос и старался поскорее узнать новый для себя мир. Иногда кто-нибудь из детей улыбался ему, и Чаки с готовностью подставлял морду, чтобы его погладили.

Наверное, в каком-то смысле я был подобен ему. Я тоже чувствовал, что глубоко внутри безумно хочу распахнуть слюнявую улыбку навстречу любому незнакомцу, чтобы меня гладили и называли хорошим мальчиком. Но, разумеется, я бы никогда не стал так делать из-за воспитания и понимания, что вряд ли добьюсь таким образом ласки. С таким успехом меня скорее закроют на всякий случай в заведении с мягкими стенами, потому что взрослые нормальные люди не бросаются в объятия к прохожим.

Нормальные люди хмурятся и делают недовольное лицо. Нормальные люди заочно недолюбливают каждого, кто находится с ними рядом. Нормальные люди жалуются на кашель и насморк, а не на душевную боль. В голове у нормальных людей цифры календаря и зарплаты, сводка погоды, рекламные слоганы и мысли о том, что они съедят следующим.

Раньше я тоже был нормальным человеком. Я понимал и не ставил под сомнение важность материального мира, носился со своей «нормальной жизнью» как курица с яйцом, был радостен и счастлив спокойному быту, и все же никогда не увязал в тошнотворной погоне за богатством. Мне казалось, это украшает меня, делает почти неуязвимым: я мог выжить на любую зарплату, позволить себе не быть измученным рабом недостижимого благополучия. Но в какой-то момент я решил, что только деньги сделают меня счастливым. Точнее — тебя. Еще точнее — нас с тобой, моя дорогая Марта.

Пока я пытался раздобыть денег, ты, Марта, пригляделась к тому, у кого они уже были. И я не хотел думать о том, что тебя привлекла его машина или брючный костюм, наряднее моего. Самое ценное, что у него, похоже, было в большем количестве, чем у меня, это свободное время. Но я менял свое свободное время не на боулинг с друзьями, не на соблазнительных любовниц, не на праздное глядение в окно. Я менял его на деньги. И до сих пор не понимал, когда я нарушил баланс между стремлением заработать побольше и необходимостью уделять тебе внимание.

На острове я почти ничего не тратил. Только обратная дорога подъела мои накопления. Тем не менее, я вернулся не с пустыми руками. Я собирался потратить часть привезенных денег на предмет, который ты, возможно, ждала больше остальных.

Мы с Чакки остановились у мокрой от дождя и снега прозрачной витрины. Чакки поежился, присаживаясь у моих ног. Затем, заметив, что я куда-то пристально смотрю, тоже решил полюбопытничать. Он поставил передние лапы на низкий подоконник и вынул язык. Ему приглянулись маленькие огоньки, рассыпанные по периметру стекла. Чакки попытался дотронуться до них лапой, но его не пустило стекло.

— Аф! — рассерженно прокомментировал он.

— Нас сюда не впустят вдвоем, — с сожалением ответил я. — Может, прогуляемся до зоомагазина и купим тебе что-то вроде куртки, чтобы ты не замерз?

— Аф! — сказал Чакки и вновь ударил по стеклу.

В размытом ореоле капель на черных пьедесталах сверкали ювелирные украшения.

Я смотрел на кольцо в бархатной коробочке. Ценников не было, но я почему-то не сомневался, что влетит такая причуда в солидную сумму. Я, конечно, плохо разбирался в драгоценностях, и все же полагал, что из-за стекла мне подмигивают настоящие бриллианты. У них был особенный блеск — надменный и лучистый, как взгляды женщин, которые привыкли ими обладать.

У тебя, Марта, был совсем иной взгляд. Я помнил в нем опаску, нежность, робость, любопытство, хитрецу. Он менялся в зависимости от обстановки и настроения, но никогда не угасал. Кроме того дня, когда мы виделись в последний раз.

Тогда глаза твои были мутными как кусок несвежего сала. В тот день все было мутным и вязким — все вещества, запахи, слова и мысли погрузились в жировую однородную вату, совершенно глухую к прошлому и будущему. Теперь я понял, чем на самом деле являлась эта вата.

Это была обида, которая забила в каждую пору тел и предметов, утяжелив все в разы. Сам того не понимая, я носил эту обиду в себе все время, вплоть до сегодняшнего дня. Ее немного вымыло соленой морской водой, чуть присушило солнце, поистрепало время, но обида не исчезла до конца. Она все еще зудела у меня меж лопаток будто воспаленный чирей, вскрыть который самостоятельно я не в силах, но просто так он не лопнет, не обнажит свой желто-зеленый гной, освободив меня от скованности. Я пытался и так, и эдак, но все никак не мог извернуться, достать болячку. Я шел за помощью к другим женщинам, лечился марихуаной, вином и медитациями. Я даже проникся буддизмом, чтобы очиститься и поговорить наконец с богом, который может излечить самого безнадежного больного. Но сейчас я уже знал наверняка, какому богу поклонялся все это время. Тому самому, что наградил меня этой заразой. Потому Будда оказался бессилен мне полностью помочь. Он просто хранил меня, гладил по голове куркуминными ладонями Пенни, кинул мне под колеса одинокого, как я сам, щенка и заставлял часами слушать регги в исполнении Сэма и

Боба Марли.

Я нащупал через пальто и шарф подвеску с ликом Учителя и мысленно задал вопрос, как мне поступить. Я вспомнил слова Башо, который всеми силами отговаривал идти к тебе, Марта. Он не верил, что любовь и прощение могут сотворить чудо. Он-то со своим чирьем сжился как со старым приятелем, с которым можно до конца дней пить пиво и поносить женщин, пляясь в телевизор на полусгнившей тахте. Моментами Себастьян в действительности бывал счастлив своей холостяцкой свободой. Счастлив не так как некогда Крис, у которого за мускулистой спиной только воздушные мили и бирюзовый бриз покоренных волн. Башо был счастлив мученически в те периоды, когда память не измывалась над ним портретами Анны и дочерей. Я хорошо понимал эту радость, потому что испытал ее на себе в свои лучшие дни на острове.

И я всегда мог вернуться к ее поиску, хоть сейчас, хоть после того, как ты прогонишь меня, Марта. Но я не знал, что будет наиболее безболезненным — явиться как есть, практически таким, как уходил — тихо, с двумя чемоданами. Или прийти, вооружившись Чаком и кольцом, маршируя под звучание оркестра моего сердца, которое ревет на полную громкость — «Я так больше не могу!».

— Аф! — выдал Чакки.

— Ты бы точно молчать не стал, — сказал я ему.

— Аф! — Чак раскидал в воздухе свои громадные уши и завертел мордой.

— Пойдем домой. Ты уже замерз.

— Аф! — Чак снова мазанул по витрине.

— Нет, Чакки, сейчас — точно не лучший момент. Нас сейчас наругают, что ты все стекло излапал. Не хватало еще поругаться с продавцом. Может, я потом сюда вернусь, но уже без тебя. Пошли.

Я дернул за поводок, и мы побрели к апартаментам. Не дойдя до нужной улицы, я все-таки повернул к магазину с зоотоварами. Там консультант, немало помучавшись, смог подобрать для Чака подходящую куртку из непромокающего материала. Я расплатился на кассе, забрал покупку и пса.

Уже дома, в свете и тепле, я вымыл Чака и еще раз примерил ему обновку. Куртка была впору. Правда лапы все равно торчали больше, чем наполовину, а Чакки глядел на происходящее с недоумением. Он все порывался укусить ткань. Я нацепил ему намордник и заставил походить в таком виде по квартире. Через полчаса он вроде успокоился и заснул. А я сидел за столом и водил ручкой по бумаге.

Я писал, писал, писал. Я уже несколько дней не притрагивался к этому письму и чувствовал острую необходимость вернуться к моим запискам, чтобы не упускать деталей происшедшего.

Пока в записях моих еще кружил многоцветием красок покинутый остров, в настоящем я думал о том, смогу ли вспомнить номер телефона, по которому не звонил слишком долго. Моя память всегда лучше запоминала цифры, но теперь я будто бы в самом деле забыл кое-что важное.

Я и не заметил, как стал выводить на листке цифры твоего номера.

24 17 53...

Нет.

24 16 53...

Нет.

24 16 54...

Одну за одной я перебирал комбинации до тех пор, пока они не дошли до края листа. Я перевернул его.

24 16 50...

Нет.

24...

Я остановился. Сначала 24 — точно. Потом 16 — точно. Затем — провал. Я не помнил две последние цифры. Там была пятерка. Вначале или в конце?

Я начал перебирать все двузначные комбинации с участием пятерки: 05, 15, 25, 35... Но через какое время понял, что так окончательно запутаюсь.

Я не хотел звонить Башо и спрашивать у него. Не потому что он не ответит, а потому что прежде, чем продиктовать нужный телефон, он не упустит возможности еще немного помучить меня своими глубинными знаниями жизни.

Я раздел Чака, разделся сам, лег в кровать.

Что теперь?

Смотреть в потолок и ждать сна? Попытаться еще раз вспомнить недостающие цифры номера?

Мне пришла в голову мысль, что я бы мог попытаться звонить наугад. Если промахнусь — скажу, что не туда попал, извинюсь и продолжу поиски. Но что если ты, Марта, все-таки съехала в той квартиры совсем недавно? Или теперь живешь не одна, и трубку подымет твоя подруга или — еще хуже?..

— Добрый вечер. Могу я услышать пани Марту?

— Марту? — мужской голос. — Здесь нет Марты.

— Простите. Я ошибся номером. Спокойной ночи.

Я вернул телефон на станцию. Сердце, резко забившееся от волнения, постепенно приходило в норму.

Это был уже пятый промах. Звонить дальше было бы бестактностью. Уже слишком поздно. Даже если я дозвонюсь по верному номеру, ты можешь уже спать. И вряд ли обрадуешься такому звонку...

— Добрый вечер. Могу я услышать пани Марту?

— Марту? — молчание. — А кто ее спрашивает?

— Я... Это... ее друг из техникума.

— Марта не училась в техникуме, она училась в лицее, — ответил неприятный женский голос, и у меня тотчас похолодели руки.

— В университете. Я хотел сказать, в университете.

— В университете она не доучилась.

— Я знаю.

— Что вам нужно?

— Мне нужно услышать Марту, пани, — коротко ответил я, внутренне замирая после каждого слова.

Женщина долго сопела. Наверное, она пыталась припомнить мой голос, но слишком редко слышала его, чтобы быть уверенной наверняка. А вот я ее узнал. Это была твоя матушка, Марта, которая по умолчанию ненавидела всех мужчин, но меня, возможно, больше всех остальных. И даже хорошо, что ей не удалось быстро раскусить звонившего, иначе бы разговор не продлился так долго.

— Она спит. Звоните утром, — ответила женщина и без прощаний положила трубку.

С того звонка прошло несколько дней. Я больше не звонил. Я был уверен, что попытаю удачу еще раз на следующий день, но в последний момент что-то надломилось во мне.

Марта... Похоже, ты теперь живешь с мамой...

Я не знаю, что с тобой было все это время, что ты успела рассказать ей, и какие мысли она поселила в твое сознание. Близкие люди умеют воздействовать на нас, умеют убеждать, если долго находятся рядом. Трудно и едва ли возможно сохранить трезвое суждение, живя в одном пространстве с тем, кто обожает насаждать свое мнение по поводу и без. Твоя мать именно из такого сорта людей. Ты сама об этом говорила мне не раз. Но ты была уверена, что это влияние на тебя минимально. Ты научилась держать дистанцию в том числе благодаря тому, что вы давно не жили вместе. Но даже тогда я понимал, что связь ваша не исчезла окончательно. Волей-неволей ее мировоззрение довлело над тобой. Ты страшилась быть на нее похожей, но так или иначе я улавливал меж вами общие черты. Генетика ли это или бессознательное чувство долга отрока перед родителем — я не знаю.

Знаю только, что сам немало копирую своего отца, хоть он отнюдь не был тираном. У отца я научился сдержанности, учтивому обращению с женщинами и бытовым делам. Я умел все, что умел отец: готовить еду, чинить краны, стирать и гладить одежду, менять колеса на автомобиле, класть плитку, обращаться с садовым и строительным инструментом. Но я совсем не умел просить прощения, не умел быть ласковым, когда встречал грубость. Не умел первым завести диалог, когда натыкался на молчание. Всему этому в какой-то мере научила меня ты, Марта. Однако сейчас я не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы устоять в схватке против мнения твоей матери. А я нисколько не сомневался в том, что она не возрадуется моему пришествию. Я ведь не Иисус.

В мыслях о том, как мне следует поступить, я провел почти неделю. И вот мы снова шли вместе с Чакки мимо того ювелирного магазина, где уже однажды останавливались поглазеть на витрину. Мы вообще часто ходили этой дорогой. Это был удачный маршрут от парка до дома, совмещающий в себе смиренную красоту осенних улиц и тишину бульваров. Но к витрине я старался близко не подходить. А в этот раз не сдержался.

Она нисколько не изменилась с тех пор, как я ее рассматривал, разве что огоньки зажглись еще ярче, потому что вечер был поздний. Завьюжила метель. Чакки в новой курточке, к которой уже привык, гордо вышагивал впереди на поводке, демонстрируя всем проходящим мимо людям и собакам, как он хорош собой. Из него бы вышел настоящий франт, будь он человеком. Кто знает, может, он и был им в прошлой жизни?

Я притормозил, чтобы завязать ослабший шнурок на ботинке, а Чак тем временем воспользовался случаем еще раз полюбоваться лампочками.

— Нравится? — спросил я его.

— Аф! — сказал Чак и поглядел на меня многозначительным собачьим взором.

— Может, нам с тобой тоже купить гирлянду к грядущему празднику, что скажешь? Повесим ее в комнате. Правда непонятно, в какой. Нам с тобой, парень, надо бы уже найти постоянное жильё.

— Аф! — сказал Чак.

— Ладно, идем.

Но Чак пошел не вперед по улице, а к двери магазина.

— Чакки, это не наша дверь.

Я потянул его назад, однако Чакки сопротивлялся.

— Идем, дуралей. Там ничего вкусного тебе не светит.

Чак не обращал на меня внимание и скреб дерево, которое легко мог поцарапать, тогда уж нам обоим влетит, что мало не покажется.

— Господи боже, идем!

Тут дверь открылась. Вышла женщина в кипенно-белой федоре и ворсистой шубе. Она с улыбкой посмотрела на собаку, затем на меня.

Мы коротко поклонились друг другу, и женщина ушла. А за ее спиной я разглядел стоящего в проеме мужчину, который придерживал ей дверь. Очевидно, продавец.

— Добрый вечер, пан. Желаете войти?

— Добрый вечер, пан, — сконфузился я и сильнее потянул к себе Чака. — Не в этот раз. Я с собакой.

— Это ничего. Вы всегда с собакой. Ваш компаньон? Дамы часто приходят со своими питомцами. Я не против. У меня самого есть собака. Заходите. Отогреетесь немного.

Мы вошли. Я придерживал Чака, чтобы он, не дай бог, никуда не полез. А продавец направился к оборотной стороне витрины, на которую я так нескромно глазел с улицы.

— Вы нас уже видели, пан? — спросил я у продавца.

— Ковач, — сдержано улыбнулся он в ответ. — Да, видел и узнал. У вас очаровательный пес. Вы присматриваете подарок?

Я глянул на Чака и подумал, насколько он действительно мог бы показаться кому-то очаровательным. Я ненавидел лесть, но мужчина все это произнес довольно спокойно, без заискиваний.

— Можно и так сказать, — неопределенно ответил я.

— Как я могу к вам обращаться, пан?

— Ривер.

— Пан Ривер, вы ищите подарок даме на Рождество?

Я также неопределенно кивнул.

— Колье? Браслет?

— Кольцо.

— Вас интересуют кольца с бриллиантами? Или с другими драгоценными камнями?

Я совсем растерялся, мне захотелось поскорее уйти.

— Знаете, пан Ковач, — сказал я. — Я пока точно не решил. Я не знаю, будет ли уместен такой подарок...

— Бриллианты — это всегда уместный подарок, — со знанием дела ответил продавец.

— Возможно, но вы не знаете всей ситуации, — начал я оправдываться.

— А зачем знать всю ситуацию? Ситуации всегда одни и те же. Мужчины приносят женщинам подарки, чтобы убедить их в своей любви. Если мужчина хочет извиниться, он приносит цветы. Если хочет просто напомнить о себе — мягкие игрушки, духи и конфеты. А если он хочет по-настоящему увековечить эту связь, он выберет что-то действительно ценное. То, что можно всегда носить при себе или же напротив — надевать только в самых исключительных случаях.

— Это весьма меркантильно, — заметил я.

Продавец развел руками:

— Вы хотели бы, чтобы было иначе, пан Ривер? Чтобы любовь снисходила на нас

подобно сиянию небесных светил — бесплатно и безучастно? Может, для цветов и деревьев этого достаточно, но не для людей. Женщина будет любить вас и в горе, и в радости только с надеждой на лучшее. Любовь не выносит смирения.

— И вы считаете, что, получив драгоценный подарок, женщина получит эту надежду?

— Если к драгоценному подарку будет прилагаться ваше чистосердечное намерение по отношению к ней, то вполне вероятно.

Мы помолчали.

Чак сидел смиренно и делал вид, что он вполне приличный пес, который не собирается шкодить в незнакомом месте. Но вдруг он встал на задние лапы и потянулся ко мне, опершись передними лапами в пальто.

— Мой друг, кажется, проголодался, — сказал я. — Нам надо идти.

— Вы так ничего не посмотрите? — спросил продавец.

— Извините, — сказал я, — сегодня я не готов к покупке.

— А когда вы будете готовы?

Я повернулся нему, нахмурившись.

Очень уж мне хотелось ответить в тот момент: «Не ваше дело, пан Ковач!», но продавец был вежлив и учтив со мной все это время. И, хоть я понимал, что его основная задача — как можно больше продать и как можно больше заработать, я оценил его умение красноречиво уговаривать. Он сделал комплимент моей собаке, но передо мной не выслуживался. Я уважал таких людей.

— Сколько стоит это кольцо? — я ткнул пальцем на витрину.

— Это? — он удивленно поднял брови, но цену назвал.

Как я и думал, это было недешево, но приемлемо в рамках выделенного бюджета.

— Вы знаете размер? — спросил продавец.

— Нет.

— Какие у нее руки?

— Красивые.

Он улыбнулся.

— Вы влюблены, — произнес пан Ковач как-то слишком мечтательно. — Это кольцо размера шестнадцать с половиной. Если у нее маленькая, аккуратная ручка, как раз должно подойти на безымянный палец. Давайте сделаем так. Вы купите его, но, если потребуется размер больше, вы придете вместе, и я заменю вам кольцо на подходящий размер.

Я занервничал.

— Я не уверен, что она вообще его примет.

— Даже так? Что ж... Тогда обещайте мне, что, если не примет, вы пожертвуете кольцо в любой католический собор.

— Вы католик?

— Да. А вы?

— Я буддист.

— Это очень хорошо, — нисколько не смутился продавец. — Значит, деньги — последнее, чем вы дорожите. Отнесите их туда, чем дорожу я и миллионы других людей.

Он передал мне кольцо, а я дал ему обещание. И почему-то после этого обещания стало легче. Бриллиантовая безделушка в золотой оправе в любом случае не потеряется в череде моих смятений, что бы ни случилось.

— Вера крепка по своему определению, — сказал на прощание продавец, и мы

скрепили ладони в рукопожатии. — Удачи, господин Ривер.

— И вам, господин Ковач.

Мы с Чакки вышли из магазина.

Я шел в квартиру со странным чувством душевного подъема и одновременного смятения.

Было около десяти, когда я закончил вечерний ритуал для Чака с душем и кормлением и прикидывал, стоит мне поесть и помыться самому, или же я совсем не голоден и чист в достаточной степени, чтобы снова набрать номер телефона, который выписал себе на отдельный лист, чтобы не забыть, и хранил в общей стопке вместе с письмом.

Что я стану делать, если никто не поднимет трубку?

Я перезвоню завтра.

Что я стану делать, если трубку подымет твоя матушка?

Я попрошу тебя к телефону.

Что я стану делать, если она не захочет передавать трубку, сославшись на то, что ты спишь?

Я перезвоню завтра.

Что если завтра все повториться? Что если?..

Я не знаю. Наверное, я просто пойду в ту квартиру. Позвоню не по телефону, а в дверь. Я ведь знаю, где ты. Я знаю, что ты там. И я знаю, что хочу поговорить с тобой. Я знаю это...

— Марта?..

— Да. Кто это?..

На какое-то время меня практически парализовало. Я прекратил дышать. Все, о чем я думал, к чему мысленно готовился, вывалилось из головы. Мой ступор мог продолжаться и дальше. Наверное, я бы положил в конце концов трубку, если бы не вспомнил, как много уже сделал, чтобы добиться этого звонка.

— Марта... — выронил я.

— Да. Вас плохо слышно. Алло? Кто это?

— Марта, это я... Джет.

— Джет?..

— Джет Ривер. Марта, это я.

Ты замолчала.

Может, приняла это сообщение за неудачную шутку. А может, поверила сразу, но не нашлась, как реагировать. Я должен был сказать еще что-то. Выдавить нечто убедительное, а я не знал, чем удержать эту хрупкую нить беседы.

— Марта, — сказал я, — мне хотелось бы увидеться с тобой.

— Увидеться?

— Да, мне хотелось бы увидеться и поговорить.

— Джет, я не понимаю, зачем нам видеться.

— Я хочу поговорить.

— О чем?

— Марта, я хочу увидеться и поговорить, — с нажимом повторил я. — Давай встретимся в кофейне Фила. Ты помнишь это место? Если возможно, завтра? Назови любой час.

— Джет, это глупо, — сказала ты будто бы печально, но печаль эту пыталась всеми силами скрыть от меня.

Возможно, мне лишь захотелось услышать печаль, а говорила ты просто равнодушно. И даже будь это так, что никакой печали нет, я не мог сдаться.

— Марта, послушай, если хочешь, встретимся в другом месте или в другой день. Просто скажи, когда сможешь.

— Джет, нам не за чем видеться. Поверь. Не звони мне больше.

Звонок прервался. Как-то неестественно и грубо. Я услышал короткие гудки. И слушал их еще долго. Сложно было смириться с тем, что я их слышу. Это не вязалось ни с чем из того, к чему я готовился. А ты просто положила трубку. Вот и все.

Нет. Так не должно быть! Так нельзя! Марта, черт возьми! Марта!

— Марта!..

Не уверен, что мой крик кто-то слышал. В этот раз гудки раздались быстрее, чем кто-либо мог успеть поднести телефон к уху и принять решение сбросить вызов. Я набрал снова. И снова гудки.

Да чтоб тебя!..

Чак выскочил из угла, чтобы прийти мне на помощь, потому что я орал в ярости как чокнутый, ничего не соображая. Я снес телефон со стола. Чакки опасно понюхал его обломки и поглядел на меня, будто бы спрашивая: «В чем дело, приятель?»

— Дерьмово все, Чак! — завопил я на собаку.

Он заскулил и вжался в пол.

— Прости...

Я сел на корточки, погладил его. Потом шмякнулся рядом, и Чак переполз ко мне на колени.

— Прости, дружище, — я обнял его и заплакал.

Когда я плакал в последний раз?

Когда уехала Саша?

Нет. Мне тогда очень хотелось, но я худо-бедно справился с тем порывом.

Когда ушел от тебя, Марта?

Нет. Я скучал, ненавидел, любил, пытался простить, пытался забыть, пытался не думать о том, чтобы повеситься. Но я не плакал.

Когда ушла жена?

Тоже нет. Я прожил то время в дикой, несуразной, полуслепой пелене. Мне было не до слез.

И даже на маминых похоронах я стоял как истукан. Наверное, боялся выглядеть слабым перед отцом.

Так когда же я плакал в последний раз?..

— Джей?.. Джей?.. Джей!..

Я повернулся украдкой. В темном зале было трудно что-нибудь разглядеть.

— Ты что, плачешь? — спросила ты, сжимая мою руку.

Мы смотрели какой-то фильм. Я даже не вспомню теперь, какой. Но там была сцена, как солдат хоронит любимую женщину, которую застрелили фашисты.

— Нет, — соврал я.

Но тогда я правда плакал. Над фильмом, над этой сценой. Настолько она глубоко тронула меня, что я будто бы чувствовал на собственных руках холод мерзлой земли, холод остывающего человеческого тела, которое вскоре сожрут черви, и ничего не останется от той красоты, каким оно было наполнено прежде.

— Нет, я не плачу, — еще убедительней притворился я и затем потихоньку стер слезы.

Теперь я вытирал слезы об уши Чакки и не стеснялся того, что он застыдит меня. Он стал облизывать мне лицо.

— Ну прекрати... — проворчал я. — Прекрати, Чак, ты воняешь псиной.

— Аф! — сказал он, явно довольный проделанной работой.

Я был весь в вонючих собачьих слюнях, которые, высыхая, превращались в настоящий супер-клей. Я отправился умываться. Чак — за мной.

— Хватит меня преследовать, — сказал я ему со всей строгостью, демонстративно закрывая перед носом дверь.

Но он настойчиво скребся. Пришлось впустить.

— Ну, если уж ты такой умный, — ухмыльнулся я, — тогда предложи, как быть дальше.

— Аф! — ответил Чакки.

— Так и знал, что ничего умнее не придумаешь... — с досады я покачал головой. — Ладно, иди одевайся.

Снарядив Чака в его прогулочную куртку, я оделся сам. Проверил карманы на наличие всех необходимых предметов, вышел из квартиры.

Мороз заметно окреп. Холод пробирал до костей. Мне, уже привыкшему к тропикам, такая погода была совсем не по нраву. Тем не менее и я, и Чакки шагали бодро.

Пройдя несколько кварталов, мы пересели на трамвай. Он как раз притормозил у остановки. Я устроился на сидении, Чак — у меня между колен.

Я ни о чем не думал в тот момент. Не планировал, не создавал в голове искусственные сценарии. Я даже не молился. Хватало того, что я просто куда-то двигался. Движение определяло уверенность, что я все делаю правильно.

По большому счету, правила — это то, чем руководствуются одни люди по решению других. Если правила создаешь ты сам, то фактически становишься непогрешим. Вроде диктатора у власти, который придумывает и отменяет законы в зависимости от того, что выгодно именно ему и именно сейчас. В самые отчаянные моменты есть лишь два пути: первый — стать диктатором собственной жизни, и второй — забиться в угол и ждать, когда обстоятельства благословят тебя или же добьют окончательно.

Я признаю, что слишком долго валялся в своем углу.

— Нам пора выходить, Чак, — сказал я псу.

Он встал на все четыре лапы, полный неведомой решимости. Мы вышли из трамвая.

Я поднял воротник и плотнее закрутил шарф. Перейдя дорогу, мы спустились в проулок и через два поворота очутились в безлюдном дворе. Я набрал код на двери подъезда. Консьержа на месте уже не было. Мы поднялись на третий этаж.

Звонок.

Дверь открылась спустя несколько минут. Честно говоря, я думал, она никогда не откроется. Потому что перед этим видел характерное поблескивание глазка — в коридоре кто-то принимал довольно непростое решение.

И все же принял его.

— Здравствуй, Марта.

— Здравствуй.

— Это Чак, — сказал я. — Мой лучший друг. Мы оба замерзли. Ты позволишь нам войти?

— Джей...

Ты опустила руки.

Они были чуть пухлее, чем раньше. Лицо бледное, с опущенными щеками, нечеткой линией подбородка. На тебе просторная ночная рубашка, халат и шерстяная шаль — с приходом холодов в этой квартире всегда не хватало отопления. Мы грелись кофе, вином и друг другом. Но сейчас в квартире не пахло ничем из прежде знакомого. Из комнаты шел совершенно иной запах. Ни моих сигарет, ни цитрусового глинтвейна, ни молотых зерен. Пахло стиральным порошком, отгоревшими свечами и бумажным клеем.

Я проследил за тем, как ты складываешь ладони на округлом животе, слегка выдававшемся под изгибом налитых грудей. И лишь тогда я понял, почему ты так странно стоишь — чуть прогнувшись в пояснице и опираясь на обе ноги сразу.

— Джей...

Ты посмотрела на Чака, а он — на тебя. После чего он бестактно воткнулся носом в край твоего халата.

— Он не укусит? — спросила ты.

— Нет, — я проглотил ком в горле. — Не укусит.

Зрение мое заволочло туманом.

И лишь спустя примерно четверть часа я понял, что смотрю в чашку чая, от которой поднимается горячий пар. Я слышал звук твоего голоса, медленный, буднично-оглушительный в своей простоте. Казалось, это не ты говоришь со мной, а случайная попутчица в лифте решила поделиться последними дворовыми сплетнями. Я рассеяно слушал, глотая безвкусный кипяток. Язык и горло обжигало, и я поминутно кашлял в кулак, продолжая смотреть куда-то в сторону. Лишь бы не на тебя.

Впрочем, рассказ был предельно краток и лишен зловещих подробностей, за что я был скорее благодарен. Мои руки наконец отогрелись, Чак заснул. Я поднял глаза.

— Я же говорила, что нам не надо видеться, — сказала ты, безвольно улыбаясь на одну сторону лица.

Я изучал эту странную улыбку несколько минут.

— Почему?

— Почему? — удивилась ты. — А разве ты рад меня видеть... такой?

Я слышал, что беременность украшает некоторых женщин. Увы, Марта, я был бы подонком, сказав, что ты из их числа. Но и был бы еще большим подонком, скажи я, какой вижу тебя сейчас. Потому я умолчал об этом.

Признаться, я ожидал какой угодно встречи: сентиментальной, романтической, скандальной, полной взаимных оскорблений или взаимных признаний. Но я никак не ожидал такой — меланхолической, бессвязной, равнодушной, лишенной эмоций и каких-либо красок. Передо мной сидела не ты прежняя, а какая-то другая Марта, похожая на тебя как сестра, но старше, круглее и несчастнее, с руками, пахнущими чесноком и осенней понурой листвой.

Ты подлила еще чаю — мне и себе.

— Ему не нужно дать воды или еще чего-то? — спросила ты, поглядев на собаку.

— Нет, не нужно.

Я в который раз кашлянул, огляделся вокруг: здесь ничего не поменялось, но все стало совершенно иным. И я, понял, в чем дело. Было как-то слишком чисто для твоего в общем-то спокойного отношения к быту. Ты всегда сохраняла некий баланс между созданием уюта в доме и временем на себя. По всей видимости, последнее ты отставила куда-то в сторону.

Потому окна, мебель, стены, пол и даже плинтуса были вылизаны просто до неприличия.

— Я в самом деле рад тебя видеть, Марта, — сказал я.

— Правда?

— Да.

Я все-таки решился опустить взгляд ниже твоего лица. Живот уже значительно выдавался, но ему предстояло вырасти еще больше. Впереди почти четыре месяца, которые наверняка изменят тебя во всех смыслах. Что станет с тобой, с твоим миром — с телом и душой — по их прошествии не знали ни ты, ни я.

Я не спросил имя отца. Оно все равно бы мне ничего не дало. Мы не были с ним знакомы. Мне хватило того, что ты сообщила добровольно, без наводящих вопросов: он был резко против ребенка, потому отношения закончились в кратчайший срок, тем более, что он никогда не собирался уходить от жены.

— Я думала, что ты умер.

— Все так думали, — ответил я. — Я жил в другой стране.

— Далеко?

— Очень далеко.

— Что это такое висит на ошейнике у твоего пса?

— Будда. У меня такой же на шее. Это подарок. Одной девушки.

— Она тебя любила?

— Она была ко мне добра.

Ты хмыкнула, горько и насмешливо.

Не знаю, о чем ты подумала, что представила себе. Вряд ли это было сочувствием или дружеским одобрением. Ты вполне имела право на менее благородные чувства. На ревность, зависть, обиду, презрение — на все то, что пережил некогда я сам. Но в любом случае я не видел смысла в том, чтобы рассказывать тебе сейчас о моих взаимоотношениях с Пенни и объяснять, что в самом деле значил ее подарок.

— Ты уже придумала имя?

— Нет.

— А кто будет? Мальчик? Девочка?

Почему-то мой вопрос вызвал у тебя какую-то пыльную улыбку.

— Кто угодно, лишь бы не девочка, — пошутила ты.

— Значит, сын?

Ты кивнула.

— Я подумал, что ты теперь живешь с мамой.

— Она часто приезжает. Хочет насовсем переехать. Но я пока справляюсь сама. Пособия хватает на квартиру и самое необходимое. Да и мама немного помогает. Я ей очень благодарна.

— Она рада?

— Рада? — с какой-то издевкой переспросила ты. — Она никогда не рада. Мне все казалось раньше, что в определенный момент мы начнем понимать друг друга лучше. В конце концов, она сама была когда-то на моем месте. Но в основном я слышу все те же упреки. Милосердие — вообще не ее конек. Это при том, что она яростная католичка. Не понимаю, как это возможно? Короче, мама неисправима.

И ты засмеялась, так грустно и некстати, что даже Чак проснулся.

Он подошел к тебе и положил свою длинную морду на твои колени. Ты отвлеклась,

чтобы побаловать его лаской, а Чак без притворства и лишнего кокетства тут же растопырил уши и выпустил язык.

— Ты его привез из той страны, где жил?

— Да.

— Как же вы добрались?

— Сначала на двух самолетах, — объяснял я. — Нас кое-как пропустили на втором рейсе вместе в салон. За что огромное спасибо понимающим работникам. Но на третьем перелете Чака опять хотели запихнуть в багаж, а он был явно не в духе. Пришлось ехать на попутном автомобиле, потому что в поезд и в автобус его не пускали, как я ни уговаривал. Но мы все преодолели. Это главное.

— Пес-путешественник, — искренне похвалила ты Чака, а он знай себе растянул пасть в некое подобие собачьей улыбки и пускал слюни во все стороны. — Хороший, хороший мальчик... Чакки... Малыш... Хороший...

Тут ты посмотрела на меня, и глаза у тебя заблестели от радости.

— Что?.. — растеряно спросил я.

— Как ты решился? Ты же не хотел заводить собаку.

Я пожал плечами.

— Не знаю. Так сложились обстоятельства.

— Ужасно, когда все решают обстоятельства.

— Согласен. Ужасно. И, наверное, я мог бы его оставить там, у друзей. Но не захотел.

— Почему?

Я снова как-то нелепо дернулся.

— Я подумал... Подумал, что не должен его оставлять. И еще я подумал, что... ты наверняка обрадуешься.

Ты выпустила Чакки из своих ладоней и стала вмиг серьезна.

Чак твоего жеста не понял и настойчиво потребовал вернуться к его поглаживаниям, но ты не пошевелилась, и он ушел ни с чем. Снова залез под мой табурет, положил голову на вытянутые лапы и задремал.

— Ты так похудел... — прошептала ты.

А я напугался твоих интонаций, боясь, что следом за ними у тебя потекут слезы — так удрученно это было произнесено.

Но ты рассматривала меня с необыкновенной нежностью, которая в точности подходила твоему новому образу, утратившему точность линий.

Волосы распушились перистыми облаками, окружившими чуть сгорбленную шею. Шаль задымляла руки и плечи серым полотном. Веки и уголки губ хранили в себе тепло, а каждый твой жест происходил плавно, без малейших рывков.

— И загорел...

Я обратил внимание на предельную белизну твоей кожи. Как давно я не видел ее молочной простоты... Как давно она покинула меня, став бледным призраком, являвшимся мне в тревожных, удушливых снах.

— Загар быстро сойдет, — сказал я. — И на холоде гораздо больше хочется есть. Я вернусь к прежнему облику быстрее, чем ты думаешь.

Ты перевела дыхание и спросила:

— Почему ты вернулся?

— Я думал, ты спросишь, почему я уехал.

— А это не одна и та же причина?

— Одна.

— Так почему?

— Потому что... — я замялся с ответом.

Я давно его знал назубок. Он укладывался в одно очень простое предложение. И я собирался его озвучить, когда шел сюда. Но, сидя перед тобой настолько близко, не решился озвучить.

Я сказал:

— Потому что так было надо.

— Понятно, — кивнула ты, давая понять, что ничего тебе не понятно, но ты не будешь меня больше пытаться вопросами.

Ты убрала со стола чашки, сразу вымыла их в раковине, неторопливо расставила по полкам в шкафу. Затем ты обернулась.

— Джет, я могла бы предложить вам переночевать здесь, но ты сам знаешь, что никаких условий тут нет. Я даже надувной матрас продала. А мама спит со мной, когда приезжает.

— А кофеварку? — ни с того ни с сего огорошил я тебя вопросом.

— Кофеварку?

— Кофеварку ты тоже продала?

— Да, и ее тоже. Зачем она мне сейчас? Кофе под запретом. Только дразнить душу.

— А я купил турку, — снова как-то несуразно вышло у меня поддержать разговор. — Я ее привез с собой.

— Турка... — пробормотала ты и улыбнулась. — Джет, я стараюсь поздно не ложиться...

— Да, конечно, — я резко встал. — Чакки! Чакки, подымайся!

Я стал будить мою псину, чтобы поскорее уйти.

— Джет...

Вдруг ты подошла ко мне. Взяла за руку. Я повернулся. Ты сжимала обеими руками мою левую ладонь, сжимала с силой. А потом так же одномоментно выпустила. Но продолжала смотреть в глаза.

— Пусть у тебя все будет хорошо, — сказала ты, улыбаясь будто на эшафоте.

Я, наверное, все-таки шевельнул губами, но ни одного звука не вырвалось изо рта. Только голова задергалась как у китайского болванчика.

— Джет... я правда хочу, чтобы ты был счастлив, — мне досталась еще одна вымученная улыбка.

— Марта...

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Ты следила за тем, как я завязываю ботинки, уже одетый в пальто и шарф, а Чак вертелся под руками и пытался куснуть меня за палец.

— Он такой милый, — улыбнулась ты уже по-настоящему.

Я оторвал глаза от шнурков.

— Ничего если мы с ним придем завтра?

— Лучше не надо, — сказала ты.

Я намотал поводок на запястье и вышел из квартиры.

Все, что я там услышал едва ли имело отношение к тому, зачем я приходил. Нынешняя

недосказанность между нами оказалась даже шире и больше той, что была раньше.

Раньше мы хотя бы молчали о том, чего не знаем. Сейчас мы молчали о том, что знаем и видим, о том, что было понято и выстрадано за прошедшее время, но это не сделало никого из нас смелее и разговорчивее.

Когда-то и я, и ты, Марта, страшились нарушить зыбкую действительность, частью которой стали отчуждение и холод. Но теперь разрушать стало нечего, и вместе с тем жизнь расставила акценты по-новому — чуть более жестко: убраны многие знаки вопросов, и стало больше точек вместо многоточий и запятых.

Твою жизнь отныне определяла жизнь нерожденная. Если ты чего и боялась когда-то, то оно уже произошло, потому страха как такового не было. Сейчас я знал, что в том числе любил в тебе эти страхи. Они заставляли тебя бороться, язвить, смеяться назло. И все это было в прошлом.

Осталось ли в тебе хоть что-то из того, что было мною любимо?

Когда перед моим уходом в коридоре ты взяла меня за руку, когда посмотрела в глаза, пол ушел из-под моих ног. Фразы казались тонкими и невидимыми как единственный волос в потоке прозрачного воздуха. Я больше не знал твоего имени, моя любовь стала обезличенной, как и положено любви к богу. Я больше не винил тебя за прожитое, обида ушла. Но я не мог смириться с вынужденным признанием, что той нашей любви уже давно не существует. Она осела прощальным пеплом на страницах этого дневника — и это все, что от нее осталось.

Кусочки льда по спине... Уголки губ, прячущие лукавую похоть... Шепот, стон, крик удовольствия... Ветер под подолом платья, рисующий воздушные изгибы между ног... Запах крови на кончиках пальцев... Ее вкус на языке, сладкий, вяжущий... Реберные линии, проступающие на поверхности кожи... Прикосновение холодных рук с мороза...

Все это было в моей реальности, еще слишком живой, чтобы легко отпустить. Но я должен был отпустить. Я должен был признаться себе и заставить себя не оглядываться.

— Джей!..

Я оглянулся.

Ты вышла на лестничную клетку и стояла, опершись спиной на открытую дверь. Из прихожей лился свет, озаряя часть твоего силуэта. Я находился на полпролета ниже и смотрел на тебя.

Затем я стал подниматься. Зашел в квартиру. Ты щелкнула замком. Я размотал шарф, снял ботинки и пальто. Потом раздел Чака. Подошел к тебе. Положил ладонь на щеку. Ты закрыла глаза.

Я поцеловал твои губы, поцеловал шею. Слушал, как глубоко ты дышишь мне в висок.

— А... можно?.. — спросил я.

— Да... вроде бы можно.

Мы пошли в комнату. Чакки оставили за дверью, чтобы не мешал.

Я снял пиджак. Ты расстегивала на мне рубашку. Я ослабил брючный ремень. Ты помогла мне окончательно раздеться. После этого я раздел тебя. Мы легли на кровать.

Я не знал, что мне делать. Как повести себя, чего можно касаться, а чего не стоит. Не знал, как не ранить, не сделать больно, не выглядеть глупо. Мои руки не находили точки опоры, они не понимали, к чему примкнуть, какая власть им дана, какую силу им разрешено использовать. Я терялся, но останавливаться не хотел. Это оказалось еще сложнее, чем лечь в постель с незнакомой женщиной. Иногда незнание — это ключ к вседозволенности, но

иногда оно сковывает пострашнее нервной тряски. Тем не менее я был чересчур спокоен.

Я целовал твои плечи долгими теплыми поцелуями. Я заново проникался твоим запахом, пытался не искать известное, пытался просто почувствовать. Наверное, это была самая длительная из всех наших прелюдий. Я притянул тебя за бедра и впервые вошел без барьеров — плоть к плоти, мгновенно ощутив влажное скольжение каждой из тех клеток моего тела, что сейчас были в тебе.

Прижав тебя еще сильнее, лбом я уткнулся в затылок и старался сосредоточиться на счете: один, два, три, пять, шесть, девять, тринадцать... Я не входил глубоко, не делал резких движений, но неминуемо чувствовал, что меня вот-вот накроет, и больше я не могу сдерживаться.

Когда я кончил, мы остались в объятиях друг друга с закрытыми глазами, а вскоре я совсем обмяк и незаметно уснул.

Мне снился один из самых редких и горячо любимых снов — темнота. Сплошная безраздельная темнота из миллиардов крошечных точек тьмы. После ее созерцания я всегда чувствовал себя намного лучше.

Я не уследил, сколько проспал и в котором часу открыл глаза. Было уже светло, и из кухни доносился аромат жареных яиц и ветчины.

Неодетый я пошел навстречу запаху.

Чак смиренно выжидал у плиты, когда ему что-нибудь обломиться, а ты, Марта, не забывая его приглаживать рукой, колдовала над завтраком. Обернувшись, ты смерила меня довольно наглым взглядом.

— Ты так и собираешь бродить голым?

— В тропиках зачастую это лучшая форма одежды.

Ты сняла сковороду с огня, понесла на стол. Чак, будто привязанный к ней за невидимую ниточку, одновременно проследовал носом по тому же маршруту. Ты снова посмотрела на меня.

— Здесь тебе не тропики. Джей, оденься, пожалуйста.

— Почему?

— Я не знаю... Мне... неловко... Я сейчас принесу тебе что-нибудь.

Не дожидаясь моего прямого согласия, ты ушла, но уже через пару минут вручила мне футболку и штаны. Мои футболку и штаны. Те, что я некогда носил в этом доме. Я держал их в руках, пребывая в самом настоящем шоке. Но я не хотел, чтобы ты это заметила. Не хотел, чтобы ты даже краем мысли подумала, что я тушуюсь и нервничаю. Но проверь ты сейчас мой пульс, думаю, он бы зашкаливал.

— Я думал, ты все выкинула.

— Не все, — ты отвернулась, чтобы достать вилки, но глаз так и не подняла. — Что-то я оставила. Я сама их иногда ношу.

— Мои вещи?

— Да.

И добавила чуть погодя:

— Видимо, я стала сентиментальна.

Я оделся, как ты просила. Ел молча.

Ты наливала мне чай, резала хлеб и тоже молчала. Никто из нас не знал, о чем говорить. И я даже представить себе не мог, о чем ты думаешь. Кто-то должен был сорваться первым, нарушить эту чинную атмосферу беспристрастности. Но все происходило мирно, даже

хладнокровно, что начинало казаться, будто тебе впрямь все равно, что будет дальше и будет ли что-то вообще.

— Может, ты ждала, что я позавтракаю, поблагодарю за еду и секс формальным чмоканием в щеку и уберусь подальше вместе со своей собакой, бронзовым загаром и пятимесячным отсутствием?

— Марта, — сказал я, — мы могли бы прогуляться сегодня, если хочешь.

— Джей, — ты опустила вилку на стол, — это, конечно, очень милое предложение с твоей стороны, но...

Я не дал тебе закончить фразу:

— Но если ты не хочешь гулять, мы можем остаться дома и смотреть целый день телевизор. У меня давно не было телевизора, с удовольствием посмотрю.

Ты улыбнулась натужно.

— Джей...

— У тебя другие планы? — снова перебил я.

Ты подумала с минутой.

— Нет. У меня нет других планов. Я бы прогулялась. Да.

— Хорошо. Давай собираться?

Ты огляделась растеряно. Обе твоих ладони крепко сжимали край столешницы.

— Куда мы пойдем? — спросила ты.

— Может, наведаемся к Филу? У него есть горячий шоколад и какао. Тебе можно шоколад или какао?

Теперь ты улыбнулась нормальной, человеческой улыбкой, которая всем нам была нужна как воздух.

Втроем — ты, я и необыкновенно счастливый Чак — мы размеренно шли по городу, минуя улицу за улицей.

Я еще не свыкся окончательно с мыслью, что теперь нас в самом деле четверо. У четвертого еще не было ни имени, ни фамилии, ни определенного статуса, хотя во многом именно судьба этого человека должна наложить свой отпечаток на будущее всех нас. Мне было еще далеко до полного осознания того места и той роли, которые я по сути сам уже себе определил. Важность того утра — наполнивших его слов, мимолетных взглядов, вроде бы ничего не значивших жестов — я оценил лишь много времени спустя.

Тогда я просто чеканил шагами черный асфальт, придерживал твою руку на моем локте, одергивал Чака, чтобы он лишний раз не лез к прохожим, и вел абстрактные разговоры о том, что меня мало тревожило, и о чем мы оба могли спокойно говорить.

Пообедав у Фила, мы спустились к реке.

В этих краях до декабря обычно держится плюсовая температура днем, потому река еще не замерзла, и мы любовались ее ровным течением с набережной. Чак, не найдя ничего интересного в таком досуге, со скучающим видом вертел ушами.

Мы с тобой, Марта, стояли близко-близко. Ты прислонила голову к моему плечу.

Время скользило неслышно по безликой, обутой в холода безлюдной набережной, по нашим лицам и телам. С каждой секундой его оставалось все меньше, потому что время — невозполнимый ресурс, который мы тратим все больше не на решения, а на поиски тех самых решений, которые иногда не спешат приходить.

Мне понадобилось почти пять мучительных месяцев, чтобы встретиться с пониманием того, ради чего стоит жить и есть ли в этом мире хоть что-то, за что можно уцепиться. Будда,

поселившийся в моем сердце, чей лик я отныне носил на шее, призывал отказываться от своих прихотей и страстей, чтобы выйти из круговорота бренности и обрести внутренний Свет.

Но я так и не смирился с тем, что безбрежный космос Бога может принести мне спасение и приведет к большему, чем может мне дать земная любовь.

— Что ж, — сказал бы Учитель, добродушно щуря свои глаза-миндалины, — значит, твои дни на земле еще слишком молоды. Став старше на одну жизнь, ты снова воззришь к праведному Пути. А сейчас ты просто вернешься к человечеству и будешь его маленькой частью.

— Я надеюсь быть хотя бы не худшей его частью.

— Это уже немало.

До следующей жизни...

И, может быть, там я снова встречу Пенни, как она того хотела. Ее душа и телесность обретут единство. И мы попробуем остаться близкими друг другу. Кто знает...

Быть может, Чак повторно станет моим лучшим другом, но уже в человеческом обличье. Он будет мой товарищем, сыном, братом, отцом — доверенным человеком, чтобы наравне со мной дарить свою заботу, делиться своим опытом. Кто знает...

Быть может, Крис будет жить не так далеко. Быть может, мы вместе увидим горы, пустыни и экзотических красавиц. Будем курить траву, будем драться в шутку или всерьез. Будем героями или разбойниками, или теми и другими сразу. Кто знает...

Быть может, мама останется со мной живая. Я вспомню ее глаза из прошлой жизни, которые сейчас совсем забыл. Но там, в моем новом будущем, мне не придется забывать. Не придется прощать ее за ошибки, в которых никто не виноват.

Кто знает, что мне предстоит на новом витке Сансары.

Все это, если и случится, то когда-то потом.

Потом...

Сейчас рядом со мной была ты, Марта, мой верный пес Чак и еще нерожденный ребенок, которому я вознамерился дать свою фамилию.

Я нащупал в кармане коробку с кольцом. Достал ее. Открыл. Вытащил кольцо из прорези и протянул тебе.

— Примерь.

Ты посмотрела на меня так, будто бы я предложил тебе раздеться в общественном месте.

Неловко вытерев ладони о пальтовую ткань, ты приняла из моих рук сверкающее украшение.

— На какой палец?

— Продавец сказал, что должно подойти на безымянный.

Ты критически осмотрела свои затекшие конечности, потом зачем-то облизала фаланги на безымянном пальце и попыталась продеть его в узкое отверстие, которое было ему явно не по размеру. Однако твоя настойчивость победила — кольцо с горем пополам заняло положенное место.

— Теперь только вместе с пальцем отрывать, — сказала ты так, словно говорила не о себе, а подтрунивала над какой-нибудь приятельницей, не очень близкой, что нестрашно обидеть.

Ты ведь все еще не верила в то, что случилось.

— И что теперь? — спустя несколько минут спросила ты.

— Мы помолвлены, — констатировал я.

— Я не так себе это представляла.

— Кольцо?

— Предложение.

— А я никак не представлял, — сказал я. — Но рад, что это случилось.

Внезапно ты схватила меня за воротник и вжалась лицом в мою грудь.

Ты рыдала, а я просто обнимал тебя и не стремился поскорее завершить эту истерику. Тебе нужно было выплакаться, а мне нужно было решишься сказать самое главное, чего я еще не говорил тебе с тех пор, как возвратился в этот город.

— Я люблю тебя, Марта. Это единственная причина, почему я уехал и почему вернулся назад. Больше нет других причин.

Прочитывая вслух самого себя, я почувствовал, что замкнул наконец длинную дугу поисков, которые высосали из меня подчистую все силы, что я был уже не в состоянии находиться в собственной телесной оболочке. Она стала мне тесна и противна, если я не мог дотянуться до того, что действительно любил. Я только теперь понял, что лишь в любви живет осмысленность к настоящему, тот самый краеугольный камень любой жизни — ее понимание и богатство.

Любовь отражается в бесчисленном калейдоскопе форм, перемещаясь в хитроумных завитках судеб, течений и чувствований. Любовь одна на всех, но уникальная в каждом своем рождении. Мы — ее родители, и мы же ее дети. Потребители и генераторы. Две стороны одной монеты, которая непрерывно крутится.

Сансара.

И, повинувшись ее законам, витки земного странствия невозможно прервать ничем, кроме выхода к богу.

Потому завершив один этап единого круга, я ступил на тропу нового. И, конечно, он не был устелен передо мной лепестками лотоса, но был полон моей огромной веры, что радость и боль неизменно чередуются до тех пор, пока я существую.

А наши с тобой радость и боль, Марта, чередуются до тех пор, пока существуем мы оба.

Ты умерла 24 декабря в 23:15 при родах, не дожив до Рождества всего 45 минут.

Если верить официальной статистике, при современных возможностях медицины вероятность такой смерти составляет менее одного процента: буквально 10–12 случаев на 100 тысяч родов. Однако риск существенно возрастает, если роды преждевременные: порядка 23–25 %.

И как-то так вышло, Марта, что ты сумела вписаться сразу в обе несчастливые статистики.

С 28-ой недели беременности у врачей, которые тебя сопровождали, стали появляться в речи какие-то странные намеки и опасения, которые официально назывались «маловероятной возможностью без повода для паники». Да мы и не паниковали. Просто немного волновались. Ставили уколы, принимали таблетки, соблюдали диету.

На 30-ой неделе тебе запретили передвигаться дальше, чем до туалета и держать в руках что-то тяжелее пластикового стакана с водой. Все это выглядело удручающе, но в общем-то терпимо.

На 31-ой неделе случилось кровотечение.

У нас в квартире стояла елка, под которой зевал Чак. Он почему-то больше не хотел играть с огоньками и нападать на колючее чудовище. Он будто пытался ответить в своей собачьей голове на вопрос, который в это Рождество задавали себе многие люди. Но он не справлялся с задачей самостоятельно, оттого ждал, когда ему кто-нибудь растолкует.

И ждал долго. Весь сочельник и все Рождество. Я появился в не самом разговорчивом настроении. И иногда мы размещались под елкой вместе.

А спустя две недели здесь поселился новый человек — наш сын, Мартин.

И Чак бросил свой пост, чтобы обосноваться под его кроваткой.

Мартина выписали, когда он стал весить 2,2 килограмма. Его набор веса стабильно прогрессировал, но все равно он еще очень долго оставался самым маленьким младенцем из всех виденных мной.

Хотя я их немного видел. А на Мартина смотрел подолгу.

Стоя у его колыбели, часами укачивая на руках, напевая ему спутанные несвязные песенки собственного сочинения, я много думал о том, как удивительно и трагически мы с тобой оба, Марта, умудрились повторить судьбы наших родителей.

Что это? Карма? Родовое проклятие? Неудержимый крест для наших душ? Или просто жестокое стечение обстоятельств, которое мы были не в силах изменить, но хотя бы попытались?

Я запретил себе ругаться на то, что так долго был в разлуке с тобой. Что рассуждал о нашем расставании как о благе для обоих. Что много раз останавливал себя и запрещал вернуться. Что верил в такой финал и пытался его возвысить.

Я понимал, так или иначе, что должен был пройти этой дорогой, довериться солнцу, песку и шуму волн. Всем этим щербатым, загорелым людям. Всем этим вихрям одиночества и свободы. Должен был несколько раз довести себя до края и выгнуть за борт. Ведь Учитель может много часов говорить о боли из-за брошенного камня, но только влетев в этот камень лбом, ты проживаешь знание целиком за доли секунд.

И все же совесть неумолимо грызла меня в часы слабостей, когда я терял связь с

реальностью и понимание, за что плачу настолько высокую цену. За что мне наградой послужила скорбь, и может ли она научить меня хоть чему-то.

Тогда я буквально ненавидел все, чем жил и чем руководствовался, ненавидел себя за мысли, почему ты не умерла раньше. И снова пытался найти хоть какое-то прощение в путанице бесконечных голосов, которые все как один выносили мне приговор на вечное страдание.

Я вновь и вновь обращался к тебе, Марта. И вновь ты ничего не могла мне ответить.

Но все же, когда у Мартина наконец прошли колики и отрыжки, когда мы с горем пополам пережили первые нечеловеческие оры по ночам из-за режущихся зубов, когда Мартин научился по-настоящему улыбаться, а во взгляде его проступила какая-то осмысленность, я вдруг понял, что ты, Марта, не ушла совсем бесследно. Потому что увидел, насколько Мартин похож на тебя. Ты жива. Ты жива еще в этой жизни. У нашей любви все же есть продолжение.

И теперь оно всецело в моих руках...

Сегодня утром я одной рукой отпихивал собаку, чтобы он не успел слопать детское пюре, от которого у него несварение, а другой пытался накормить Мартина картошкой из банки, но Мартин верещал на весь дом, будто бы его режут.

— Чакки, фу! Мартин, еще ложку. Одну ложку. Не капризничай!..

Раздался телефонный звонок. Я запихнул трубку между плечом и подбородком.

— Да, конечно, — не дослушав собеседника, выпалил я лишь бы быстрее отвязаться. — Вечером залью перепрошивку, и все заработает как положено. Мартин, сиди ровно! Это я не вам. Да, я напишу на почту. Хорошего дня.

Я бросил телефон на стол и продолжил кормление.

Няня должна была прибыть с минуты на минуту, но я спешил накормить сына как можно быстрее, потому что сегодня агентство прислало замену предыдущей сиделке. Я еще не знал, как Мартин отреагирует на нее.

Меня прервал новый звонок. На сей раз — в дверь.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

На пороге стояла молодая девушка. В пальто, в шляпке, в кремовых перчатках, которые она покорно сложила, обвив ручку дамской сумочки, и глядела на меня слегка удивленно. Впрочем, как и я на нее.

— Вы — пани Алисия?

— Да, пан Ривер.

Она зашла в квартиру и огляделась. Неспешно сняла верхнюю одежду. Я повесил на плечики ее пальто и шейный платок. Тут же прибежал Чак, который совсем не сдружился с предыдущей нянькой. Но новенькая, похоже, пришлась ему по вкусу. Он тут же полез обниматься к Алисии.

В неожиданности она отпрянула.

— Не пугайтесь. Он мирный.

— Я не боюсь собак, пан Ривер, — поборов первое смущение, сказала Алисия и принялась чесать моего уже здоровенного, упитанного кобеля за ухом.

— Идемте, — я провел ее в кухню. — Это Мартин.

Алисия подошла к ребенку и приветливо улыбнулась. Мартин издал неопределенный звук, который всегда издавал при виде незнакомых людей, но хотя бы не расплакался.

— А пани Ривер придет вечером? — спросила Алисия, по всей видимости, пытаясь отыскать в моем жилище хоть какие-то признаки женщины.

— Нет, она не придет. Давайте я вам покажу, где хранятся детские вещи.

Мы пошли в комнату, оставив Мартина издеваться над погремушкой, но от Чака отделаться не удалось. Он пошел с нами и по-хозяйски шнырял из угла в угол, демонстрируя свою территорию.

Я открыл комод, объяснил Алисии, в каких отсеках и что находится. Она слушала внимательно.

— Все понятно? — уточнил я.

— Да. Все понятно. Пан Ривер...

— Джет.

Алисия покраснела.

— Джет, — повторила она за мной неуверенно, — я просто хотела бы уточнить, в каком часу вы вернетесь.

— Часа через три.

— Хорошо.

— Вам еще что-то понадобится?

— Нет.

— Алисия, — стараясь говорить мягко, произнес я, — вы давно работаете в этой должности?

— Больше года.

— Правда? — я заглянул ей в глаза.

— Вы можете уточнить в агентстве. Вас что-то смущает?

— Меня ничего не смущает. Но меня заботит, кому я доверяю своего ребенка. Даже на три часа.

— Если пани Ривер не будет возражать, я успею приготовить к вашему возвращению ужин. Чтобы вы не сомневались в моей квалификации.

Я помолчал.

— Делайте, что хотите, — наконец отозвался я. — Главное, чтобы с Мартином все было в порядке.

Я поразмыслил, сказать ли ей напрямую о составе моей семьи, но пришел к выводу, что это ни к чему.

Я попрощался с Алисией, поцеловал Мартина, забрал Чака и ушел.

Очувившись на улице, я с блаженством и непередаваемой радостью закурил. Да, я знаю, Марта, что тебе не нравилась эта моя привычка. Мне самому не по душе довольно многое из того, что мне приходилось творить по собственной воле или ввиду обстоятельств. Но в данный момент я позволил себе считать, что совершаю наименьшее из зол, к которым был предрасположен.

Знаешь, хлопоты по возвращению маленького человека — это особенная форма удовольствия, граничащего с мазохизмом. Я никогда не предполагал раньше, через что проходит тот, кто еще совсем недавно воспринимал себя как центр вселенной. Можно считать, что дети — это своего рода вакцина для искоренения эгоизма. Я понял, чего на самом деле боялся, когда ты прежде заводила разговоры о потомстве. Не нехватки денег, жилищных метров и отсутствия секса. Конечно, всего этого мне порой не доставало сейчас, врать не буду. Но истинный страх скрывался с том, что я боялся больше не принадлежать

себе.

Так оно и вышло.

Но почему-то уже совершенно не пугало.

Да, я уставал, выматывался до минусового заряда энергии, разрываясь между заботами о ребенке, работой и хозяйственными делами. И все же это не убивало меня настолько, как в те дни, когда я не знал, куда приткнуться себя и свою гниющую любовь.

Сейчас я выползал из дома все еще живой с ощущением грандиозной непроходящей усталости и, как ни странно, благодарности.

Хотя бы за эту сигарету, которую я могу спокойно покурить и совершить вместе с Чаки короткий моцион до стоянки, где припарковал машину.

Дальше я должен буду отправиться по магазинам за продуктами, потом заехать за документами в одну контору, отвезти их в другую, затем очутиться в третьей, забрать часть зарплаты и вернуться домой. Мое расписание было плотнее тушенки, утрамбованной под самую крышку жестяной банки. Но тем слаще казалась сигарета и тем проще было не думать о несправедливости жизни.

Мне было некогда себя жалеть.

И, наверное, со стороны я вполне мог казаться довольно благополучным гражданином. Я работал, как и прежде, удаленно, но мне повезло найти более высокооплачиваемых клиентов. Я купил машину. Не слишком вычурную, зато новую. Я жил на старой квартире, но имел в планах улучшить и этот пункт. Возможно, не в этом году. Возможно, даже не в следующем. Но когда-нибудь это должно было случиться — я был уверен.

Однако при всем при этом я вынужден признать, что моя машина порой становилась свидетельницей коротких и душераздирающих мгновений отчаяния, когда я вспоминал о том, где ты теперь, и что никогда уже не будешь рядом. Это длилось какие-то минуты, но кромсало меня на куски, которые я затем бережно собирал обратно и двигался дальше.

Я бы сказал тебе, Марта, что твоя смерть сделала меня сильнее. Но это не так.

По сути своей я остался прежним, даже еще более разрушенным изнутри. Я восстанавливался ради своей новообретенной семьи, состоящей из Мартина, Чаки, отца и, как ни странно, твоей мамы. Но уж что ты действительно помогла мне понять, так это то, что я могу легко потерять и их тоже. Я просто делал все, чтобы этого не случилось.

Такая вот у меня наступила удивительная жизнь. Суетливая, нестройная, без выходных и передышек.

Если не считать времени на сигареты. И я прошу простить мне этот грех. Ведь я слишком занят для того, чтобы грешить еще как-то. А я уже говорил, Марта, мне рано становиться Буддой. Я хочу побыть грешным человеком.

В конце дня по возвращении домой меня встретила Алисия. Как и обещала, она приготовила ужин. Я попросил ее остаться еще на несколько часов, пока я завершу рабочие дела. Она согласилась и исправно выполняла свои обязанности даже немного сверх меры — все порывалась убратся в комнате и, когда Мартин уснул, пришла ко мне на кухню, чтобы узнать, не нужно ли в следующий раз составить предварительно список покупок, потому что она могла бы зайти в магазин, если что-то нужно.

Я оторвался от компьютера и посмотрел на нее. Она очень старалась мне понравиться — я это видел.

— Нет, Алисия. Ничего не нужно.

— Джет, я была невнимательна, читая информацию о вас... Я прошу прощения... —

скукожившись в дверном проеме, виновато сказала она.

— Ничего страшного. Вы на сегодня свободны.

Алисия подошла ко мне вплотную и встала рядом.

— Джет, мне так жаль... — она тронула меня за плечо.

Вроде бы такой невинный жест милосердия, но от него меня будто током шарахнуло...

Она была очень красива. Очень.

Узкие запястья, пухлые губы, золотые волосы. Совсем не похожа на тебя, Марта. Совсем — никаких резких движений и нагловатых ухмылок. Смиренная красота. Колдующая...

Я взял себя в руки и прекратил на нее глазеть.

— Все в порядке, Алисия, — я сглотнул с усилием. — Вы можете идти.

Когда она ушла, я проверил, как чувствует себя Мартин. Он спокойно спал. Чакки свернулся клубком под его колыбелью, но вскоре он перебрался ко мне на кухню и задремал возле подоконника, в котором я давно ликвидировал трещину и теперь использовал его в качестве дополнительного рабочего пространства. Например, складировал папки с бумажными архивами и ноутбук.

На сегодня все дела были завершены. Я вытащил потрепанные листы своего дневника и принялся писать.

Я писал долго, иногда отвлекаясь на то, чтобы снова укачать Мартина. Дважды за ночь его нужно покормить и затем уложить в кроватку.

В эту ночь я почти не спал. Я хотел рассказать тебе все, Марта. Как я скучаю по тебе, как мне тебя не хватает и всегда теперь будет не хватать. Как многое я бы отдал за то, чтобы вернуть хотя бы часть нашего невозвратного счастья. И как пытаюсь смириться с тем, что это невозможно.

Я обещаю, что выращу нашего сына достойным человеком и когда-нибудь обязательно расскажу ему все, что хотел рассказать тебе в этом письме, но так и не успел. Я ждал, я берег мою рукопись до того момента, когда ты сможешь ее прочесть. Но ты покинула меня слишком рано, и мне не хватило времени раскрыть душу перед тобой. Я никогда этого уже не смогу. Потому я завершаю свои записи.

Эта — последняя.

Завтра я позвоню в агентство и попрошу прислать мне другую няню. Завтра нашему сыну исполнится десять месяцев. Завтра мы бы отметили пятую годовщину со дня нашей встречи. Завтра я приду к Филу и попрошу его выпить вместе со мной кофе. Завтра я пойду на твою могилу, Марта, и оставлю там все мною написанное для тебя.

Может, хоть так ты прочтешь это и благословишь меня. Всех нас.

Я люблю тебя, Марта.

До встречи в следующей жизни.

Best regards, JR.

Послесловие от автора

Моё «Ненаписанное письмо» теперь вполне написано.

Даже как-то немного странно звучит — ненаписанное... Пожалуй, ему бы больше подошло название — «Неотправленное письмо» или «Не полученное письмо».

Но, с другой стороны, возможно, так потеряется его ключевой смысл: «Ненаписанное письмо» — это слова и чувства не одного только Джета Ривера, но многих людей, которые так никогда и не решаются написать или высказать вслух то, что у них на душе.

Сколько в мире действительно ненаписанных писем? Возможно, в каждом человеке живет хотя бы «записка».

А я собрал свои собственные записки в полноценный роман. На его написание мне потребовалось 4,5 месяца.

Одна девушка спросила меня:

— А о чём для тебя эта книга?

И я ответил:

— Она о любви. Многоликой любви. А ещё о скоротечности времени. О главных вещах, которые могут не казаться такими уж главными. Но через опыт и новый взгляд приходит осознание их ценности.

Я постарался вложить в эту работу то, что переживал сам. Свою философию, боль, радость, тепло. Я писал о любви больше как о принятии и прощении, как о путеводной нити буддизма и как об основных законах, на которых всё ещё существует и остаётся в относительном равновесии мир.

Жизнь продолжается.

Я знаю, что кто-то будет резко против такого финала. Знаю, что не вписался со своим сюжетом в принятую на данный момент в обществе концепцию «популярного романа». Но я не ставил перед собой целью сделать эту книгу популярной. Я хотел написать ровно то, что написал. А что дальше будет с «Ненаписанным письмом», я пока не знаю.

Возможно, у вселенной появятся какие-то серьёзные планы на мой роман. Но в той точке жизни, где я нахожусь сейчас, я со своей задачей справился.

Дальше — будет видно.

Здесь я привожу полностью любимое мной стихотворение чилийского поэта Пабло Неруды, которое в романе частично цитирует Саша, когда их отношения с Джетом ещё находятся в своей самой счастливой стадии.

Эти строчки посвящены всем тем, кто был рядом с нами и уже никогда не придёт.

* * *

А если я умру — переживи меня.

С такой неистойвой и чистой силой

Неизгладимый взгляд от Юга к Югу брось,

От солнца к солнцу пусть твой рот звучит гитарой.

Я не хочу, чтобы слабел твой смех.

Будь радостью, она — моё наследство.

Не призывай меня. Меня на свете нет.

Живи в моём отсутствии, как в доме.

Огромнен этот дом — отсутствие моё.

В него сквозь стены можешь ты войти
И в воздухе развешивать картины.
Прозрачен этот дом — отсутствие моё,
Мне будет видно, как ты в нём живёшь.
И если в горе — то умру я снова.

Best regards.

JR.

P. S.: посвящаю «Ненаписанное письмо» своему отцу.